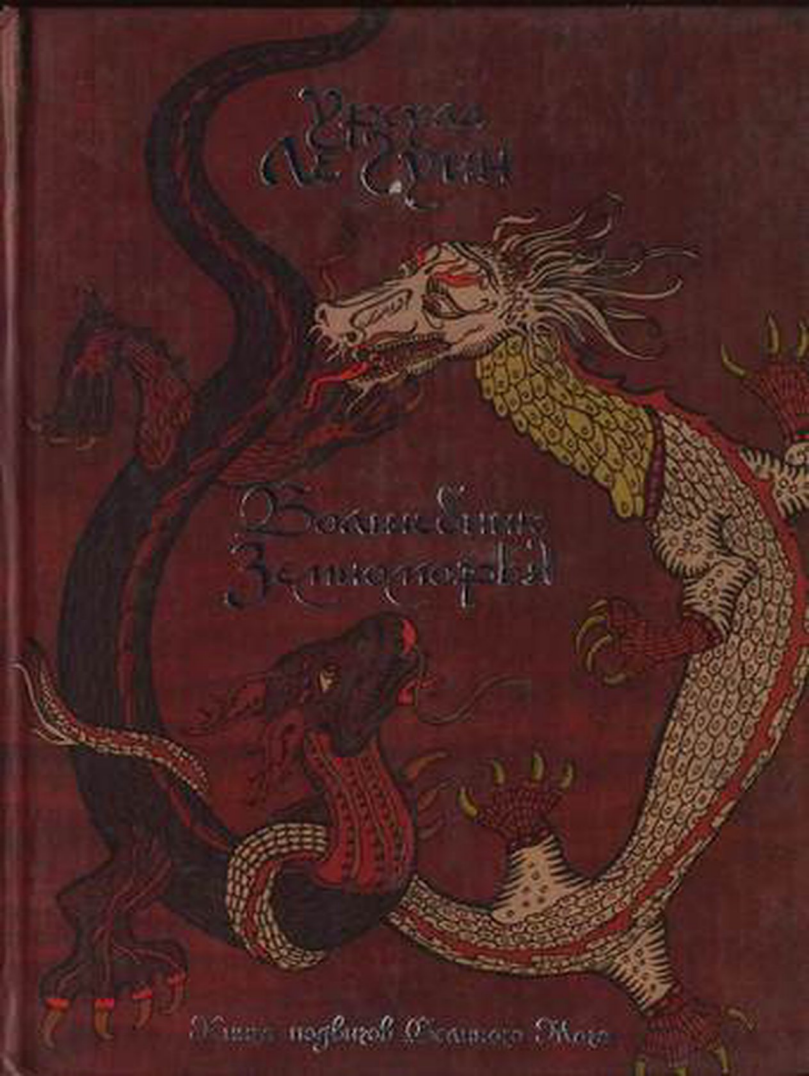

Урсула Ле Гуин
Волшебник Земноморья
Книга первая Старшего Мага

Волшебник земноморья

Урсула Ле Гуин

Аннотация
1. Войны в тумане
2. Тень
3. Школа волшебников
4. Разверстая земля
5. Пендорский дракон
6. Жертва
7. Полет ястреба
8. Охота
9. Иффиш
10. Открытое море
Эпилог

Аннотация

Американская писательница Урсула Ле Гуин пользуется славой одного из лучших фантастов XX века. Роман «Волшебник Земноморья» открывает философский цикл «Земноморье» из четырех книг, выполненный в лучших традициях фэнтези. Драконы, пророчества, заклинания, выпущенное на свободу Зло и победа над Тенью — словом, магический мир во всем его таинственном многообразии.

Только в молчании звук,
Только во мраке свет,
Только в погибели жизнь:
В пустынной синеве
Ясен ястреба след.
«Сотворение Эа»

1. Войны в тумане

Остров Гонт, одинокая гора, чья вершина на милю возвышается посреди исхлестанного штормами Северо-Восточного моря, всегда славился своими волшебниками. Из его селений, разбросанных по горным долинам, из портов на берегах темных узких заливов немало гон-тичей уходили в города служить в качестве магов и волшебников при дворах Властителей Архипелага или же, в погоне за приключениями, странствовали по всему Земноморью и, творя свою магию, постоянно перебирались с одного острова на другой. Среди них, как говорят, самым великим волшебником и несомненно величайшим из путешественников был человек по имени Ястреб-Перепелятник, который со временем стал Повелителем Драконов и Верховным Магом. Жизнь его воспета в «Деянии Геда» и множестве песен, но рассказ наш относится ко времени, когда он еще не достиг славы, задолго до того, как были сложены песни.

Родился он в деревушке Ольшанники, затерянной высоко в горах, прямо над Северной Долиной. Внизу под деревней пастбища и пашни спускают-

ся по склонам до самого моря, а в излучинах реки Ар лежат небольшие городки. Выше деревни тянется сплошной лес, который взбирается по хребтам и где-то в заоблачных высях достигает скал и ледников.

Имя Дьюни дала ему мать. Жизнь и имя — это все, что она успела дать сыну, так как умерла, когда ему не исполнилось и года. Отец, деревенский медник, был человеком угрюмым и неразговорчивым, а шестеро братьев, все много старше Дьюни, один за другим покидали отчий кров — кто подался в землепашцы, кто в моряки, а кто в кузнецы в городах Северной Долины. Так что в детстве некому было приголубить и наставить мальчика. Поэтому и рос он как сорная трава — высокий живой подросток, горластый, вспыхивающий, как порох, чуть что придется не по нраву. Вместе с несколькими деревенскими ребятишками он пас коз на высокогорных лугах над источником. Когда он окреп настолько, что мог раздувать длинные мехи, отец приспособил его к кузнечному делу и взял себе в подмастерья, щедро расплачиваясь с ним тумаками и колотушками. Но Дьюни не так-то просто было заставить работать — всякий раз, когда он был нужен, его не оказывалось на месте. Он забирался глубоко в

лес, плавал в заводях реки Ар, быстрой и холодной, как все гонтские реки, по скалам и крутым откосам поднимался на вершины гор над лесом, откуда открывался бескрайний морской простор, где за Перрегалем кончались острова.

В той же деревне жила родная сестра его покойной матери. Она делала для него все, что положено, когда он был младенцем, но у нее хватало своих дел, и, как только он подрос и мог позаботиться о себе сам, она потеряла к нему интерес. Но однажды, когда ему было семь лет и он еще ничего не знал о том, что на свете существует магия, он услыхал, как тетка проговорила какие-то слова, похожие на стишок, козе, которая забралась на соломенную кровлю дома и теперь боялась с нее спрыгнуть. Услыхав стишок, коза тут же соскочила вниз.

На следующий день, когда Дьюни пас длинношерстных коз на лугу у Крутого Откоса, он выкрикнул теткин стишок, смысла которого не понимал:

Нот хирт молк ман,
Хволк хан мерт хан!

Он крикнул громко, во весь голос, и козы разом сорвались с места и бросились к нему. Они бе-

жали быстро и совершенно бесшумно. Он видел устремленные на него желтые глаза с темными узкими палочками зрачков.

Он рассмеялся и снова выкрикнул стишок, который давал ему такую необъяснимую власть над козами. Между тем козы подошли почти вплотную — они топтались вокруг, толкая друг дружку. Ему вдруг стало страшно — его пугали их твердые, в складках, рожки, загадочный взгляд, странное молчание. Он сделал попытку вырваться и убежать. Козы, сбившись в кучу, кинулись за ним следом. В конце концов они всем скопом ввалились в деревню — козы, сгрудившиеся так тесно, словно их стянули одной бечевкой, и в центре орущий, зареванный мальчик.

Деревенские жители высыпали на улицу — они всячески поносили коз и потешались над мальчиком. В толпе была и тетка Дьюни, но она, в отличие от остальных, не смеялась над ним. Она сказала что-то козам, и те, избавившись от чар, сразу же заблеяли и разбрелись, пощипывая траву.

— Пойдем со мной, — сказала тетка мальчику.

Она привела его в хижину, где жила в полном одиночестве. Детей обычно тетка сюда не пускала, да и сами дети, по правде говоря, боялись

близко подходить к ее жилью. Хижина была низкая, без окон, насквозь пропахшая сухими травами, гирляндами свисающими с потолочной балки, — тут были мята и желтый лук, тимьян, тысячелистник, ситник и хвощ, куриная слепота, пижма и лавр. Тетка уселась, скрестив ноги, у очага и, глядя на мальчика из-под черных спутанных косм, падавших ей на лицо, спросила, что он сказал козам и знает ли он, что это за стишок.

Увидев, как, сам того не ведая, он так сильно околдовал коз, что они откликнулись на его зов и пошли за ним, она решила, будто мальчик несомненно обладает магическими способностями.

До сих пор племянник не занимал никакого места в ее жизни, но сейчас ведьма смотрела на него другими глазами. Похвалив его, она сказала, что знает много таких стишков и, кроме того, может научить его заклинаниям — стоит только их произнести, как улитка выставит рожки из раковины, а сокол спустится с неба.

Дьюни обрадовался.

— Давай поскорее научи меня! — воскликнул он с жаром, довольный тем, что тетка похвалила его за сметливость, — о том, как его напугали козы, он уже успел начисто забыть.

— Но ты должен обещать мне, что никому из

детей не выдашь тайны и не раскроешь имен, которые я тебе назову, — предупредила тетка.

— Обещаю, — ответил он с готовностью.

Ведьма улыбнулась его детскому нетерпению.

— Вот и отлично, — сказала она. — Но на всякий случай я скреплю обещание: я заговорю твой язык, и он перестанет слушаться, пока я снова не развяжу его. Но даже после того, как к тебе вернется речь, ты не сможешь произнести имена, которым я тебя научу, если поблизости будет кто-то посторонний. Мы ведь должны хранить секреты нашего ремесла.

— Ну хорошо, — сразу же согласился мальчик. У него и в мыслях не было делиться своей тайной с кем-либо из товарищей — напротив, ему всегда нравилось знать то, чего другие не знали, и делать то, что другие не умели.

Он сидел неподвижно и смотрел, как тетка стянула сзади узлом свои нечесаные космы и туго завязала пояс. Затем она снова села, скрестив ноги, и стала бросать в огонь охапки листьев — дым заполнил все темное пространство хижины. Потом она вдруг запела — голос то понижался до шепота, то поднимался до самых высоких нот, будто пела не она, а кто-то другой у нее внутри. Она пела и пела, и мальчик уже перестал пони-

мать, бодрствует он или дремлет. Все это время старый ведьмин пес, который так ни разу и не залаял, глядел на него, не мигая, красными от дыма глазами. Ведьма заговорила с Дьюни на непонятном языке и велела повторять за ней какие-то стишки и слова, пока не околдовала его так, что он не мог двинуться.

— Говори! — приказала она, чтобы проверить действие чар.

Дьюни не мог произнести ни слова, но вдруг рассмеялся. Ведьма явно была обеспокоена силой, таящейся в этом мальчике, — она пустила в ход все умение, чтобы подчинить своей воле его язык, а заодно сделать его послушным пособником в ее ведьмовских делах. Но мальчик рассмеялся, будучи скованным чарами. Она ничего на это не сказала. Плеснув чистой воды в огонь, она подождала, пока рассеется дым, а затем дала Дьюни попить и, как только воздух полностью очистился, назвала ему истинное имя сокола.

Это были первые шаги Дьюни на пути, которым ему предстояло следовать всю жизнь, магическом пути, приведшем его в итоге, после того как он обшарил моря и земли в поисках Тени, к сумеречным берегам Царства Мертвых.

Отныне стоило ему произнести имя, как сокол

тут же выныривал из ветра и, громко хлопая крыльями, садился ему на запястье, будто Дьюни был сказочный принц, собравшийся на соколиную охоту. Ему не терпелось узнать, как кличут других птиц. И он умолял тетку назвать ему имена перепелятника, скопы, орла. Он безропотно выполнял поручения ведьмы и старался запоминать все, чему она его учила, хотя далеко не всегда ему нравилось то, что доводилось видеть и слышать. На Гонте говорят: «От женского колдовства проку мало», но есть там иная поговорка: «Женщина наколдует — жди беды».

Олыпанниковская ведьма не была черной колдуньей и в своей колдовской практике никогда не прибегала к высокой магии и не касалась Тайных Сил Земли. Но она была женщиной невежественной и жила среди такого же невежественного народа, и потому ремесло ее нередко служило мелким и сомнительным целям. Она не подозревала о существовании законов Равновесия и Этики, о которых знают и которым служат все настоящие волшебники, так как эти законы удерживают их от применения магической силы, пока в этом нет нужды. Она знала заговоры на все случаи жизни и вечно плела свою колдовскую паутину. Все ее знания были построены на

обмане и всяческой ерунде, и она даже не могла отличить подлинных чар от фальшивых. Она помнила несметное множество заклятий, и ей, очевидно, легче было напустить болезнь, чем излечить от нее. Как всякая деревенская ведьма, она умела варить любовное зелье, но могла состряпать нечто и похуже, если хотела возбудить в ком-то ревность или ненависть. Эти темные делишки она предпочитала скрывать от своего подмастерья и по мере сил старалась учить его честному ремеслу.

На первых порах Дьюни радовался той власти, какую он благодаря колдовству обретал над животными и птицами, и узнавал их повадки. И, надо сказать, радость эта сохранилась у него на всю жизнь. Дети, встречая Дьюни на горных пастбищах с хищной птицей на руке, прозвали его Ястреб, и эта кличка прилепилась к нему и стала его вторым именем в обыденной жизни, где подлинное имя остается неизвестным.

Ведьма постоянно твердила, какой славы, богатства и власти над людьми может при желании добиться волшебник, и поэтому он решил, что ему, в его будущей профессии, пригодятся полезные навыки, и всерьез взялся за колдовскую науку. Ученик он был смышленый. Ведьма не мог-

ла им нахвалиться, деревенские ребятишки его побаивались, а сам он уверовал в то, что будет великим человеком. А пока что он с азов проходил с ведьмой все премудрости колдовства, — начав с простейших заклинаний, он постепенно осваивал более сложные приемы. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он знал почти все, что знала она. Однако на самом деле не так уж много, хотя и вполне достаточно для ведьмы маленькой деревушки, но гораздо больше, чем требуется для двенадцатилетнего мальчика. Она научила его разбираться в травах, отыскивать потерянные предметы, запутывать, чинить, распечатывать, вызнавать. Она пела ему песни знаменитых сказителей прошлого и героические саги о Великих Деяниях, учила его словам Тайноречья, которые когда-то в молодости доверил ей деревенский колдун. От предсказателей погоды и бродячих фокусников, странствующих по городам Северной Долины и Восточного Леса, Дьюни выучился разным фокусам и шуточным трюкам, входящим в магию иллюзий. Именно один из таких трюков и показал людям, какой огромной волшебной силой обладает этот мальчик.

В те дни большого могущества достигла Каргадская Империя, владевшая четырьмя большими

островами между Северным и Восточным Пределами: Карего-Ат, Атуан, Гур-Ат-Гур и Атнини. Язык, на котором говорят их жители, не похож ни на один из языков остального Архипелага или же других Пределов. Карги — народ дикий и свирепый, им нравится запах крови и дым пожарищ спаленных городов. За год до всех событий они напали на Ториклы и хорошо укрепленный остров Торхавен: полчища каргов появились у островов на судах под красными парусами. Весть об этом дошла до северной части Гонта, но его правители были поглощены пиратским промыслом, и их мало трогали беды соседних земель. Под ударами каргов пал Спиви, который потом был разграблен и опустошен, а жители проданы в рабство. Этот остров и по сей день стоит в развалинах. Распаленные успехом карги затем подошли к Гонту — их флот из тридцати больших галер атаковал Восточный Порт. Продвигаясь с боями, они захватили и сожгли город. Оставив свои суда под прикрытием в устье реки Ар, они поднялись в Долину, круша и уничтожая все на своем пути, убивая людей и скот. Они раскололись на мелкие отряды, и каждая такая банда орудовала как ей вздумается. О разбое, который они учиняли, постоянно рассказывали беженцы

из нижних деревень. Вскоре и жители Олыпанников заметили, что небо на востоке заволокло дымом. Ночью несколько человек отправились на Крутой Откос, откуда хорошо была видна Долина, вся в красных сполохах огня — горели еще не убранные поля, пылали фруктовые сады и плоды спекались прямо на ветках, дотлевали сожженные амбары и фермы. Часть жителей укрылась в оврагах и попряталась в лесах, а часть готовилась сражаться за свою жизнь. Нашлись и такие, которые не делали ни того, ни другого, только ныли и причитали. Ведьма была среди тех, кто убежал, — она спряталась одна в пещере на крутом склоне Каппердинга и колдовством запечатала вход. Отец Дьюни, деревенский кузнец и медник, не собирался бросать плавильню и кузню, где проработал почти полвека. Всю ночь он трудился и, собрав весь имеющийся металл, сбивал из него наконечники копий, а работавшие вместе с ним люди прилаживали их к ручкам мотыг и грабель, так как времени на то, чтобы сделать углубления и насадить наконечники как должно, уже не оставалось. В деревне не оказалось никакого оружия, кроме охотничьих луков и коротких ножей, — горный Гонт никогда не был воинственным и славился не воинами,

а похитителями коз, морскими пиратами и волшебниками.

Рассвет принес густой белый туман, нередкий в осеннюю пору по утрам в горах. Возле своих домов и хибарок, вдоль главной улицы, которая, петляя, тянется по крутому склону, вооруженные охотничьими луками и изготовленными в кузне копьями, собрались жители Олыпанников в ожидании врага. Они не знали, где он — далеко или совсем близко. Они стояли молча, вглядываясь в туман, нарушающий привычные расстояния, скрывающий от их глаз очертания гор и неотвратимую беду.

С ними был и Дьюни. Всю ночь он качал кузнечные мехи — два длинных рукава из козьей шкуры, питавшие воздухом огонь. Руки теперь ныли и так дрожали, что он с трудом держал копье, которое сам же тщательно и выбрал. Он боялся, что руки его подведут и он не сможет защитить ни себя, ни своих односельчан. Горько было думать о том, что скоро его проткнет копьем какой-нибудь незадачливый карг и он умрет совсем молодым и отправится в Царство Мертвых, так и не узнав своего настоящего имени и не достигнув зрелости. Он поглядел на свои тощие руки, мокрые от холодной росы и тумана, все

в нем восстало против собственного бессилия. И тем было обиднее, что он чувствовал в себе волшебную силу, но не знал, как ею распорядиться. Он лихорадочно искал хоть какую-нибудь зацепку, которая могла бы помочь его соплеменникам перехитрить противника, дать им шанс на спасение. Но одного желания было мало для того, чтобы высвободить эту силу, нужны были знания.

Туман рассеивался постепенно под жаркими лучами солнца, которое стояло теперь в ясном небе прямо над пиком. И по мере того, как, дробясь на клочья, уходил туман и растекались струйки дыма, жители деревни все отчетливее видели шедший в гору отряд. На всех воинах были бронзовые шлемы, а на груди и на коленях кирасы и ножные латы из толстой кожи. Они несли деревянные и бронзовые щиты и оружие — мечи и длинные каргские копья. Петляя вдоль крутого берега Ара, они шагали, растянувшись цепочкой, — колыхались перья на шлемах, позвякивала бронза. Они подошли уже так близко, что без труда можно было различить их белые лица, слышно было, как они громко переговариваются на незнакомом языке. Вся эта шайка насчитывала не больше ста человек, что не так

уж и много для боевого отряда, но беда состояла в том, что в деревне вместе с мальчиками было всего восемнадцать мужчин.

Отчаянное желание что-то сделать вытолкнуло из глубины памяти знание. Увидев, что туман быстро расходится и тает на тропе, по которой движутся карги, Дьюни вдруг вспомнил колдовской трюк, который сейчас был ему необходим.

Однажды старик, прорицатель погоды из Долины, стремясь заполучить Дьюни в ученики, показал ему несколько фокусов, один из которых называется «плетение тумана», магический прием, задача которого собрать в одном месте и сгустить на короткое время клочья тумана. Человек, способный вызывать иллюзорные видения, может плести из этого тумана призрачные фигуры, которые живут недолго и потом как бы истаивают. У Дьюни не было ни умения, ни опыта для того, чтобы повторить этот трюк, однако сейчас цель его была иная, и он чувствовал, что для ее достижения у него хватит силы проделать фокус.

Понимая, что нельзя медлить, он тут же произнес вслух несколько названий мест в деревне и на ее окраинах, а затем волшебную формулу «плетения» тумана. Между словами он ловко

вставил заклинание укрытия, а за ним еще одно, которое приводило эту магию в действие. Незаметно подошедший сзади кузнец, услыхав всю эту абракадабру, дал сыну здоровую затрещину, от которой тот полетел на землю.

— Молчи, дурак! — заорал он. — Придержи свой поганый язык!.. Пойди спрячься, если не можешь драться!

Дьюни с трудом поднялся на ноги. Он знал, что карги в недоумении остановились на краю деревни, почти совсем рядом; там, где рос большой тис возле дома дубильщика, ясно слышались голоса, бряцание оружия и скрип амуниции, но при этом воинов не было видно. Густой туман окутал деревню, затемнив свет так, что едва можно было разглядеть собственную руку.

— Я всех вас укрыл, — сказал мрачно Дьюни; голова болела от удара, а двойное колдовство вконец истощило его. — Попробую, если получится, удержать туман подольше. А ты пойди и скажи людям, пусть заманят их на Крутой Откос.

Кузнец в изумлении смотрел на сына, стоящего, как призрак, в этом странном промозглом тумане. Он не сразу сообразил, что хочет от него Дьюни, но когда до него дошло, он кинулся искать своих односельчан. Бежал он совсем бесшумно, по-

скольку знал каждый плетень в родной деревне. Сквозь серый туман пробилось красное марево — это карги подожгли солому на кровле дома. Но они не решались войти в деревню и топтались на нижней окраине, ожидая, пока прояснится и они смогут начать мародерствовать.

Дубильщик, чья хижина уже горела, выслал двух мальчишек и наказал им прыгать под носом у каргов, дразнить их, осыпать громкими проклятиями, а потом, как дым, раствориться в тумане. В это время мужчины постарше, перебегая, пригнувшись, от забора к забору, обрушили град стрел и копий на сбившихся в кучу каргов. Один из них покатился, корчась от боли, когда копье, еще хранящее жар кузни, проткнуло его насквозь. Другие были ранены стрелами. Карги пришли в дикую ярость, они бросились рубить презренных обидчиков, но вокруг был лишь туман, наполненный голосами. Они побежали на голоса, колотя воздух своими длинными окровавленными копьями, на которых еще болтались перья. С криком они промчались по улице, где маячили и снова исчезали в кольцах тумана хижины и дома. Деревенские бежали беспорядочно, многие ушли далеко вперед, так как знали местность, но несколько стариков и мальчишек

отстали. Карги, наткнувшись на них, пронзали их копьями или рубили мечами, испуская при этом боевой клич «Вулуа!», «Атуа!»[1].

Часть отряда остановилась, почувствовав, что земля под ногами становится все более каменистой, но многие упрямо продолжали поиски заклятой деревни, то и дело кидаясь вслед за призраками, неизменно ускользающими от них. Туман ожил с появлением этих мелькающих фигур, увертывающихся, неясно мерцающих, тающих. Преследуя эти видения, группа каргов дошла до Крутого Откоса, края скалы над источником, питающим Ар. Там призраки испарились в разряженном воздухе, а их преследователи с высоты в сто футов с визгом полетели вниз сквозь туман и неожиданно вспыхнувший солнечный свет прямо в мелкие пруды среди скал. Те, кто подошел позже и избежал этой участи, теперь стояли на краю утеса, напряженно вслушиваясь в тишину.

Каргов охватил страх, и они начали искать в этом жутком тумане своих, уже не думая о деревенских. Они все собрались на склоне, но и там время от времени появлялись видения и при-

---

[1] Примечания: 1
Белокожие боги с острова Атуан.

зраки, а потом новые призраки нападали сзади с копьями или ножами и тут лее исчезали. Карги пустились бежать вниз по склону — они бежали молча, без конца спотыкаясь, пока не выбрались из сплошного серого тумана и не увидели реку и овраг под деревней в лучах утреннего солнца. Тут они остановились, собрались все вместе и наконец отважились взглянуть назад. За их спиной была стена вьющегося кольцами тумана, из которого неожиданно вынырнули два отставших воина. Натыкаясь на камни, они пытались как можно скорее добраться до своих, длинные копья болтались у них за плечами. Ни один из каргов больше ни разу не оглянулся. Они торопливо спускались, стремясь уйти подальше от заколдованного места.

В Северной Долине каргов ждало возмездие. Города Восточного Леса от Оварка до побережья собрали людей и выслали их против захватчиков. Отряд за отрядом спускался с гор, и за два дня карги были оттеснены к морскому берегу над Восточным Портом, где они обнаружили свои сожженные суда. Они сражались, стоя спиной к морю, пока не погибли все до единого. Песчаные пляжи в устье Ара были бурые от крови. Потом кровь смыло приливом.

Между тем в то утро, когда ушли карги, над деревней Олыпанники и Крутым Откосом еще некоторое время держался сырой туман, пока его не отнесло ветром, после чего он окончательно растаял и испарился. Несмотря на яркое солнце, ветер так и не утих. Постепенно стали появляться люди, которые растерянно оглядывались вокруг. Рядом с мертвым каргом с длинными светлыми волосами, залитыми кровью, лежал деревенский дубильщик, встретивший смерть в бою, как благородный рыцарь.

Внизу в деревне догорал дом, подожженный каргами. Подбежавшие люди стали тушить пожар — битва была окончена, и они вышли из нее победителями. На улице под большим тисом одиноко сидел Дьюни, сын кузнеца, не замечая ничего, что делалось вокруг. Он не был ранен, но потерял речь и, казалось, ничего не соображал — сидел, будто его пригвоздили к месту. Деревенские жители прекрасно понимали, что для них сделал этот мальчик. Они отвели его в отцовский дом и пошли звать ведьму. Они умоляли ее выйти из пещеры и вылечить парня, спасшего им жизнь и все их достояние — не удалось уберечь всего один дом и четырех односельчан, убитых каргами.

У Дьюни на теле не оказалось ни одной колотой раны, но он по-прежнему не говорил, не спал и не принимал пищи — казалось, он не слышит, когда к нему обращаются, и не видит пришедших его навестить. В их краях не было волшебника, который взялся бы его исцелить. Тетка сказала, что он «израсходовал все свои силы», но — как помочь ему — ей было неведомо.

И пока он так лежал, безучастный и глухой ко всему, история о парне, который сгустил туман и спугнул каргских мечников с помощью трюка с туманом, уже распространилась по всей Северной Долине и Восточному Лесу. О ней узнали даже в горах и в Большом Гонтском Порту. Так случилось, что на пятый день после избиения каргов в устье реки Ар в Оль-шанниках объявился какой-то странник, ни молодой и ни старый, — он был в плаще, но с обнаженной головой, в руке он легко нес большой дубовый посох, доходивший ему до макушки. Он пришел не по течению Ара, как большинство людей, а вышел прямо из леса на высоком склоне горы. Деревенские кумушки сразу же увидели, что это волшебник, и, когда тот сказал им, что он знахарь, тут же отвели его в дом к кузнецу. Отослав из комнаты всех, кроме отца мальчика и тетки, незнакомец наклонился над

койкой, где лежал Дьюни, вглядываясь в темноту невидящими глазами.

Странник положил руку ему на лоб и пальцами коснулся его губ.

Дьюни медленно сел, озираясь вокруг. Вскоре он заговорил, силы и чувство голода начали возвращаться к нему. Ему дали немного попить и что-то съесть. Затем он снова лег, не сводя со странника темных задумчивых глаз.

Кузнец сказал незнакомцу:

— Сразу видно, ты не простой человек.

— И этот мальчик будет не простым человеком, — ответил лекарь. — История о его подвиге и трюке с туманом дошла до Ре-Альби, где я живу. Я пришел сюда дать ему имя, если, как мне говорили, он еще не прошел Посвящение.

Ведьма шепнула кузнецу:

— Брат, мне кажется, это Огион, маг из Ре-Альби. Тот, что укротил землетрясение.

Однако медника ничуть не смутило громкое имя.

— Моему сыну тринадцать лет исполнится в этом месяце, — сказал он, — но Посвящение его мы бы хотели отложить до Праздника Солнцеворота.

— Надо дать ему имя как можно скорее, — ответил маг. — Ему очень не хватает имени. «У меня много других дел, но я сюда вернусь в день, который ты назначишь. И если ты не будешь против, я возьму его с собой, когда приду сюда в следующий раз. А если он окажется смышленым, я определю его к себе в ученики или позабочусь о

том, чтобы он получил образование, соответствующее его дару. Опасно держать в неведении ум прирожденного мага.

Огион говорил мягко, но в то же время настолько убедительно, что даже твердолобый кузнец согласился на его предложение.

Когда Дьюни исполнилось тринадцать лет, Огион, проделав долгий путь через гору Гонт, снова пришел в деревню, после чего состоялась церемония Посвящения. Это был день, уже тронутый великолепием ранней осени, хотя на деревьях все еще сохранялась ярко-зеленая листва. Ведьма взяла у мальчика имя, которым в младенчестве нарекла его мать. Лишенный имени, обнаженный, он ступил в холодный источник реки Ар, там, где он течет среди скал под высокими утесами. Когда он вошел в ручей, водянистые облака закрыли солнечный лик и их огромные тени скользнули по воде и смешались с ней. Он шел в ледяной воде, стуча зубами от холода, но, как и положено, держался прямо и ни разу не убыстрил шага. На берегу его ждал Огион. Когда юноша вышел на берег, маг сжал его локоть и тихо назвал настоящее его имя — Гед.

Так он получил свое подлинное имя от одного из мудрейших знатоков магического искусства.

Праздник был в разгаре, и деревня вовсю веселилась — еды было вволю, пива хоть залейся. Был тут и бард из Северной Долины, который пел «Деяния Повелителей Драконов».

— Пойдем, сынок, — сказал тихим голосом маг. — Попрощайся со всеми, пусть они себе пируют дальше.

Гед собрал и принес все свое имущество — бронзовый нож, специально выкованный для него отцом, кожаную куртку, которую вдова дубильщика перекроила по его мерке, и ольховый посох, заколдованный теткой. Это все, что у него было, не считая рубахи и штанов. Он простился со всеми односельчанами и в последний раз окинул взглядом хижины, беспорядочно разбросанные у подножия высоких утесов, над источником, питаемым водами реки, а затем двинулся в путь со своим новым учителем по крутым лесистым склонам гор, сквозь листву и тени красочной осени.

2. Тень

Гед думал, что ему, как ученику мага, сразу же откроются все тайны волшебства. Он был уверен, что мгновенно начнет понимать, о чем говорят звери и о чем шепчутся листья в лесу, что ветер стихнет, стоит только произнести магическое слово, и что в любую минуту он обернется кем ему захочется. Он надеялся, что они с учителем, превратившись в оленей, помчатся через горы или на орлиных крыльях перелетят в Ре-Альби, но в действительности все оказалось не так. Сначала они долго спускались в Долину, а потом стали обходить гору, двигаясь на юг, затем на запад. Им давали приют в маленьких деревушках, а иногда они ночевали под открытым небом, как странствующие колдуны, или медники, или просто нищие. Врата таинственного царства так и не отворились. Все было как обычно. А дубовый посох мага, на который Гед поначалу посматривал со страхом и благоговением, оказался простой толстой палкой, помогающей Огиону ходить по горам.

Прошли три дня, за ними еще четыре, а Гед так

и не услышал от Огиона ни одного волшебного слова — он ничему не научил его: ни именам, ни рунам, ни магическим заклинаниям.

Огион, человек крайне молчаливый, всегда так мягко и спокойно разговаривал с Гедом, что тот вскоре перестал робеть и через несколько дней осмелел настолько, что решился задать вопрос:

— Учитель, когда начнется мое учение?

— Оно уже началось, — ответил Огион.

Наступила пауза — Гед досадовал, что так и не спросил того, что собирался. Наконец он осмелился:

— Но я ведь еще ничему не научился.

— Ты просто не понял, чему я учу, — сказал маг, продолжая идти своим размеренным шагом по тропе на высоком перевале между Оварком и Уиссом. Огион был темнокожим, как большинство местных жителей, лицо его было цвета темной бронзы. Седой, тощий, голенастый и жилистый, как пес, он не знал усталости. Говорил он мало, ел тоже мало и спал немного. У него был острый слух и острое зрение и привычка все время к чему-то прислушиваться.

Гед ничего ему не ответил — не так-то легко сразу не растеряться и ответить магу.

— Тебе хочется заниматься волшебством, —

вдруг сказал Огион, не сбавляя шагу. — Ты испил уже довольно много водицы из этого колодца. Подожди немного. Зрелость — это терпение. А мастерство — девятикратное терпение. Скажи, что за трава растет там у дороги?

— Бессмертник.

— А вот эта?

— Не знаю.

— Это четырех листник.

Огион остановился и медным наконечником посоха указал на неприметную сорную травку. Гед внимательно посмотрел на растение и, нагнувшись, оторвал от него сухую семенную коробочку, а поскольку Огион замолк, спросил его:

Учитель, а какая от него польза?

— Никакой, насколько я знаю.

Гед еще некоторое время нес сухую коробочку в руке, потом выбросил.

Когда ты будешь представлять, как выглядит это растение во все времена года, какие у него корни, листья, семена, как пахнут его цветы, только тогда, уяснив его естество, ты сможешь узнать его настоящее название. Это гораздо важнее, чем его польза. Ну, а что, скажи, за польза от тебя? Или от меня? А какая польза от горы Гонт? Или, например, от Открытого Моря?

Они прошли еще с полмили, и Огион сказал:

— Чтобы научиться слушать, надо научиться молчать.

Гед помрачнел. Ему было досадно, что он выставил себя глупцом перед Огионом, но он ничем не выдал своей досады и раздражения и решил, что послушанием скорее заставит мага чему-нибудь его научить. Он жаждал учиться, и ему не терпелось как можно скорее овладеть магическим искусством. Иногда он думал, что толку было бы больше, если бы он путешествовал с каким-нибудь собирателем трав или деревенским колдуном. Когда они обходили гору, двигаясь на запад к уединенным лесам мимо Уисса, он все чаще задавал себе вопрос, так ли уж велик знаменитый маг Огион и так ли уж хороша его магия, ибо, когда пошел дождь, Огион ничего не сделал, чтобы отвести грозу, а ведь это под силу любому заклинателю погоды. На земле, где полно колдунов, как, например, на Гонте или Энладах, часто можно видеть, как дождевое облако медленно относит из стороны в сторону или же с одного места на другое, когда волшебники перекидывают его, как мячик, и в конце концов выталкивают в море, где оно может спокойно пролиться дождем. Огион никогда не мешал дождю лить, где ему

вздумается. И на этот раз он отыскал густую ель и улегся под ней. Гед, насквозь промокший, сидел, скрючившись, и мрачно думал о том, стоит ли владеть силой, если твоя мудрость не разрешает ею воспользоваться. Будь он учеником старого прорицателя погоды из Долины, он хотя бы спал в тепле. Вслух он ничего не сказал, ни словом не выразил своего недовольства. Учитель улыбнулся ему и крепко заснул под дождем.

Незадолго до Солнцеворота, когда в горах начались первые снегопады, они наконец добрались до Ре-Альби, где жил Огион. Город этот стоит на крутом скалистом обрыве Оверфель, что в переводе означает «Соколиное гнездо». Отсюда ясно видна глубокая гавань внизу, башни Гонтского Порта и суда, выходящие и входящие в ворота залива между Грозными Утесами, а еще дальше на западе можно различить синие горы Оранеи, самого восточного из Внутренних Островов.

Бревенчатый дом мага, просторный, крепко сработанный, с печью и дымоходом вместо ямы в полу, был, тем не менее, похож на хижины в деревне Ольшанники — всего одна комната с пристроенным к ней загоном для коз. В западной стене комнаты было нечто вроде алькова — там спал Гед. Над его ложем было окно, выходящее

на море. Однако большую часть времени окно приходилось закрывать ставнями от сильных северных и западных ветров, которые дули всю зиму. В теплом полумраке этого дома Гед прожил все холодные месяцы, слушая, как хлещет дождь и воет ветер или падает снег. Он учился читать и рисовать Шестьсот Хардских Рун и, надо отдать ему должное, делал это охотно, так как без знания рун никакая зубрежка магии и заклинаний не даст истинного мастерства. И хотя в хардском наречии Архипелага магического смысла не больше, чем в любом другом языке, корнями он уходит в Древний Язык, в котором предметы назывались их истинными именами. Если вы хотите понять этот язык, надо начинать с рун, которые были написаны еще в то время, когда острова всего мира впервые поднялись из моря.

Но никакого чуда, никакого волшебства так и не произошло. Вся зима — это постоянное перелистывание тяжелых страниц книги рун, сплошной дождь и снег. Обычно Огион входил, стряхивая снег с сапог после скитаний по обледенелым лесам или возни с козами, и молча садился у огня. Это бесконечное вслушивание в тишину заполняло все пространство и всю душу Геда — иногда ему казалось, что он не помнит, как звучат слова.

И когда Огион наконец что-то произносил, у Геда возникало ощущение, что учитель в этот момент впервые изобрел речь. Однако в словах, которые он произносил, не было ничего значительного, обычно они касались таких простых вещей, как хлеб, вода, погода, сон.

Когда же пришла весна, яркая и стремительная, Огион стал часто посылать Геда за луговыми травами в горы над Ре-Альби, ничем не ограничивая его свободы: мальчик мог странствовать с утра до ночи по лесам и мокрым, залитым солнцем зеленым полям над источниками, наполненными весенней дождевой водой. Он каждый раз с радостью отправлялся в путешествие и нередко возвращался поздним вечером. Но где бы он ни бродил, отовсюду он приносил травы. В поисках трав он лазал по горным кручам, переходил быстрые реки, обшаривал лужайки, знакомые и незнакомые тропы. Как-то раз он пришел на поляну меледу двумя ручьями, где росло множество цветов, известных под названием светлянки. Цветы эти довольно редкие и очень ценятся врачевателями. Поэтому на следующий день он пришел туда снова и обнаружил, что кто-то опередил его. На поляне он увидел девочку, которую встречал раньше и знал, что она дочь Правителя

Ре-Альби. Он никогда бы не решился заговорить с ней, но девочка сама подошла к нему и приветливо поздоровалась.

— Я знаю тебя, ты Ястреб, ученик нашего мага. Расскажи мне что-нибудь про колдовство.

Он смотрел на белые цветы, цепляющиеся за подол ее белой юбки, и, быть может, впервые в жизни смутился — он стоял с сумрачным видом и не мог выдавить из себя ни слова. Девочка, напротив, продолжала болтать, притом так уверенно, свободно и доброжелательно, что он постепенно поборол робость. Девочка была довольно высокая, примерно его возраста, с болезненным бледным лицом, почти совсем светлокожая. В деревне говорили, что ее мать родом то ли с Осскила, то ли еще с какого-то далекого острова. Длинные черные волосы, совершенно прямые, ливнем падали ей на спину. Геду она показалась очень уродливой, но чем дольше они разговаривали, тем сильнее росло в нем желание угодить ей, завоевать ее одобрение. Она заставила его рассказать ей, как он наколдовал туман и победил каргских воинов. Она слушала, как ему казалось, с интересом и даже с восхищением, но не произнесла ни единой похвалы и перевела разговор.

— А ты можешь приманивать птиц и зверей? —

спросила она.

— Могу.

Он знал, что в скалах над лугом есть гнездо сокола. Он кликнул его, назвав имя. Сокол прилетел, но не сел ему на руку — ему явно мешало присутствие девочки. Он кричал и бил воздух широкими крыльями, а затем взмыл навстречу ветру.

— Как называется колдовство, которое заставляет соколов прилетать?

— Приворотный клич.

— А ты можешь вызвать дух мертвеца?

Услышав вопрос, Гед решил, что девочка смеется над ним из-за того, что сокол не сразу прилетел на его зов. Вот уж этого он допустить не мог…

— Могу, если захочу, — ответил он сухо.

— Наверное, вызвать дух не столько трудно, сколько опасно?

— Трудно? Пожалуй, что да. Но при чем тут опасность? — Он с недоумением пожал плечами.

На этот раз у него не было сомнений — девочка посмотрела на него с явным восхищением.

— А ты можешь приворожить любовь?

— Это не искусство.

— Да, я знаю. Это умеет любая деревенская колдунья. А можешь кем-нибудь оборотиться?

Изменить свой облик, как, говорят, делают волшебники?

И снова у него закралось подозрение — не смеется ли она над ним. На всякий случай он сказал:

— Мог бы, если б захотел.

Она тут же стала уговаривать Геда показать ей фокус и превратиться в быка или ястреба, или хотя бы в огонь, или дерево, словом, сделать так, как ему проще.

Чтобы избавиться от ее приставаний, он тихонько произнес короткое заклинание, как это делал учитель.

Гед не знал, что сказать ей, если она будет очень донимать его, тем более что он не до конца понимал, верит ли он в собственные силы или только хвастается.

Пробормотав что-то невнятное насчет того, что дома его ждет маг, он ушел, а на следующий день не явился вовсе.

Еще через день он отправился на поляну, убеждая себя, что должен собрать побольше цветов, пока не кончилось их цветение. Девочка была там, и они вместе бродили босиком по топкому лугу и рвали крепкие белые головки цветов. Она опять завела разговор о колдовстве и слушала его с широко раскрытыми глазами. Он не

утерпел и снова расхвастался. Потом она, как и в прошлый раз, стала его упрашивать показать фокус с перевоплощением. И когда он, проговорив заклинание, не поддался ее уговорам, она пристально поглядела на него и, откинув с лица волосы, спросила:

— Ты что, боишься?

— Нет, не боюсь.

Она улыбнулась чуть презрительно.

— А может, ты еще не дорос?

Это было слишком! Он ничего не ответил, но про себя решил, что докажет ей, на что способен. Он предложил ей, если она захочет, прийти на поляну на следующий день, затем попрощался и ушел. Он направился домой и, воспользовавшись тем, что учителя нет, подошел к полке и снял с нее два тома Книги Познаний, которые в его присутствии Огион ни разу не раскрывал.

Ему хотелось найти что-нибудь о Магии Самотранс-формации, но он еще не умел бегло читать руны и поэтому мало что понимал из написанного. Книги были очень древние. Огион получил их от своего учителя Гелета Прозорливого, а тот — от своего, мага Перрега-ля, и так далее, до самой глубокой мифической древности. Руны были непривычно мелкие. Бесконечные исправления,

вписанные в середину значков, — все это явно было сделано не одной рукой. Люди, которые вложили в этот труд так много страданий, давно уже превратились в прах. Но кое-что Геду все же удалось разобрать. В ушах его звучал насмешливый голос девочки и ее вопросы, и поэтому он остановился на странице, где речь шла, насколько он мог понять, о заклинании духа мертвых.

Он пытался разгадать смысл рун и символов, а в душе рос страх. Глаза его были как бы прикованы к тексту, и пока он не прочел заклинание до конца, он не мог оторвать их от страницы.

Когда он наконец поднял голову, то увидел, что в комнате темно и что он читал вообще без света. Теперь, когда он снова взглянул на страницу, он уже не мог ничего на ней разглядеть. Страх, однако, продолжал расти, внутри все заледенело от ужаса. Бросив взгляд через плечо, он заметил, как возле закрытой двери крадется что-то темное — бесформенный сгусток тени, чернее самой черноты. Ему показалось, что она тянется к нему и что-то шепчет, но слов он разобрать не мог.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий человек, окруженный ярким сиянием. Он что-то громко и резко сказал — тьма неожиданно рассеялась и шепот прекратился.

Ужас тоже ушел, но Гед все равно был полон страха, так как в дверях, с дубовым посохом в руке, стоял маг Огион.

Ни слова не сказав, он прошел мимо Геда, зажег лампу и поставил на место книги. Затем он повернулся к мальчику со словами:

— Всякий раз, произнося это заклинание, ты рискуешь жизнью и дарованными тебе способностями. Скажи, ты рылся в книгах для того, чтобы найти его?

— Нет, Учитель, — тихо ответил Гед, покраснев от стыда.

Он рассказал Огиону, что он искал в книгах и для чего.

— Ты, наверное, забыл, я говорил тебе, что мать этой девочки, жена Властелина нашего острова, колдунья.

Огион и вправду как-то раз вскользь об этом упомянул, но тогда Гед не обратил внимания на его слова, хотя хорошо знал, что Огион никогда не бросает слов на ветер.

— Сама девочка тоже наполовину ведьма. Вполне возможно, что мать послала ее вести с тобой эти разговоры. И не исключено, что именно она открыла книгу на странице, которую Ты прочел. Мы с ней служим разным силам. Я не знаю,

каковы ее помыслы, но уверен, что она желает мне только зла. Послушай, Гед, тебе никогда не приходило в голову, какая опасность может угрожать твоему дару? Это подобно тому, как Тень подстерегает свет. Волшебство — это не игры, в которые играют удовольствия или награды ради. Поразмысли об этом. Любое слово, любой поступок в нашем ремесле говорится и делается либо с добрыми, либо с дурными намерениями. И прежде чем что-то сказать или совершить, ты должен знать цену, которую тебе придется заплатить.

Движимый раскаянием, Гед воскликнул:

— Но откуда я мог об этом знать, если ты ничему меня не учишь? С тех пор как я живу тут у тебя, я еще ничего не сделал, ничего не видел…

— Нет, кое-что ты уже видел, — сказал маг. — У двери в темноте, когда я вошел…

Гед молчал.

Огион встал на колени и разжег очаг, так как в доме было холодно. Не поднимаясь с колен, он тихо сказал:

— Гед, мой юный сокол, ты ничем не связан, тебя никто не принуждает служить мне. Не ты ведь пришел ко мне, а я к тебе. Ты еще слишком молод, и тебе трудно сделать выбор, но я не могу сделать его за тебя. Если хочешь, я пошлю тебя

на Остров Рок, где учат всем высоким наукам, а способности твои велики. Надеюсь, их у тебя больше, чем тщеславия. Я бы с радостью оставил тебя здесь, ибо у меня есть то, чего тебе не хватает. Но я не собираюсь удерживать тебя против твоей воли. Ты сам должен выбрать между Ре-Альби и Роком.

Гед онемел от неожиданности, и сердце его пришло в смятение. Он полюбил этого человека, который исцелил его одним прикосновением руки и который не носил в душе зла. Но о своей любви к нему Гед сам до этой минуты не знал. Он поглядел на стоящий в углу возле очага дубовый посох, который испепелил зло, пришедшее из тьмы, и ему захотелось остаться здесь с Огионом, бродить с ним по лесам и учиться быть молчаливым. Но в нем бушевали и другие желания, которые не так-то легко было смирить, — мечты о славе, жажда активных действий.

Путь к мастерству, который предлагал Огион, медленный путь в обход, казался слишком долгим, когда можно было сесть на корабль и с попутным морским ветром отправиться через Внутреннее Море прямо к Острову Мудрых, где сам воздух пронизан волшебством и где живет сам Верховный Маг, а вокруг одни чудеса.

— Учитель, я поеду на Рок, — сказал Гед.

Через несколько дней, ранним весенним утром, они с Огионом уже спускались по крутой дороге от Оверфеля, лежащего в пятнадцати милях от Большого Гонтского Порта. При виде мага стражники города Гонта, стоящие у главных ворот, между двумя резными фигурами драконов, опустились на колени и обнажили мечи в знак приветствия. Они знали его в лицо и всегда воздавали ему почести не только по приказу Правителя, но по собственному почину, так как десять лет назад Огион спас Гонт от землетрясения, которое разрушило бы до основания все дома-башни этого богатого города, а лавина камней с гор завалила бы пролив между Грозными Утесами. Он заговорил и утихомирил горы, а потом успокоил содрогающиеся пропасти Оверфеля, как усмиряют растревоженного зверя. Гед не раз слыхал рассказы об этом событии. С каким-то суеверным страхом он смотрел на человека, который остановил землетрясение, но лицо Огиона, как всегда, было безмятежно спокойным.

Они спустились к причалам, куда сразу же поспешил прийти начальник порта, чтобы поздороваться с Огионом и спросить, не может ли он чем-нибудь помочь ему. Узнав, что Огион ждет

корабль, начальник порта назвал ему судно, которое направлялось во Внутреннее Море. Он добавил, что капитан охотно возьмет на борт пассажира, если тот еще умеет управлять ветрами, так как своего волшебника у него нет.

— С туманом он, возможно, и справится, но вот с ветром — не уверен, — ответил Огион. И затем, обратившись к Геду, сказал: — Не вздумай проделывать свои трюки с морем и морскими ветрами, Ястреб. Ты ведь сухопутный житель. А как называется корабль? — спросил он у начальника порта.

— «Тень». Идет с Андрад в Хорт-Таун с мехами и слоновой костью. Прекрасный корабль, Мастер Огион.

Услышав название судна, маг помрачнел и сказал:

Ну что ж, «Тень» так «Тень». Отдай это письмо Ректору Школы на Роке, Ястреб. Попутного тебе ветра. Прощай.

И, ничего не добавив, он повернулся и зашагал по улице, идущей вверх от набережной.

Гед стоял и смотрел, как удаляется его учитель.

Пошли, паренек, — сказал начальник порта. Он привел его на берег к пирсу, где «Тень» готовилась к отплытию.

Может показаться странным, что на острове в пятьдесят миль шириной, в деревушке под утесами, навек обреченными смотреть на море, мальчик мог дорасти до зрелости, так и не побывав на корабле и не обмакнув пальцы в соленую воду. Но все именно так и было.

Для сухопутного лейте ля, землепашца, козопаса, пастуха, охотника или ремесленника, океан — это соленая беспокойная стихия, с которой он никогда не соприкасается. Для него деревня на расстоянии двух дней пути от его родного дома — незнакомая, чужая земля, остров, до которого плыть сутки, — просто миф, а туманные холмы, маячившие далеко в море, кажутся ему зыбкими и ненадежными по сравнению с твердой землей, по которой он привык ступать.

Поэтому неудивительно, что у Геда, который ни разу не покидал гор, Гонтский Порт вызывал чувство благоговейного изумления — большие дома, башни, сложенные из каменных блоков, на берегу пирсы, доки, бассейны, швартовые бочки, а главное, сама гавань, где суда и галеры качаются у причалов или же лежат перевернутые вверх килем и ждут ремонта, а на рейде стоят на якоре корабли со спущенными парусами и без весел; повсюду на каких-то незнакомых

наречиях громко перекликаются матросы: среди бочек, ящиков, мотков каната и сложенных штабелем весел бегают с тяжелой поклажей грузчики, бородатые купцы в подбитых мехом плащах степенно беседуют, осторожно перебираясь по скользким камням над водой, рыбаки выбирают из сетей свой улов, стучат бондари, колотят молотками корабельных дел мастера, поют продавцы моллюсков, орут капитаны — и все это на фоне безмолвного сверкающего залива. От всего увиденного голова Геда шла кругом. Вслед за начальником порта он отправился к большому доку, где была пришвартована «Тень». Начальник порта подвел его к капитану судна.

Разговор с капитаном был недолгим. Узнав, что это просьба мага, тот сразу же согласился взять Геда пассажиром на судно и довезти его до Рока. Оставив мальчика на попечение капитана, начальник порта ушел.

Хозяин «Тени» оказался большим и толстым. На нем был красный отороченный мехом плащ, какие носят купцы на Андрадах. Ни разу не взглянув на Геда, он спросил его громовым голосом:

— Парень, можешь управлять погодой?

— Могу.

— А вызвать ветер?

Гед вынужден был признаться, что пока еще не умеет. Тогда капитан велел ему отойти в сторону и не путаться под ногами.

На судно поднимались гребцы, оно должно было уйти на рейд до наступления ночи и отплыть с приливом перед рассветом. Геду деваться было некуда, и он не без труда взобрался на перевязанные и покрытые шкурами тюки с грузами, лежащие на корме, и оттуда сверху наблюдал за всем, что происходит. Гребцы, здоровые парни с мощными ручищами, один за другим перепрыгивали на борт, пока грузчики с грохотом вкатывали из доков бочки с водой и ставили их под скамьи гребцов. Крепко слаженное судно слегка осело под тяжестью грузов, но продолжало плясать на волнах, готовое тронуться в путь. Справа от ахтерштевня[2] занял свой пост рулевой. Он ждал команды от капитана, стоявшего на палубном настиле у форштевня[3]. Нос корабля венчало резное изображение Древнего Змия Андрад. Капитан зычным голосом отдал команду. «Тень» отвязали от швартовной бочки,

---

[2] Примечания: 2

Кормовая часть судна в виде рамы; опора для руля (мор.).

[3] Примечания: 3

Массивная часть судна, продолжающая киль и образующая носовую часть (мор.).

и две шлюпки вывели ее на буксире из дока.

— Весла на воду! — проревел капитан.

Дружно ударили весла, по пятнадцати с каждой стороны. Гребцы склонили могучие спины, а мальчик, стоявший возле капитана, отбивал дробь на барабане. Судно, легкое, как чайка, теперь уверенно двигалось вперед на своих весельных крыльях. Неожиданно городские шум и суматоха остались позади. В полной тишине они вышли из вод залива, и над ними встал белый пик Горы, который как бы повис над морем. В небольшой мелкой бухте Южного Грозного Утеса они бросили якорь и там заночевали.

Среди семидесяти членов команды были парни почти такого же возраста, как Гед. Они пригласили его разделить с ними трапезу и вели себя вполне дружелюбно, хотя и подшучивали и посмеивались над ним на свой грубоватый манер. Они звали его Козопас, что было понятно, так как он был гонтич, но дальше этого в своих насмешках они не шли. Гед был рослый, почти такой же, как пятнадцатилетние парни, и, кроме того, он умел ловко ответить как на доброе слово, так и на обидное. Словом, он пришелся по нраву гребцам и уже с самого первого вечера стал жить одной с ними жизнью и осваивать их ремесло. Это устра-

ивало старших членов команды, поскольку для праздных пассажиров места на судне не было.

Места едва хватало для команды, и нелегко было отыскать тихий уголок на этой беспокойной галере, набитой людьми, снастями и грузом.

Но нужен ли был Геду покой? В первую свою ночь на корабле он лежал среди перетянутых веревками тюков со шкурами и смотрел на звезды в весеннем небе над водами гавани и на далекие желтые огни города за кормой. Он крепко заснул и проснулся утром, полный радостного ожидания. Перед рассветом начался прилив. Подняли якорь, и судно медленно двинулось на веслах, обходя Грозные Утесы. С восходом солнца, когда за ними зарумянилась Гора Гонт, они подняли паруса и направились на юго-восток через Гонтийское Море.

Между Барниском и Торзавеном они прошли под легким ветром и на второй день увидели Хавнор, великий остров, сердце Архипелага. Три дня они глядели на его зеленые холмы, пока плыли вдоль восточного побережья, но к острову так и не подошли. Прошло много лет, прежде чем Гед ступил на эту землю и впервые увидел белые башни Большого Хавнорского Порта в самом центре Вселенной.

В одну из ночей они легли в дрейф у Кембермута, северного порта острова Уэй, а в следующую — у маленького городка при выходе из залива Фелкуэй. День спустя они миновали северный мыс Оу и вошли в проливы Эбавнора. Здесь они спустили паруса и перешли на весла. Теперь с обеих сторон была земля, а мимо, совсем близко от них, проплывали торговые и грузовые суда, большие и малые, — одни, набив трюмы каким-то подозрительным товаром, возвращались домой после многолетних странствий за пределами Архипелага, тогда как другие корабли, напротив, никогда не ходили дальше Внутреннего Моря и только перепархивали, как воробьи, с одного острова на другой.

Выйдя из перенаселенных проливов, они повернули на юг, оставив за кормой Хавнор, и поплыли между двумя живописными островами — Арк и Илиен, где террасами спускаются к морю города с укрепленными башнями, а затем сквозь дождь и поднимающийся ветер стали пробиваться к острову Рок по Внутреннему Морю.

Ночью, когда ветер перешел в штормовой, они спустили паруса, убрали мачту и весь следующий день шли на веслах. Длинная изящная галера спокойно и уверенно резала волны, хотя рулевой

на корме не видел впереди ничего, кроме завесы сплошного дождя, что есть силы хлещущего море. По компасу корабль продвигался на юго-запад — они понимали, в каком направлении движутся, но плохо представляли, через какие воды. Гед слышал, как моряки говорили о каких-то отмелях к северу от Рока и о Борильских Скалах на востоке. Некоторые с пеной у рта доказывали, что судно сбилось с курса и сейчас они находятся южнее Камери в пустых водах, где нет островов. Ветер между тем крепчал, взбивая пену на гребнях больших волн.

Но, несмотря на разбушевавшуюся стихию, они продолжали грести в юго-западном направлении, и ветер теперь подгонял их сзади. Интервал между гребками стал короче, весла шли все тяжелее.

Как повелось с начала путешествия из Гонта, Гед, когда наступал черед, наравне с другими занимал свое место на веслах. В свободные часы гребцы вычерпывали воду, так как море захлестывало судно. Ветер гнал на них горы волн, а холодный дождь колотил их по спинам, и ритмичный стук барабана, прорывающийся сквозь грохот бури, казался стуком их сердец.

К Геду подошел один из гребцов, чтобы сменить его на веслах, — он сказал, что Геда зовет

капитан.

Хозяин был на своем обычном месте на носу галеры. Вода стекала с его плаща, но он крепко, словно бочка с вином, стоял на крошечной палубе. Поглядев сверху вниз на Геда, он спросил:

— Парень, можешь ослабить ветер?

— Нет.

— Ас железом имел дело?

Гед понял, что речь идет о стрелке компаса. Капитан хотел, чтобы Гед заставил магнит отклониться от севера и указать им путь на Рок. Это умели делать только морские маги, и Гед снова вынужден был отказаться.

В Хорт-Тауне пойдешь искать другое судно! —

Капитан пытался перекричать шум дождя и ветра._

Рок, скорее всего, к западу от нас. Без волшебника нам не пройти. Будем держать курс на юг!

Господи, капитан, на западе свет! Это остров Рок!

Не вижу никакого света! — проорал в ответ капитан.

Гед пальцем указал на запад, и в ту же минуту над бурным пенистым морем вспыхнул ясный ровный свет, на этот раз его увидели все. Для того чтобы уберечь судно, а вовсе не ради пассажиров,

капитан, перекрикивая ветер, приказал повернуть на запад. Ге-ду он сказал:

— Малый, рассуждаешь ты как морской магистр, но, поверь мне, заведешь судно не туда, тут же выброшу за борт и тогда плыви на Рок как знаешь.

Теперь, когда их не подгонял шторм, им пришлось выгребать против ветра. Это была тяжелая работа: волны били судно с траверза, отклоняя его к югу, бросали из стороны в сторону, заливали водой так, что вычерпывать ее стало бесполезно.

Тьма почти совсем сгустилась под штормовыми облаками, но теперь впереди то и дело вспыхивал свет, достаточно ясный, чтобы на него держать курс. Наконец ветер стих, а свет засиял еще ярче. Они налегли на весла и вдруг в промежутке между двумя взмахами проскочили сквозь завесу дождя и оказались в спокойной воде, отражавшей закатное солнце. Прямо перед собой они увидели высокий зеленый холм, а под ним город на берегу маленького залива, где мирно покачивались на якоре суда.

Рулевой, который стоял опершись на длинное весло, повернул голову и крикнул капитану:

— Господин капитан! Что это — земля или колдовское наваждение?

— Правь по курсу, безмозглый болван! А вы гребите, ничтожества, рабье отродье! Где ваши глаза? Это залив Твил и Рокский Холм. Дураку ясно! Гребите.

Продолжая устало грести под барабанную дробь, они вошли в залив. Там было тихо, и они слышали, как в городе переговариваются люди и звонит колокол. Трудно было поверить, что за их спиной беснуется и свистит буря. В какой-то миле от них, на севере, востоке и западе, все небо заволокло тучами, а над Роком в чистой и ясной вышине одна за другой зажигались звезды.

3. Школа волшебников

Ночь Гед проспал на борту «Тени», а рано утром распрощался с первыми в его жизни друзьями по морскому путешествию. Они проводили мальчика добрыми пожеланиями и, пока он шел через доки, долго махали и кричали ему вслед разные напутственные слова. Город Твил сравнительно невелик — всего несколько узких улочек, по обе стороны которых теснятся высокие дома. Однако Геду Твил показался большим, настоящим городом, и, не зная, куда идти, он обратился к первому встречному и спросил, где найти Ректора Рокской Школы. Прохожий искоса поглядел на него и не сразу ответил.

— Умный и сам поймет, а глупому все равно не растолкуешь, — сказал он и отправился дальше.

Поднявшись вверх по холму, Гед очутился на площади, с трех сторон которой стояли дома с островерхими черепичными крышами, а вдоль четвертой шла стена огромного здания с узкими окошечками, расположенными выше труб остальных домов. Здание, сложенное из мощных блоков серого камня, напоминало крепость или

замок. Под ним на площади раскинулись рыночные палатки, вокруг которых сновал народ.

Гед задал тот же вопрос старухе с корзиной мидий, на что она ответила:

— Ректора не найти там, где он есть, но иногда можно отыскать там, где его нет. — Затем она повернулась и пошла прочь, бойко расхваливая свой товар.

В стене большого здания, в самом углу, Гед заметил маленькую деревянную дверь. Он подошел ближе и громко постучал. Открывшему дверь старику он сказал:

— Я привез письмо Ректору Школы от мага Огио-на с Гонта, я должен найти Ректора, но мне надоели все эти загадки и прибаутки.

— Это и есть Рокская Школа, — миролюбиво ответил старик. — А я здешний привратник. Входи, если можешь.

Гед сделал шаг, и ему показалось, что он прошел в дверь, но на самом деле он продолжал стоять на мостовой. Он сделал вторую попытку и снова остался на месте. Привратник добродушно наблюдал за ним из-за двери.

Геда не столько обескуражило, сколько разозлило это, как он считал, издевательство над ним. Сделав особый знак рукой, он вслух проговорил

Отворяющее Заклинание, которому много лет назад научила его тетка. Это заклинание было главным сокровищем в ее колдовском наборе, но было это всего лишь ведьмин-ское заклинание, и, несмотря на то что Гед все произнес правильно, оно не подействовало на силу, удерживающую дверь.

Когда Гед понял, что колдовство не сработало, он еще долго стоял на мостовой, не зная, что придумать. В конце концов, поглядев на старика, он нехотя выдавил из себя:

— Мне не войти без твоей помощи.

— Назови свое имя, — ответил привратник.

Гед немного помедлил, так как нельзя было произнести свое имя вслух без того, чтобы не накликать беду.

— Я Гед, — сказал он громко и тут же очутился внутри. Ему показалось, что за ним скользнула какая-то тень, хотя площадь за его спиной была ярко освещена солнцем.

Обернувшись, он увидел, что наружная дверь, в которую он вошел, была вовсе не из дерева, как он решил вначале, а из слоновой кости, притом сделана без единого сочленения и шва. Как он узнал позже, дверь была вырезана целиком из зуба Великого Дракона. Вторая дверь, которую

за ним закрыл привратник, была из полированного рога — она пропускала немного дневного света, поблескивающего на гладкой полированной поверхности, а внутреннюю сторону двери украшало резное изображение Тысячелистного Древа.

— Добро пожаловать, мой мальчик, — приветствовал его привратник и, не сказав больше ни слова, провел бесконечными залами и коридорами в открытый дворик в глубине дома. Дворик, часть которого была вымощена камнем, не имел купола. На газоне с зеленой травой, под сенью молодых дерев, в ярких лучах солнца бил фонтан. Оставшись один, Гед стал ждать. Он стоял неподвижно, а сердце учащенно стучало — он чувствовал, что здесь незримо присутствуют и действуют какие-то волшебные силы и что дом этот не просто сложен из камня, но магия добавила в него куда более крепкий материал, чем камень. Он стоял в самом сердце этой обители Мудрых, а над головой у него было открытое небо. Вдруг он заметил, что сквозь струи фонтана за ним наблюдает человек в белых одеждах.

Глаза их встретились, и в эту минуту в ветвях дерева запела птица. И что самое удивительное, он понимал, о чем она поет, и что говорит во-

да, журчащая на дне фонтана, и почему такие разные очертания у облаков, и каков путь у шевелящего листья ветра, где его начало и конец. Ему казалось, что и сам он порожден дыханием солнечного света.

Но мгновение прошло, и мир стал прежним, вернее, почти прежним. Он подошел и преклонил колена перед Верховным Магом и протянул ему письмо Огиона.

Верховный Маг Неммерль, Ректор Рока, был древним старцем. Говорили даже, что он самый старый человек на земле. Когда он ласково обратился к Геду с приветственными словами, голос его вибрировал, как у птицы. Волосы, борода, одеяние мага — все было белое, и у Геда появилось чувство, что за долгие годы его жизни все темное и тяжелое медленно, по каплям, испарилось и он сделался таким белым и легким, как щепка, которую целый век носило по волнам.

— Глаза стали старые, и теперь я не могу прочесть, что пишет твой учитель. Прочитай мне письмо, мой мальчик.

Гед взял у него письмо Огиона и прочитал вслух. Письмо было написано хардскими рунами и гласило следующее: *«Владыка Неммерль! Посылаю тебе того, кто станет величайшим*

из гонтских волшебников, если судьба сложится благоприятно». Подписано оно было не настоящим именем Огиона, которого Гед так никогда и не узнал, а руной, означавшей «сомкнутые уста».

— Тебя прислал сюда тот, кто держит в узде землетрясение, а посему я повторю дважды: «Добро пожаловать!» Мне всегда люб был молодой Огион — он часто приезжал к нам с Гонта. А теперь расскажи, какие ты повидал моря и какие чудеса во время путешествия, мой мальчик.

— Это было бы прекрасное путешествие, если бы не вчерашний шторм.

— Как называлось судно, на котором ты плыл?

— «Тень», торговый парусник с Андрад.

— Кто прислал тебя сюда?

— Я приехал по собственному выбору.

Верховный Маг поглядел на Геда, а потом, повернув голову, заговорил на незнакомом языке, который Гед не понимал. Он бормотал совсем по-стариковски, и Геду казалось, что мысли Верховного Мага витают где-то среди прожитых лет и далеких островов. Но в его бормотании Гед уловил слова, рассказывающие о том, что пела птица и о чем шепчутся падающие струи фонтана.

Это не было колдовство, но в голосе старика звучала сила, она смущала душу Геда, и на мгно-

вение ему почудилось, что он стоит в каком-то пустынном месте среди теней. Но в то же время он знал, что находится в залитом солнцем дворике, и слышал, как журчит фонтан.

Огромная черная птица, Осскильский Ворон, степенно прошла по каменной террасе и ступила на траву. Прижавшись к краю одеяния Верховного Мага, она застыла неподвижно, вытянув острый как кинжал клюв и скосив на Геда гладкий камешек-глаз. Она трижды клюнула посох, на который опирался Неммерль, и старый волшебник перестал бормотать и улыбнулся.

— Теперь пойди поиграй, побегай, дружок, — сказал он Геду, будто тот был маленький мальчик.

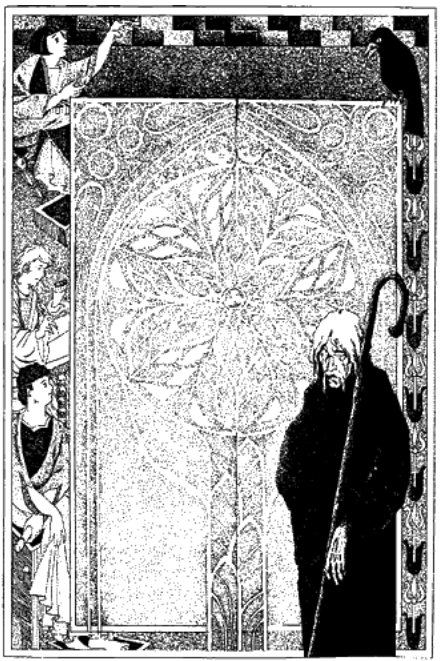
Гед снова преклонил перед ним колено. Когда он поднялся, Верховный Маг уже исчез и только ворон стоял и смотрел на него, вытянув клюв, будто нацелился клюнуть исчезнувший посох. Он заговорил, как догадался Гед, на осскилском наречии:

— Терренон уссбук! Терренон уссбук оррек! — прокаркал ворон и затем удалился так же неторопливо, как и пришел.

Гед направился к выходу, не совсем понимая, куда ему идти. Под аркой его встретил высокий

юноша. Склонив голову, он церемонно приветствовал Геда:

— Меня зовут Яшма. Я сын Энтвита из поместья Эолг на острове Хавнор. Сегодня я в твоем распоряжении. Могу провести тебя по Главному Дому и ответить, если сумею, на твои вопросы. А как мне тебя величать?



Геду, жителю маленькой горной деревушки, никогда не приходилось бывать в обществе сыновей богатых купцов и знати. Он не привык к такой высокопарной речи. Ему показалось, что все эти «в твоем распоряжении», «как величать», расшаркивания и поклоны имели одну только цель — надсмеяться над ним.

— Меня зовут Ястреб, — сказал он сдержанно.

Парень ждал, очевидно, более любезного ответа, но, не дождавшись, выпрямился и даже слегка отодвинулся от Геда. Он был года на два или на три старше и гораздо выше ростом. В его движениях сквозила какая-то сдержанная грация, и Гед подумал, что он нарочно принимает изящные позы, как танцор. На нем был серый плащ с откинутым капюшоном. Сначала юноша привел Геда в гардеробную, где тот мог, как ученик школы, подобрать себе подходящий плащ и всю одежду, которая ему могла понадобиться. Гед выбрал темно-серый плащ и надел его, после чего Яшма сказал:

— Ну вот, ты теперь наш.

У Яшмы была манера слегка улыбаться, когда он говорил, и поэтому Гед усмотрел насмешку в его вежливых словах.

— Разве одежда делает мага? — спросил он,

нахмурившись.

— Нет, конечно, но, впрочем, я слыхал, что человека прежде всего делают хорошие манеры, — ответил Яшма, затем спросил: — Куда теперь пойдем?

— Куда хочешь. Я ведь здесь ничего не знаю.

Яшма повел его по коридорам Главного Дома через открытые дворики и залы под крышей. Он показал ему Хранилище, где на полках стояли старинные фолианты и рунические книги, показал Большой Каминный Зал, где по праздникам собиралась вся Школа, а также тесные маленькие кельи в башнях или в мансардах под самой крышей, где спали ученики и учителя. Комната Геда находилась в Южной Башне, и из его окна, за городскими крышами Твила, видно было море. Как и в остальных спальнях, мебели в ней не было, только набитый соломой тюфяк в углу.

— Мы здесь живем очень простой жизнью, — сказал Яшма. — Надеюсь, ты не будешь против.

— Я привык, — сказал Гед и, не желая мириться с превосходством этого вежливого высокомерного юноши, добавил: — А тебе, наверное, это было непривычно, когда ты сюда приехал?

Яшма взглянул на него, и в его взгляде можно было прочесть: «Что ты можешь знать о том,

что для меня, сына владельца поместья Еол на Острове Хавнор, привычно и что непривычно?», но вслух он только сказал:

— Сюда, пожалуйста.

Они были наверху, когда ударил гонг, созывающий к полуденной трапезе. Спустившись вниз, они сели за Длинный Стол, за которым уже собралась сотня, а то и больше подростков и взрослых юношей. Обслуживали себя сами, обмениваясь шутками с поварами через окошко, которое открывалось из кухни в столовую. Ученики сами наполняли тарелки из мисок, дымящихся на подоконниках, и садились кто где хотел за Длинный Стол.

Яшма сказал Геду:

— Говорят, за этим столом может разместиться сколько угодно народа — места всем хватит.

Места и впрямь хватало для орды шумных мальчишек, которые много ели и без устали болтали, и для старших учеников в серых плащах, заколотых у горла серебряной пряжкой, — они вели себя тише, сидели парами или по одному, с серьезными задумчивыми лицами, будто им было о чем поразмышлять.

Яшма посадил Геда рядом с коренастым парнем по имени Вик, который за обе щеки уписывал

обед. Говорил он с акцентом жителя Западного Предела.

У него была очень темная кожа и волосы почти черные, а не каштановые, как у Геда, Яшмы и большинства жителей Архипелага, простое лицо и грубоватые манеры. Он закончил обед, обругал его и, повернувшись к Геду, сказал:

— Хорошо, что хоть это не иллюзия, как почти все здесь. Прилипает к ребрам, и то ладно.

Гед не совсем понял, что он имел в виду, но парень ему понравился, и он был рад, когда после трапезы он присоединился к ним.

Юноши спустились к морю, чтобы показать Геду город. Несмотря на то что в Твиле мало улиц и все они короткие, они без конца куда-то сворачивали и петляли среди островерхих домов. Заблудиться тут ничего не стоило. Город был очень странный, и не менее странными были его жители, рыбаки, рабочие, ремесленники и прочий люд, — они до того привыкли к волшебству (которое на Острове Мудрых было делом привычным), что и сами стали отчасти волшебниками.

Как Гед успел убедиться, люди здесь говорили загадками, и никто из них ухом бы не повел, увидев, как мальчик превратился в рыбу или дом поднялся и полетел. Они знали, что это проделки

школьников, и поэтому не обращали на их трюки внимания и продолжали заниматься своими делами — чинить башмаки или разделывать бараньи туши.

Затем мальчики снова поднялись на площадь; пройдя мимо двери в задней стене Школы, обошли здание и через сад Главного Дома вышли к реке.

Перейдя деревянный мост над прозрачными водами Твилберна, они двинулись на север мимо лесов и пастбищ. Тропка вела вверх. Они миновали дубовые рощи, где, несмотря на яркое солнце, было сумрачно. Неподалеку слева была рощица, которую Гед так и не мог разглядеть: тропинки не доходили до нее, хотя казалось, все ведут именно туда. Гед даже не мог определить, какие деревья там растут. Заметив, что он смотрит в сторону рощи, Вик тихо сказал:

— Это Волшебная Роща. Нам не положено туда ходить. Впрочем…

На залитых солнцем пашнях цвели ярко-желтые цветы.

— Жарки, — сказал Яшма. — Они растут повсюду, куда ветер занес пепел с горящего Илиена, когда Эрет-Акбе защищал Внутренние Острова от Властителей Огня. — Он дунул на сухую головку

цветка, и семена, высвободившись, покатились по ветру, как огненные искры в лучах солнца.

Тропинка вилась бесконечным серпантином вокруг подножия большого зеленого холма. Это была та самая гора, которую Гед видел с корабля, когда они вошли в заколдованные воды Острова Рок. На склоне Яшма остановился.

— Дома, на Хавноре, я много слышал про гонтскую магию, ее всегда хвалили, и мне давно хочется поглядеть, что это такое. Теперь у нас есть свой гонтич и мы стоим на склоне Рокского Холма, чьи корни уходят к центру земли. Магия здесь особенно сильная. Проделай какой-нибудь фокус, Ястреб. Покажи нам свой стиль.

Гед смутился и, застигнутый врасплох, молчал.

— Еще успеется, Яшма, — благодушно сказал Вик. — Дай ему освоиться.

— Думаю, у него есть умение и способности, иначе привратник не впустил бы его. И почему бы ему не показать их нам сейчас? А потом молено и еще. Разве я не прав, Ястреб?

— У меня есть и способности, и умение, — ответил Гед. — Но объясни, что именно ты имеешь в виду. Покажи на примере.

— Иллюзию, конечно. Трюки, фокусы. Ну вот, смотри!

Выставив указательный палец, Яшма произнес несколько незнакомых слов. Там, куда он показывал, на склоне холма, среди зеленой травы, пробилась тоненькая струйка воды, она росла на глазах и вдруг превратилась в ручей, и вода полилась вниз по склону. Гед опустил в воду руку и почувствовал, что рука мокрая. Потом он испил прохладной воды, но вода не утолила жажды, так как это была всего лишь иллюзия. Яшма произнес какое-то другое слово и остановил поток. И теперь снова лишь сухая трава покачивалась на солнце.

— Теперь твоя очередь, Вик, — сказал он, холодно улыбнувшись.

Вик мрачно почесал затылок, затем поднял и размял комок земли и уныло запел над ним. Он похлопывал и пошлепывал землю своими темными пальцами, Что-то лепил, и вдруг возникло крошечное живое существо, вроде шмеля или мухи. С жужжанием оно полетело над Рокским Холмом и исчезло.

Гед был совершенно обескуражен. Что он знает, кроме самого простого деревенского ведовства? Что он умеет? Призывать коз? Лечить бородавки? Передвигать поклажу или же склеивать горшки?

— Я таких трюков не делаю, — сказал он.

Его ответ вполне удовлетворил Вика, который собирался продолжить свой фокус, но отнюдь не Яшму.

— Почему не делаешь? — тут же спросил он.

— Колдовство не игра. Мы, гонтичи, занимаемся им не ради удовольствия и не ради похвал, — высокомерно ответил Гед.

— Тогда ради чего вы это делаете? Ради денег?

— Нет!

Однако он не мог придумать ничего такого, что скрыло бы его невежество и не ущемило самолюбия. Яшма рассмеялся на сей раз без злорадства и повел их дальше вокруг Холма. Гед шел за ним угрюмый, с болью в душе, так как понимал, что вел себя глупо, и винил за это Яшму. Ночью, когда, закутавшись в плащ, он лежал на матрасе в холодной, темной каменной келье, странность этого места и мысли о магии и колдовстве, совершаемых здесь, начали тяготить его. Его окружал один лишь мрак — ему стало страшно и захотелось бежать отсюда подальше. Но неожиданно у двери появился Вик — над его головой, освещая дорогу, маячил голубоватый шарик. Он спросил, можно ли ему немного посидеть и поболтать. Он расспрашивал Геда про Гонт и с нежностью говорил о своих родных островах в Западных

Пределах, вспоминал, как дым от деревенских очагов по вечерам рассеивается над морем между маленькими островками со смешными названиями: Корп, Копп и Холп, Венуэй и Вемиш, Иффиш, Коп-пиш и Снэг. Когда он пальцем нарисовал контур этих земель на каменном полу, чтобы Гед мог их лучше себе представить, прочерченные им линии слабо засветились, будто наведенные серебряной палочкой, а потом постепенно погасли. Вик был третий год в школе и скоро готовился стать волшебником, и поэтому ему недосуг было заниматься какими-то мелкими трюками и фокусами, он теперь думал о них не больше, чем птица думает о том, как у нее устроены крылья. Вик между тем обладал бесценным даром, который не приобретается никаким учением, и этим даром была доброта. В тот вечер он на всю жизнь щедро одарил Геда своей дружбой, искренней и надежной, и Геду ничего не оставалось, как платить ему взаимностью.

Но Вик дружил и с Яшмой, который выставил Геда в глупом свете на Рокском Холме в день его приезда в школу. Гед этого забыть не мог, как, вероятно, и Яшма, который всегда вежливо с ним разговаривал, но с губ его не сходила насмешливая улыбка. Гордость Геда не могла смириться с

обидой и снисходительным к нему отношением. И он дал себе слово когда-нибудь доказать Яшме и всем, для кого Яшма был кумиром, какая огромная сила дана ему, Геду. Ведь никто из них, несмотря на все их хитроумные трюки, не спас деревню с помощью колдовства. И ни о ком из них Огион не писал, что он станет величайшим гонтским волшебником.

Движимый гордостью, Гед всю свою волю направил на учение, старательно выполняя порученные ему задания. Он прилежно учился истории, искусству ловкости и всем умениям и наукам, которые преподавали рокские магистры в серых плащах. Их было девять, и синклит их так и назывался — «Девятка». Часть дня он проводил с Магистром Песнопений, стараясь запомнить песни о деяниях героев и баллады о людской мудрости давно прошедших эпох, начиная с самой древней песни «Сотворение Эа». С десятком других молодых людей он, под руководством Магистра Стихий, учился управлять ветрами и погодой. Ясные весенние дни и раннее лето они проводили в Рокском заливе — на небольших лодках они практиковались в умении водить судно, успокаивать волны, с помощью магического слова разговаривать со штормами и волшебством

поднимать искусственный ветер. Эта хитрая наука давалась им нелегко, и зачастую лодка под ударами ветра неожиданно подавалась назад или же сталкивалась с другими суденышками, хотя в их распоряжении был целый залив. Порой, когда лодку заливала нежданная волна, все три мальчика оказывались в воде. Прогулки по острову с Магистром Травоцеления проходили более спокойно, а Магистр Ловких Рук учил их разным фокусам и трюкам, основам искусства Превращений.

Гед схватывал все на лету и очень скоро обогнал многих учеников, которые пришли в школу за год до него. Особенно легко давались ему трюки с иллюзией — казалось, он родился с этим знанием и ему оставалось лишь извлечь его из памяти. Магистр Ловких Рук, мягкий, добродушный старичок, постоянно приходил в восторг от остроумия и изящества фокусов, которые показывал своим ученикам. Вскоре Гед утратил к нему почтение, что, однако, не мешало ему без конца обращаться с вопросами, когда надо было узнать о каком-нибудь колдовстве. Магистр, улыбнувшись, каждый раз подробно рассказывал мальчику обо всем, что его интересовало. Как-то, задумав посрамить Яшму, Гед обратился

к Магистру во время урока во Дворе Миражей. Он сказал:

— Господин Магистр, по-моему, все магические приемы мало чем отличаются друг от друга. Если знаешь хоть один, считай, что знаешь все. Как только наведешь колдовство, иллюзия исчезнет. Вот смотрите! Я превращаю камешек в бриллиант. — Он произнес короткое заклинание и сделал быстрое движение рукой. — Что я должен сделать, чтобы бриллиант остался бриллиантом? Как удержать и продлить колдовство?

Магистр поглядел на блестящий камень на ладони у Геда, сверкающий, как сокровища дракона, и тихо произнес одно лишь слово «Ток». Блеск исчез, и теперь на ладони лежал простой камешек, серый, грубый осколок скалы.

Магистр переложил его к себе на ладонь.

— Это горная порода, истинное ее имя Ток, — сказал он, с улыбкой глядя на Геда. — Кусочек камня, из которого сделан Остров Рок, маленькая частичка сухой земли, где живут люди. Он имеет ценность сам по себе, это часть мироздания. С помощью иллюзий ты можешь уподобить его бриллианту… или цветку, или мухе, или глазу, или же пламени…

Камень попеременно превращался в предметы,

которые Магистр называл, и в конце снова стал камнем.

— Это все мнимое, не настоящее, — продолжал Магистр. — Иллюзия рассчитана на обман чувств. Она заставляет человека видеть, слышать и ощущать, что произошла какая-то перемена. Но по сути она ничего не меняет. Для того чтобы превратить этот простой камень в драгоценный, нужно изменить его подлинное имя. А для того чтобы изменить даже такую крохотную частичку Вселенной, надо изменить саму Вселенную. И это можно сделать. Да, да, можно. Этим искусством владеет Магистр Превращений. И ты овладеешь им в свое время, когда будешь готов к этому, но сейчас даже и не пытайся ничего изменить, ни камни, ни песчинки, пока не будешь твердо знать, к чему твое действие приведет — к добру или к злу. Мир находится в гармонии и равновесии. Волшебник, пользуясь магией Превращений и Заклинаний, может нарушить мировое равновесие. Поэтому эта сила таит в себе опасность. Грозную опасность. Она должна основываться на знании и диктоваться необходимостью. Засветив свечу, ты невольно отбросишь тень…

Он снова взглянул на камешек.

— Скала тоже вещь неплохая, — сказал он уже

менее серьезным тоном. — И если бы все Земноморье было сложено из бриллиантов, у нас была бы тяжелая жизнь. Радуйся иллюзиям, дружок, а скалы пусть останутся скалами.

Он улыбнулся, но Гед ушел неудовлетворенный. Всегда одно и то же. Как только пытаешься выведать у мага какой-нибудь из секретов его ремесла, он тут же, как и Огион, заводит разговор о равновесии, опасности и темных силах. Но ведь всем понятно, что волшебник, который изучил вдоль и поперек все детские трюки, овладел потом настоящим искусством Превращения и Заклинания Духов Умерших, может делать все, что пожелает, — например, установить равновесие в мире по своему разумению или же осветить тьму собственным светом.

В коридоре он встретил Яшму. Теперь он, когда об успехах Геда с похвалой отзывались в Школе, начал относиться к нему внешне дружелюбней, но на самом деле еще больше насмехался над ним.

— Почему у тебя такой мрачный вид, Ястреб? — спросил он. — Что-нибудь неладно с твоими жонглерскими фокусами?

Гед все время старался не дать Яшме взять верх и потому, пропустив мимо ушей насмешку,

сказал:

— До смерти надоели все трюки. Сыт по горло иллюзионистскими фокусами, годными только на то, чтобы развлекать знатных господ в их замках и имениях. Единственный вид магии, которому я научился здесь, на Роке, наведение света и управление природой. Все остальное — дуракаваляние.

— Но даже дуракаваляние опасно, если дурака валяет дурак, — ответил Яшма.

От этих слов Гед дернулся, как от пощечины, и двинулся на Яшму, но тот только улыбнулся как ни в чем не бывало, грациозно кивнул и удалился.

Гед глядел ему вслед, а внутри у него все бушевало от негодования. Он поклялся заставить соперника помериться с ним силами не просто в какой-нибудь магии иллюзий, а в самом что ни на есть высоком магическом искусстве. Он докажет свою правоту и посрамит Яшму. Он отучит Яшму стоять в изящной позе и снисходительно смотреть на него, презирая в душе.

Гед не давал себе труда подумать, за что его так ненавидит Яшма. Он знал только, что его собственная душа полна ненависти к этому парню. Остальные ученики вскоре поняли, что ни ради

развлечения, ни всерьез им не под силу состязаться с Гедом, и говорили о нем _ кто с похвалой, а кто и не без зависти, — что он прирожденный волшебник и поэтому не дает положить себя на лопатки. Один только Яшма никогда не хвалил его, но и не избегал — он смотрел на него свысока и улыбался. Поэтому Яшма стоял как бы особняком _ это был соперник, которого надо было во что бы то ни стало одолеть.

Гед не видел — или не хотел видеть, — что в соперничестве, которое он пестовал и подогревал в себе, таилась опасность, скрывалось то темное, о чем не раз предупреждал Магистр Ловких Рук.

Когда он не был ослеплен яростью, то прекрасно понимал, что пока еще не может состязаться с Яшмой, да и ни с кем из старших мальчиков, и тогда он продолжал спокойно учиться и все шло своим чередом. К тому же занятий летом было немного и оставалось больше времени для спорта: соревнований волшебных лодок в гавани, состязаний в иллюзии во дворах Главного Дома или долгими вечерами в рощах, вольных игр в прятки, где оба — и тот, кто прячется, и тот, кто ищет, — были невидимы, и одни лишь перекликающиеся голоса и смех среди деревьев неслись вслед увертывающимся неярким огонькам. За-

тем пришла осень, и школяры снова взялись за учение, осваивая новую для них магию. Первые месяцы в Школе на Роке, наполненные бурными переживаниями и чудесами, пролетели незаметно.

Но зимой все изменилось. Вместе с другими семью мальчиками Геда послали через весь остров на самый северный мыс, где стояла Одинокая Башня. Там жил Магистр Именований, чье имя — Курремкармеррук — ничего не значило ни в одном из известных языков. Вокруг Башни на расстоянии нескольких миль не было ни одной фермы, ни одного дома. Она мрачно высилась над северными утесами, серыми были тучи над зимним морем, и бесконечными казались списки, ряды и категории имен, которые полагалось выучить до того, как в полночь выцветут чернила и лист пергамента снова станет чистым. В Башне было холодно, полутемно и не слышалось ни единого звука — разве что скрипнет перо Магистра или вздохнет какой-нибудь незадачливый ученик, которому до полуночи предстоит вызубрить название всех мысов, конечных точек, заливов, проливов, бухт, каналов, гаваней, мелей, рифов и скал у берегов Йоссоу, маленького островка в Пелнишском Море. И если ученик будет роптать,

Мастер может, ни слова не сказав ему, увеличить список, и не преминет напомнить при этом, что «всякий, кто хочет стать знатоком моря, должен знать истинные названия каждой капли в этом море». Гед порой вздыхал, но не жаловался. Он понимал, что в этом подчас скучном и не имеющем конца постижении истинных названий всех мест, всех вещей, всех существ лежит, как драгоценный алмаз на дне сухого колодца, та самая сила, о которой он так мечтал, потому что магия как раз и заключается в правильном обозначении вещей. Так сказал им Куррем-кармеррук в первый их вечер в Башне. Он никогда больше не повторял этого, но Гед не забывал его слов.

— Многие выдающиеся маги, — сказал Магистр, — всю жизнь были заняты поисками истинного и единственного имени одного какого-то предмета, имени, затерявшегося или сокрытого в языке сказаний и песен, ворожбы, колдовских чар и заклинаний. Слова эти, сокрытые и измененные, прячутся среди хардских слов. Так, например, морская пена зовется «сакиен», это слово составлено из двух слов Древнего Наречия — «сак», что значит «перо», и «иниен» — море. Пена — оперение моря. Но нельзя заколдовать пену, назвав ее «сакиен». Необходимо

назвать ее истинное имя на Древнем Языке «эсса». И это может сделать любой, кто знает хотя бы несколько слов на Древнем Наречии, а маг знает их множество. Однако есть еще великое число неизвестных слов, часть которых была утрачена на протяжении веков, а часть либо сокрыта, либо ведома одним лишь драконам и Древним Магическим Силам Земли. А есть и такие имена, которых не знает ни одно живое существо. И никому из людей не под силу выучить все слова, ибо язык этот бесконечен.

В этом есть свой смысл. Море, как мы знаем, зовется «иниен», а море, которое мы называем Внутренним, на Древнем Наречии тоже имеет свое название. Но поскольку ни одно творение не может иметь двух истинных имен, «иниен» означает только «все моря, за исключением Внутреннего». И это слово, конечно, имеет более широкий смысл, так как существует бесчисленное множество морей, заливов и проливов, и у каждого есть свое название. И если бы какой-нибудь безрассудный морской маг попытался заколдовать шторм или успокоить весь океан, в свое магическое слово он должен был бы включить не только слово «иниен», но и названия всех проливов и заливов Архипелага, все Пределы и

какие-то области, где имена уже не действуют. Именно это дает силу творить магию и в то же время ее ограничивать. Маг может управлять только тем, что близко к нему, тем, что он может назвать точно и полностью. И это хорошо. Будь все не так, злонамеренность имеющих власть и безумие мудрецов заставили бы их давно искать возможность изменить то, что не должно быть изменено, тогда неизбежно нарушилось бы мировое Равновесие. Утратившее Равновесие море захлестнуло бы остров, где и так мы живем в постоянном страхе, а голоса и имена были бы навеки похоронены в безмолвии древней пучины.

Гед много думал об этом разговоре, он глубоко запал ему в душу. Но даже великая цель не могла скрасить этот трудный год в Башне и постоянной зубрежки скучной сухой науки.

В конце года Курремкармеррук объявил ему:

— Для начала неплохо. — И к этому не добавил ни слова.

Волшебники обычно говорят правду, но все же нельзя не признать, что наука познания имен, в которую Гед вложил столько труда, была лишь началом того, что ему предстояло постигать всю жизнь. Ему было позволено покинуть Одинокую Башню раньше тех семерых учеников, с которы-

ми он туда пришел, так как он усваивал любую премудрость быстрее и лучше других, и это была единственная награда за его старания.

Ранней зимой он отправился на юг через весь остров по безлюдным дорогам. Ночью полил дождь, но он ничего не сделал, чтобы остановить ливень, так как погода на Роке находится в ведении Магистра Стихии и на его права никто не решился бы посягнуть. Гед укрылся под большим деревом и, завернувшись в плащ, лежал и думал о своем старом учителе Огионе, который, скорее всего, еще не вернулся из осеннего странствия по Гонт-ским вершинам и сейчас спит где-нибудь под голыми ветками вместо крыши, защищенный со всех сторон дождем. Гед улыбнулся, так как воспоминание об Огионе всегда согревало его. Заснул он с легким сердцем в этой холодной тьме, наполненной шелестом воды.

Проснувшись на рассвете, он поднял голову и прислушался: дождь прекратился. В складках своего плаща он обнаружил маленького свернувшегося комочком зверька, который, очевидно, поглубже забрался туда, где потеплее. Он с удивлением рассматривал это редкое странное животное, которое зовется отак.

Отаки встречаются только на четырех южных

островах Архипелага — на Роке, Энсмере, Педи и Уотор-те. Это небольшой зверек с гладкой шерсткой, темно-коричневой или полосатой, широкой мордочкой, с огромными блестящими глазами. У отака острые зубки и свирепый нрав, и поэтому его не держат дома. Он не издает никаких звуков, и кажется, что он вообще лишен голоса.

— Отак! — окликнул его Гед. Он перебирал в памяти сотни имен зверей, которые выучил в Башне, и наконец назвал зверька его настоящим именем на Древнем Наречии. — Хег, ты не хочешь пойти со мной? — спросил он.

Отак сел на ладони у Геда и начал вылизывать мех.

Гед посадил его на плечо в складки капюшона, где отак и начал свое путешествие. Днем он по нескольку раз спрыгивал на землю и убегал в лес, но калсдый раз возвращался. Однажды он принес в зубах добычу — лесную мышь. Гед рассмеялся и велел зверьку ее съесть: сам он постился, так как вечером начинался Праздник Возвращения Солнца. В сырых сумерках он обогнул Рокский Холм и наконец увидел пляшущие среди нитей дождя яркие шары волшебного света над крышами Главного Дома. В огромном зале, освещенном пламенем камина, он был приветливо встречен

Магистрами и товарищами.

Для Геда это было возвращение домой, так как у него не было другого дома, куда бы он мог вернуться. Радостно было вновь видеть Вика. Широкая улыбка осветила его смуглое лицо, когда он здоровался с Гедом. Неожиданно для самого себя Вик весь год проскучал без друга. Этой осенью он покончил с ученичеством и стал волшебником. Однако это обстоятельство никак не повлияло на их дружбу. Они, как и прежде, перебивая друг друга, принялись говорить, и Геду казалось, что в первые часы их свидания он произнес намного больше слов, чем за весь год в Одинокой Башне.

Отак так и просидел на плече у Геда в складке капюшона, пока они обедали за одним из Длинных Столов, накрытых в честь праздника в Каминном Зале. Вик любовался зверьком и даже протянул руку, чтобы его погладить, но отак оскалил зубы. Вик рассмеялся.

— Ястреб, говорят, что если к человеку благоволит какой-нибудь дикий зверь, это означает, что его отметили Древние Силы Земли: камни и ручьи непременно заговорят с ним человечьими голосами.

— Еще говорят, что гонтские волшебники часто держат любимых животных, — сказал Яшма,

который сидел по другую сторону от Вика. — У нашего Владыки Неммерля есть любимый ворон, а в песнях поется о том, что Красный Маг с острова Арк водил на золотой цепи любимого дикого кабана. Но вот о волшебнике, который держит крысу в капюшоне, никогда не слыхал.

Все рассмеялись, и Гед вместе со всеми.

Ночь была полна веселья, и Гед радовался, что у него тепло на душе и он веселится в компании друзей. И все же шутливые слова Яшмы задели его.

В эту праздничную ночь в Школу приехал гость — Властитель острова Оу, известный волшебник. Он был учеником Верховного Мага и иногда приезжал на Рок во время Зимних Праздников или же на Праздник Долгого Танца летом. С ним приехала его жена, стройная и юная, с лицом смуглым, как новая медная монета. Смоляные волосы украшала корона из опалов. Нечасто в залах Главного Дома можно было встретить женщину. Некоторые старые наставники недоброжелательно косились на нее. Зато молодые люди буквально пялили на нее глаза.

— Для такой никаких чар не пожалел бы, — вздохнул Вик и рассмеялся.

— Она всего лишь женщина, — ответил Гед.

— Принцесса Эльфарран тоже была всего лишь женщина, — сказал Вик, — но из-за нее был опустошен Энлад и геройски погиб маг Хавнора, а остров Солеа опустился под воду.

— Старые россказни, — сказал Гед, но теперь и он тоже украдкой посматривал на госпожу Оу и гадал, действительно ли есть на свете та смертельная краса, о которой так много говорится в старых преданиях.

Магистр Песнопений уже спел о Подвигах Молодого Царя, и все хором исполнили Зимние Праздничные Гимны. Когда, воспользовавшись паузой, люди встали из-за стола, Яшма поднялся и подошел к столу у камина, где сидели Верховный Маг, гости, Магистры, и обратился к леди Оу. Яшма был уже не мальчиком, а взрослым юношей, высоким и ладным. Его серый плащ у горла был стянут серебряной пряжкой, свидетельствующей о том, что он недавно стал волшебником. В ответ на его слова молодая женщина улыбнулась, и опалы сверкнули в ее черных волосах. Магистры дали свое согласие, и Яшма сотворил в ее честь иллюзию: на каменных плитах пола выросло тонкое белое дерево — верхушка его касалась потолочной балки, а на каждой веточке висело по золотому яблоку, сияющему словно

крошечное солнце. Это было Новогоднее Дерево. Неожиданно с него спорхнула птица с белым оперением и снежно-белым хвостом, а яблоки померкли, сморщились, и от них остались лишь хрустально-прозрачные косточки. Как дождевые капли, они со стуком попадали с дерева, и дерево вдруг начало благоухать, распространяя вокруг нежнейший аромат. Покачавшись немного, оно покрылось огненно-розовы-ми листьями и белы-ми звездочками цветов. Потом иллюзия исчезла. Леди Оу вскрикнула от восторга и склонила сверкающую головку перед молодым волшебником в знак одобрения его мастерства.

— Поедем на Оу-Токне! — воскликнула она. — Ты будешь жить вместе с нами. Мы ведь можем взять его с собой? — обратилась она совсем по-детски к своему суровому мужу. Но Яшма сказал:

— Когда я по-настоящему овладею искусством магии и стану достойным своих учителей и достойным твоей похвалы, госпожа, я охотно приеду и охотно буду служить тебе.

Все оценили галантное поведение Яшмы, все, кроме Геда. И хотя он присоединил свой голос к общему хору похвал, сердце его снедала черная зависть. «Я бы сделал все гораздо лучше», — говорил он себе, и радость этого вечера вдруг куда-то

ушла.

4. Разверстая земля

В ту весну Гед почти не виделся с Виком и Яшмой, так как они, закончив учение, теперь проходили курс под руководством Магистра Этикета в уединении Волшебной Рощи, куда не смел ступать ни один ученик. Сам Гед жил в Главном Доме, упражняясь с помощью магистров во всех видах колдовства, практикуемых волшебниками, которые, сделавшись магами, еще не имеют права носить посох. Они учились вызывать ветер, изменять погоду, отыскивать разные предметы, учились искусству наводить чары, колдовать, петь, пересказывать предания, разбираться в травах и знахар-ствовать. По ночам, в своей одинокой келье, где вместо светильника или свечи горел над книгой шарик наведенного света, он читал Поздние Руны и Руны Эа, которыми пользуется Высокая Магия.

Все эти знания давались ему легко, и среди учеников постоянно ходили слухи о том, что в очередной раз кто-то из Магистров сказал, что парень с Гонта самый одаренный из всех, кто когда-либо учился в Школе на Роке. Судачили и

об отаке, говорили, что это преображенный дух и что это он нашептывает Геду разные премудрости. И еще рассказывали, будто ворон Неммерля приветствовал Геда как будущего Верховного Мага. Независимо от того, верили ученики этим слухам или нет, им нравился Гед, а большинство мальчиков восхищались им и готовы были идти за ним куда угодно. В тех редких случаях, когда на него находило настроение, он присоединялся к ним и затевал шумные веселые игры. Но обычно он был поглощен занятиями и держался высокомерно и отчужденно. Вик теперь всегда отсутствовал, а других друзей у Геда не было, да и вряд ли он в них нуждался.

Ему было всего пятнадцать лет, слишком мало, чтобы постичь высокое искусство магов, которым вверен посох. Однако он так легко усваивал науку иллюзий, что Магистр Превращений, сам еще молодой человек, скоро стал заниматься с ним отдельно от остальных и много ему рассказывал об истинной Магии Воплощений. Он говорил, что если нет иного выхода и приходится изменять какой-нибудь предмет, его необходимо переименовать на то время, пока действуют чары, и толковал ему, как магия влияет на имена и природу вещей, окружающих заколдованный

предмет. Он предупредил его, что Превращение таит в себе опасность, особенно если облик меняет волшебник, который запросто может стать жертвой собственного колдовства.

Введенный в заблуждение уверенностью мальчика в том, что он все может понять, молодой учитель стал посвящать его в тайны, знать которые не положено ученику его возраста. Он открыл ему Первый, а затем Второй законы Большой Магии Превращений и дал прочесть Книгу Воплощений, притом без ведома мага. Это был опрометчивый поступок, но учитель совершил его без дурного умысла.

Гед теперь занимался еще и с Магистром Заклинаний. Это был суровый человек в летах, ожесточенный самим характером своего искусства, не признающим иллюзий. Он мог вызывать такие энергии, как свет, тепло, силы, управляющие магнитом, а также силы, которые человек воспринимает как вес, форму, цвет, звук, то есть все то, что черпается из огромной вечной энергии Вселенной и что никакое человеческое колдовство или расточительство не в состоянии истощить или вывести из равновесия. Поскольку заклинания прорицателей погоды и магов морских стихий были уже известны его ученикам,

в его задачу входило растолковать им, почему настоящий волшебник использует эту магию только в случае крайней необходимости. «Вызывая земные силы, ты всякий раз преобразуешь землю, частью которой ты являешься», — повторял он. Он говорил, что дождь на Роке может отозваться засухой на Осскиле, а штиль в Восточном Пределе — принести бурю и разрушение на Западе, если не знать твердо, чего именно ты добиваешься.

Гед знал, что заклинания живого и неживого в этом мире, воскрешения духов мертвых и обращения к Невидимому — это вершина искусства и предел возможностей магов. Магистр редко говорил об этом. Один или два раза Гед сделал попытку вызвать его на разговор об этих высоких тайнах, но Магистр молчал, глядя на него таким долгим мрачным взглядом, что Геду стало не по себе и он больше не заводил об этом речь.

Временами он чувствовал себя неловко, даже занимаясь менее серьезным колдовством, которому учил его Магистр. В Книге Познаний ему иногда попадались руны, которые почему-то были ему знакомы, хотя он не помнил, в какой именно книге он видел их прежде. Так, однажды он нашел несколько фраз, которые требовалось

произнести при заклинании, но он не мог заставить себя их повторить: они будили в памяти воспоминания о тенях в темной комнате, тянущихся к нему из угла двери. Он торопливо отгонял от себя эти мысли и шел дальше. Он убеждал себя, что эти приступы страха перед непонятным были порождены его неведением. Казалось, чем больше он будет знать, тем меньше он будет бояться. А потом, когда он станет настоящим волшебником, бояться ему будет нечего, просто нечего.

Шел второй месяц лета, и вся Школа вновь собралась в Главном Доме сразу на два праздника — Лунной Ночи и Долгого Танца, которые в этом году совпали и праздновались две ночи подряд, что случается раз в пятьдесят два года. Всю первую ночь, самую короткую из ночей полнолуния, в полях звучали флейты, а на узких улочках Твила горели факелы, грохотали барабаны и песни плыли над залитым лунным светом заливом.

С восходом солнца рокские сказители запели длинную «Песнь о Деяниях Эрет-Акбе». В ней говорится о том, как были воздвигнуты белые башни Хавнора, и как Эрет-Акбе, покинув древний остров Эа, отправился в странствие по всем островам Архипелага и его четырех Пределов, и

как на самой далекой окраине Западного Предела, у выхода в Открытое Море, он повстречался с драконом Ормом и теперь кости его покоятся в разбитой кольчуге, рядом с драконьими костями на берегу пустынного Селидора, а его меч, водруженный на самую высокую башню Хавнора, вспыхивает красным огнем каждый раз, когда солнце садится над Внутренним Морем. После того как песня была спета, начался Долгий Танец. Горожане, магистры, школяры, фермеры, все вместе — мужчины и женщины — танцевали всю ночь напролет в теплой пыли дорог, спускающихся к берегу. Под грохот барабанов, визг волынок и пение флейт они, танцуя, входили в море, освещенное полной луной, и волны заглушали музыку. Когда на востоке рассвело, они по тропинкам поднялись наверх, но теперь барабаны молчали, слышался только то тихий, то высокий голос флейты. То же самое происходило на всех островах Архипелага — все танцевали один и тот же танец под одну и ту же музыку, как бы связывая воедино разделенные морем острова.

После того как окончился Долгий Танец, большинство людей отправились спать и проспали весь день, а к вечеру снова собрались есть и пить.

Группа молодых людей, учеников и волшебников, забрав свой ужин из трапезной, решила келейно отпраздновать праздник во дворе Главного Дома. Среди них были Вик, Яшма, Гед и еще семь человек. К ним вскоре присоединились несколько юношей, они только что вернулись из Одинокой Башни, которую в этот праздник покинул даже сам Курремкармеррук. Они ужинали, весело смеялись и из чистого озорства проделывали фокусы, которые восхитили бы даже самого ревностного ценителя. Один из мальчиков осветил двор сотней волшебных звезд, которые, как драгоценные камни, переливались всеми цветами радуги, едва заметно покачиваясь под настоящими звездами. Два других парня затеяли игру в кегли зелеными огненными шарами. Кегли подпрыгивали и отскакивали в сторону, как только к ним приближался светящийся шар. Вик почти весь ужин сидел в воздухе, скрестив ноги, и ел жареного цыпленка. Один из младших учеников пытался стянуть его на землю, но Вик поднялся выше, так, что его нельзя было достать, и продолжал сидеть, спокойно улыбаясь. Время от времени он отшвыривал куриные кости, и они тут же оборачивались совами, которые с уханьем летали среди огней-звездочек. Гед стал метать в

сов стрелы из хлебного мякиша и сбил их, но, как только они коснулись земли, иллюзия пропала — на земле валялись кости и хлебные крошки. Гед пытался подсесть к Вику в воздухе, но он не знал ключа к этому трюку и, чтобы не упасть, начал махать руками, как крыльями. Все громко хохотали, когда он летал, делая отчаянные попытки удержаться. Он продолжал дурачиться и весело смеялся вместе со всеми, так как после двух долгих ночей непрерывных танцев, лунного света, музыки и волшебства он выдохся настолько, что теперь у него ни на что уже не было сил.

В конце концов он мягко приземлился возле Яшмы. Яшма, который никогда громко не смеялся, подвинулся, чтобы дать ему место, и, не удержавшись, сказал:

— Ястреб, не умеющий летать.

Гед широко улыбнулся:

— Насколько я знаю, яшма — камень драгоценный, не так ли? О, ярчайший бриллиант среди волшебников, сокровище Хавнора, дай и нам полюбоваться блеском твоих граней!

Парнишка, который запустил в воздух звездочки, направил одну из них туда, где сидел Яшма. Огонек закружился и заплясал у Яшмы над головой. Обычно сдержанный, Яшма нахмурился и

раздраженно отмахнул от себя звездочку, а затем загасил ее одним движением руки.

— До смерти надоели все эти выходки, детский писк, дурацкие фокусы.

— Друг мой, ты стареешь, — заметил сверху Вик.

— Если тебе недостает тишины и покоя, всегда ведь можно пожить в Башне, — съехидничал один из младших.

А Гед спросил:

— Чего тебе не хватает, Яшма?

— Общества мне равных. Идем, Вик. Пусть эти подмастерья играют в свои игрушки.

Гед повернулся и в упор поглядел на Яшму.

— Чем же таким особенным обладают волшебники, чего нет у учеников? — спросил он. Голос был спокойный, но все стоявшие вокруг вдруг затихли — по тону Геда, как и по тону Яшмы, они поняли, что вражда выплеснулась наружу и мечи вынуты из ножен.

— Магической силой, — сказал Яшма.

— Я готов помериться с тобой этой силой. Давай, ты первый, а я за тобой.

— Это что, вызов?

— Считай, что да.

Вик опустился на землю и встал между ними

— вид у него был крайне удрученный.

— Магические поединки в Школе запрещены. И вы это прекрасно знаете. Давайте прекратим это.

Оба, Гед и Яшма, молчали — они понимали, что Вик прав, так как знали законы Рока. Но знали они также и то, что Виком движет любовь, а ими — одна лишь слепая ненависть. Однако это не примирило их, скорее еще больше подогрело злость. Затем Яшма отошел в сторону, делая вид, что хочет что-то сказать Вику так, чтобы не слышали остальные. Высокомерно улыбнувшись, он довольно громко заявил:

— Ты бы лучше напомнил своему другу-козопасу о законе, который охраняет таких, как он. Видишь, как он дуется. Неужели он и в самом деле думает, что я приму его вызов? Вызов человека, от которого пахнет козлом, ученика, который даже не знает Первого закона Трансформации?

— Яшма, почему ты берешь на себя смелость судить о том, что я знаю и чего я не знаю? — спросил Гед.

И в ту же минуту, не сказав ни слова, Гед исчез, и над местом, где он стоял, теперь парил большой сокол — он раскрыл клюв, собираясь испустить крик. Но все это продолжалось одно мгновение, а затем в мигающем свете факела снова возник Гед.

Он стоял, не спуская угрюмого взгляда с Яшмы.

От изумления Яшма сначала даже слегка попятился, но, как только он увидел Геда, небрежно пожал плечами и только сказал:

— Иллюзия.

Мальчики стали перешептываться.

— Это не иллюзия, — заявил Вик. — Это настоящее перевоплощение. Ну хватит! Послушай, Яшма…

— Отстань, Вик, он тайком, за спиной учителя, сунул нос в Книгу Превращений. Ну и чего он добился? Давай, продолжай в том же духе, козопас. Мне нравится смотреть, как ты ставишь себе ловушку. Чем больше ты будешь доказывать, что ты мне ровня, тем яснее станет, кто ты есть на самом деле.

При этих словах Вик, отвернувшись от Яшмы, тихо сказал Геду:

— Ястреб, докажи, что ты мужчина, и прекрати это безобразие. Пошли со мной.

Гед поглядел на друга и улыбнулся.

— Возьми у меня Хега ненадолго, ладно?

Он положил на ладонь Вика маленького отака, который обычно сидел у него на плече. Зверек никому, кроме Геда, не давал до него дотронуться, но сейчас охотно пошел к Вику. Взобравшись по

руке, он тут же пристроился у него на плече и оттуда глядел блестящими глазами на хозяина.

— Яшма, как ты собираешься доказать свое превосходство? — спросил Гед все так же тихо.

— Мне для этого ничего не надо делать, козопас. Но тем не менее я это докажу. Я предоставляю тебе шанс. Зависть точит тебя, как червь яблоко. Давай выпустим червя. Однажды на Рокском Холме ты похвастался, что гонтские волшебники не играют в игры. Пойдем на Холм прямо сейчас, и ты продемонстрируешь нам, что они вместо этого делают. А потом я, может быть, покажу маленький колдовской фокус.

— А я с удовольствием погляжу, — ответил Гед.

Младшие ученики, привыкшие к несдержанности и горячему нраву Геда, были удивлены его спокойствием. Вик тоже смотрел на друга с удивлением, но в душе у него рос страх. Он еще раз попытался вмешаться.

— Не встревай, Вик, — предупредил его Яшма. Затем он обратился к Геду: — Собираешься ли ты использовать шанс, который я тебе дал? Что ты нам покажешь? Иллюзию? Огненный шар? Или, быть может, волшебное исцеление чесоточных коз?

— А что бы ты хотел, чтобы я сделал, Яшма?

Яшма пожал плечами.

— Мне бы хотелось, чтобы ты вызвал дух какого-нибудь мертвеца.

— Хорошо, я вызову.

— Нет, не вызовешь. — Яшма поглядел на него в упор, и вдруг ярость, сдерживаемая под маской высокомерия, прорвалась наружу. — Ничего ты не сделаешь!

— Клянусь моим именем, я это сделаю!

На мгновение все замерли.

Опасаясь, что Вик может удержать его силой, Гед бегом бросился к выходу. Пляшущие огни потихоньку падали и гасли. Яшма колебался минуту, а потом пошел вслед за Гедом. Остальные молча потянулись за ними, движимые любопытством и страхом.

Темные склоны Рокского Холма терялись во мраке летней ночи. Вот-вот должна была взойти луна. Сам Холм, где совершалось так много чудес, производил гнетущее впечатление; казалось, будто в воздухе повисла какая-то тяжесть. Когда они подошли к склону, у всех невольно появилась мысль о том, как глубоки корни Холма, глубже, чем море, и тянутся они до древних невидимых огней где-то в чреве земли. Они остановились на восточном склоне. На гребне Холма звезды

висели низко над черной травой. Ветра не было.

Гед отделился от остальных и поднялся чуть выше по склону, затем он обернулся и громко спросил:

— Яшма, чей дух я должен вызвать?

— Чей хочешь. Тебя все равно никто не послушается.

Голос Яшмы слегка дрожал, может быть от злости.

— Ты что, боишься?

В тихом, спокойном голосе Геда прозвучала насмешка.

Но если даже Яшма и ответил что-то, Гед его уже не слышал. Ему теперь было все равно. Здесь, на Холме, ярость и ненависть ушли, на смену им пришла уверенность. Он мог теперь никому не завидовать. Он знал, что здесь, на этой темной заколдованной горе, его сила возросла непомерно, и теперь она переполняла его так, что он дрожал, с трудом сдерживая ее. Он знал сейчас, что все равно одержит верх над Яшмой и тот ему больше не страшен и что, быть может, не случайно сегодня ночью Яшма привел его сюда, и теперь тот больше не соперник, а'скорее слуга судьбы Геда. Под ногами он ощущал корни Холма, уходящие вглубь, во тьму, а над головой он видел дале-

кие сухие огни звезд. Все пространство между древними корнями и далекими звездами было сейчас подчинено его воле. Он стоял в центре мироздания.

— Не бойся, — сказал он, улыбаясь. — Я вызову дух женщины. Не надо бояться этой женщины. Я вызову Эльфарран, прекрасную Эльфарран из «Деяний Энлада».

— Она умерла тысячу лет назад, ее кости лежат над морем Эа, да и неизвестно, была ли на свете такая женщина.

— Неужели годы и расстояния что-нибудь значат для мертвых? Неужели Песни лгут? — В голосе Геда была все та же легкая насмешка. А потом вдруг он сказал: — Следите за воздухом между моими ладонями.

Он отвернулся и застыл неподвижно.

Медленным широким жестом он простер руки — это был приветственный жест, с которого начинается любое заклинание. Затем он заговорил.

В книге Огиона, свыше двух лет назад, он прочел руны Магии Заклинаний. С тех пор Гед никогда не видел этой книги. Тогда он читал руны в полной темноте. И сейчас в темноте он словно снова читал их, на той же странице, которая раскрылась перед ним в тот далекий вечер.

Но теперь он понимал смысл того, что читает, громко выговаривая слова, он видел вставки, разъясняющие, как правильно сотворить волшебство с помощью голоса и жестов.

Остальные молча следили за ним, пока их не начала бить дрожь — это действовала Большая Магия. Голос Геда был по-прежнему тихим, но что-то в нем переменилось — теперь он пел глухо и протяжно, но слова, которые он произносил, были незнакомые. Неожиданно он замолчал, и тут же по траве с ревом пронесся ветер. Гед упал на колени, что-то громко выкликая, потом лег на траву, как бы обнимая ее. Когда он поднялся, в дрожавших от напряжения руках он держал что-то очень тяжелое, настолько тяжелое, что ему с трудом удалось подняться на ноги. Горячий ветер завывал в темных качающихся травах на вершине Холма. А звезды даже если и сияли, то сияния их никто не видел.

Колдовские слова со свистом и шепотом слетали с губ Геда. Затем он крикнул громко и отчетливо:

— Эльфарран! — И еще раз: — Эльфарран!

Бесформенная темная масса, которую он поднял с земли, раскололась. Она рассыпалась на куски, и столбик неяркого света блеснул меж воздетых рук Геда. Он превратился в овал, вытянутый до самых кончиков пальцев. И в этом овале вдруг возникла человеческая фигура: высо-

кая женщина, с лицом прекрасным и скорбным, повернув голову, в испуге смотрела назад через плечо. Видение тут же исчезло. Бледный желтый овал стал ярче. Он рос и ширился, будто прорезь в ночном мраке земли, разрыв в ее материи. От него исходил нестерпимый ослепительный свет. И через эту уродливую щель пробирался какой-то сгусток черной тени, необычайно подвижной и странной. Тень бросилась прямо на Геда. Он попятился, пошатнувшись от навалившейся тяжести, и у него вырвался короткий глухой вскрик. Маленький отак, следивший за всем с плеча Вика, животное, не имеющее голоса, громко взвизгнул и спрыгнул на землю, готовый ринуться в бой.

Гед упал, отбиваясь и увертываясь, а яркая щель над ним во мраке ширилась и расползалась. Мальчики, наблюдавшие за всем происходящим, бросились бежать, а Яшма согнулся до земли, пряча глаза от ужасного света. И только Вик кинулся на помощь другу. И поэтому только он видел тень, вцепившуюся в Геда и раздирающую его плоть. Она напоминала какого-то черного зверя, размером с маленького ребенка, но она все время то разбухала, то съеживалась. У нее не было ни головы, ни морды, только четыре когтистые лапы, которыми она хватала и рвала.

Рыдая от ужаса, Вик протянул руки, чтобы попытаться оттащить эту нечисть от Геда. Но не успел он дотронуться до нее, как тут же был пригвожден к месту.

Невыносимый слепящий свет постепенно мерк, и медленно сближались разорванные края мира. И где-то рядом они услышали тихий голос, как шепот деревьев или плеск фонтана.

Звезды снова засияли, свет поднимающейся луны высветлил травы на склонах Холма. Ночь залечивала свои раны. Снова восстановилось равновесие между светом и тьмой. Тень-зверь ушла. Гед лежал, распростершись на спине. Он раскинул руки, как бы застыв в широком приветственном жесте, предшествующем заклинанию. Лицо его было черным от запекшейся крови, рубаха была вся в больших черных пятнах. Маленький отак жался к его плечу и дрожал. А над ним стоял старик в плаще, бледный в сиянии лунного света, и старик этот был Верховный Маг Неммерль.

Концом посоха Неммерль поводил над грудью Геда. Он дотронулся до его сердца, потом до губ и при этом что-то шептал. Гед шевельнулся, губы раздвинулись, ловя воздух. Затем старый Неммерль поднял посох и упер его в землю. Опустив

голову, он налег на посох всем телом, как будто у него не было сил стоять.

Вик наконец снова обрел способность двигаться. Оглядевшись, он увидел, что здесь все ученики и с ними два Магистра — Магистр Заклинаний и Магистр Превращений. Ни одно большое волшебство не совершается без того, чтобы не поднять на ноги таких людей, а они-то уж точно знают, как в случае необходимости мгновенно оказаться на месте происшествия. Но на сей раз их всех опередил Верховный Маг. Тут же послали за помощью, и несколько мальчиков пошли проводить Верховного Мага, а остальные — и среди них Вик — отнесли Геда в покои Магистра Травоцеления.

Всю ночь Магистр Заклинаний нес дозор на Рокском Холме. Ничто не шевелилось на склоне, где разверзлась мировая плоть. И ни одна тень не кралась в лунном свете в поисках бреши, через которую она могла бы вернуться в свои владения. Она убежала от Неммер-ля, от мощных волшебных стен, которые охраняют Остров Рок, но она осталась в этом мире.

И где-то в этом мире она скрывалась. Если бы Гед умер в ту ночь, она попыталась бы отыскать дверь, которую он открыл, и последовать за ним в Царство Мертвых или же ускользнула бы туда,

откуда пришла. И чтобы этого не случилось, Магистр Заклинаний ждал ее на Рокском Холме.

Однако Гед выжил. Его положили на постель в целительной, и Магистр Травоцеления обмыл раны у него на лице, на горле и на плече. Это были глубокие рваные раны. Черную кровь в них никак не удавалось остановить, она лилась, несмотря на заговор и наложенные на раны листья, завернутые в паутину. Гед лежал в лихорадке, слепой и немой, как сучок, сгорающий на медленном огне, и не было магии, которая могла бы охладить сжигающее его пламя.

Недалеко от него в дворике без крыши неподвижно, как и Гед, покоился на ложе Верховный Маг, но в отличие от Геда он был скован холодом, жили только глаза, следящие за падением водяных струй при лунном свете и движением листьев. Те, кто был при нем, не произносили заклинаний и ничего не делали, чтобы исцелить его. Они изредка вполголоса переговаривались, а потом снова сидели молча у постели своего Владыки. Он лежал тихо, луна до белизны высветлила его ястребиный нос, высокое чело и седые волосы. Для того чтобы устранить волшебство и отвести Тень от Геда, Неммерль истратил все свои силы, а с ними ушла и телесная мощь. Он умирал.

Но смерть великого мага, который столько раз в жизни поднимался по сухим и крутым склонам царства мертвых, — странное зрелище, так как умирающий идет не вслепую, он ступает уверенно, ибо знает дорогу. Когда Неммерль поглядел наверх сквозь листву деревьев, присутствующие не поняли, видит ли он здешние тусклые звезды, гаснущие с наступлением дня, или же какие-то иные звезды, которые никогда не зажигаются над холмами и не знают рассвета.

Пропал куда-то любимец Мага Неммерля Осскиль-ский Ворон, с которым хозяин не расставался последние тридцать лет. И никто не заметил, куда и как он исчез.

— Он летит впереди хозяина, — сказал Магистр Этикета. Он дежурил у одра Верховного Мага, когда ему сообщили эту новость.

Пришел новый день, теплый и ясный. Тихо было в Главном Доме Школы, тихо на улицах Гвила. Не слышно было голосов до той поры, пока ближе к полудню громко не заговорили железные колокола в Певческой Башне, слившись в суровом погребальном звоне.

А на следующий день девять Рокских Магистров собрались где-то в Волшебной Роще под сенью темных деревьев. Они воздвигли вокруг

себя девять стен молчания, чтобы с ними никто не мог заговорить, чтобы их никто не мог подслушать, когда они выбирали среди магов всего Земноморья того, кто станет новым Верховным Магом.

Избран был Геншер с острова Уэй. К острову через Внутреннее Море был послан корабль, который должен был привезти Верховного Мага на Рок. Магистр Стихий стоял на корме и с помощью магии надувал ветром паруса — корабль на большой скорости вышел из гавани и скрылся вдали.

Обо всех этих событиях Гед ничего не знал. В разгар жаркого лета почти месяц лежал он слепой, глухой и немой и только стонал или вскрикивал, как раненый зверь. Но в конце концов старания Магистра Травоце-ления сделали свое дело — раны стали затягиваться и лихорадка оставила Геда. Постепенно он как будто стал слышать, но по-прежнему не говорил.

Как-то ясным осенним днем Магистр Травоцеления открыл ставни в комнате, где лежал Гед. После той ночи на Рокском Холме он так и продолжал пребывать во мраке. И теперь он впервые увидел дневной свет и сияющее солнце. Он закрыл руками свое обезображенное шрамами лицо и разрыдался.

Но все же к началу зимы он уже мог говорить, хотя язык не слушался его. Травоцелитель держал Гед а в Палатах Исцеления, пытаясь постепенно вернуть силы его телу и мозгу. Только ранней весной Магистр впервые выпустил его из палаты — и первым делом послал принести присягу новому Верховному Магу, поскольку Гед не участвовал в общей церемонии вместе со всей Школой, когда Геншер прибыл на Рок.

Никому из товарищей не дозволялось посещать Геда во время болезни, и сейчас, когда он проходил мимо, некоторые из них с удивлением спрашивали: «А кто это такой?»

Он всегда был ловкий, подвижный и сильный. Теперь же, хромая от боли, он поминутно останавливался. Он шел, опустив голову, чтобы скрыть левую половину лица, белую от шрамов. Стремясь избежать встречи со всеми, знакомыми и незнакомыми, он направился прямо во дворик с фонтаном. Там, где когда-то он ждал Неммерля, теперь его ждал Геншер.

Как и прежний Верховный Маг, новый был одет во все белое, но у Геншера, подобно большинству жителей Восточного Предела, была темная кожа, и глаза под густыми бровями тоже темные.

Гед преклонил колено и присягнул на верность

и послушание Магу. Геншер долго молчал.

— Мне известно, что ты сделал, — сказал он наконец. — Но я не знаю, что ты за человек, и поэтому не могу принять от тебя присяги.

Гед встал и оперся рукой о ствол молодого дерева возле фонтана, чтобы хоть немного успокоиться. Ему все еще было трудно подыскивать слова.

— Я должен покинуть Рок, Владыка?

— Ты хочешь уехать?

— Нет.

— А что ты собираешься делать?

— Остаться здесь. Учиться. Уничтожить… зло…

— Уничтожить его не мог даже сам Неммерль. Нет, я бы не хотел отпускать тебя с острова. Сейчас тебя только и охраняет магическая сила магистров и защитные барьеры, дарованные этому острову, — они и отпугивают нечисть. Если ты уедешь сейчас, тварь, которую ты высвободил, сразу же отыщет тебя, войдет в тебя и завладеет тобой. Из человека ты превратишься в гебета, марионетку, исполняющую волю этой дурной тени, которую ты вытащил из мрака на солнечный свет. Тебе нужно остаться здесь до тех пор, пока ты не обретешь достаточно сил и мудрости, чтобы защитить себя от нее, если это вообще возможно.

Я не сомневаюсь, она сейчас где-нибудь караулит тебя. Ты хоть раз видел ее после той ночи?

— Только во сне, Владыка.

Помолчав, Гед продолжал, и в голосе его звучали боль и стыд:

— Владыка Геншер, я не знаю, что это за тварь, которую я сам вызвал заклинанием и которая потом кинулась на меня.

— И я не знаю, что это такое. У нее нет имени. Ты обладаешь огромной магической силой, но ты поступил неправильно — произнес заклинание, будучи к этому неподготовлен. Тебе следовало иметь представление о том, как магия влияет на равновесие между светом и тьмой, жизнью и смертью, добром и злом. Ты был движим гордыней и ненавистью. И стоит ли удивляться, что последствия оказались губительными. Ты вызвал духа из Царства Мертвых, но с ним явилось Нечто от Нелюдей. Оно пришло незваное из мест, где нет названий. Зло, и только зло, оно хочет вселиться в тебя. Сила, к которой ты прибегнул, чтобы вызвать его, дает ему власть над тобой. Ты теперь связан с ним. Это тень твоего высокомерия, тень твоего невежества, тень, которую ты отбрасываешь. А у тени разве есть имя?

Гед стоял поникший, больной и несчастный.

— Лучше бы мне умереть! — вырвалось у него.

— Кто ты такой, чтобы это решать? Ты, ради которого Неммерль пожертвовал жизнью? Здесь ты в безопасности. Здесь ты и будешь жить и продолжать учиться. Мне говорили, ты очень способный. Продолжай работать, и работай хорошо. Это все, что ты можешь сделать.

Кончив говорить, Геншер неожиданно исчез, как это водится у магов.

Гед смотрел, как играет фонтан в солнечных лучах, слушал его голос, а сам думал о Неммерле. Вот здесь, в этом дворике, когда-то он стоял, ощущая себя провозвестником солнечного света. А теперь Тьма сказала свое слово, а слово, как известно, назад не воротишь.

Он направился в свою прежнюю келью в Южной Башне, которую все еще держали для него. Теперь он все время проводил в одиночестве. Когда гонг созывал всех на ужин, он приходил и садился за Длинный Стол, но почти не разговаривал с другими учениками, не поднимал головы и даже не отвечал на приветствия тех, кто рад был его видеть.

Через несколько дней его оставили в покое. Он предпочитал одиночество, так как боялся, что может невольно причинить кому-то зло или

необдуманно сказать что-нибудь дурное.

Ни Вика, ни Яшмы за столом не было, и Гед не спрашивал о них. Мальчики, для которых прежде он был недосягаемым кумиром, уже все обогнали его, так как, пока болел, он упустил много месяцев и теперь всю весну и лето занимался вместе с учениками, которые были моложе его. И нельзя сказать, что он блистал среди них — любое колдовство, даже самая простая магия иллюзий, давалось ему с трудом, и в руках его не было уверенности.

Осенью он должен был снова отправиться в Одинокую Башню, чтобы пройти еще один курс с Магистром Именований. И эта работа, которая когда-то казалась ему скучной, сейчас пришлась по душе, так как он искал тишины и углубленных занятий, где не надо было иметь дела с магией и призывать силу, которая, он чувствовал, еще сохранилась в нем.

Вечером, накануне того дня, когда он должен был отправиться в Башню, к нему пришел гость. На нем был коричневый дорожный плащ, а в руках дубовый посох с железной подковой. При виде волшебного посоха Гед поднялся.

— Ястреб…

При звуке этого голоса Гед поднял глаза: перед

ним стоял Вик, плотный, коренастый. И хотя его темное, с грубоватыми чертами лицо стало взрослее, улыбка была все та же. На плече у него сидел зверек с полосатой шкуркой и блестящими глазами.

— Пока ты болел, он все время жил у меня, и теперь мне грустно с ним расставаться. А расставаться с тобой мне еще грустнее, Перепелятник. Но что поделаешь, Хег, иди теперь к своему хозяину.

Вик погладил отака и поставил его на пол. Зверек сразу же сел на соломенный тюфяк Геда и начал вылизывать мех сухим, как листик, коричневым язычком. Вик рассмеялся, но Гед не мог даже улыбнуться. Он погладил отака, низко опустив голову, чтобы скрыть от Вика лицо.

— Я думал, ты ко мне не зайдешь, Вик, — сказал он.

Он не хотел упрекнуть друга, но тот на это ответил:

— Я не мог прийти к тебе раньше — Магистр Тра-воцеления запретил мне, а начиная с зимы я жил в Роще, занимался с Магистром Именований. Совсем ушел от мира. Я не был свободен, пока не получил посох. Послушай, когда ты тоже освободишься, приезжай в Западный Предел. Я буду

ждать тебя. Там веселая жизнь в маленьких городках, и волшебников там хорошо принимают.

«Освободишься...» — пробормотал Гед. Он слегка пожал плечами, пытаясь улыбнуться.

Вик смотрел на него каким-то непривычным взглядом, в котором любви было не меньше, чем прежде, но прибавилось, быть может, что-то от мудрости волшебника.

_ Ты ведь не останешься навсегда здесь, на Роке } — сказал он тихо.

— Не знаю... Я подумываю о том, не пойти ли мне работать к Магистру в Башню, стать одним из тех, кто ищет в книгах и среди звезд утраченные имена и таким способом... ну хотя бы таким способом не причинять зла, если уж и не делать добра...

— Может быть, это тоже выход, — сказал Вик. — Я не провидец, но впереди у тебя я вижу не комнаты и книги, а далекие моря, огнедышащих драконов, городские башни и еще много всего, что доступно лишь взору ястреба, когда он летает далеко в высоком небе.

— А позади? Что ты видишь позади меня. — спросил Гед. Он встал так, что горевший наверху между ними фонарь отбросил его тень на стену и на пол. Затем он отвернулся и проговорил,

заикаясь:

Лучше расскажи мне, куда ты поедешь и что будешь делать.

— Я поеду домой, повидаю брата и сестренку, о которой я тебе рассказывал. Я уехал из дому, когда она была еще совсем маленькой, ну а теперь она скоро получит имя. Кто бы мог подумать! Я найду себе работу волшебника где-нибудь на маленьком острове. Я бы с радостью остался и еще поговорил с тобой, но не могу — мне надо спешить: мое судно отчаливает сегодня вечером, а прилив уже начался. Перепелятник, если когда-нибудь путь твой пройдет через Восток, приезжай ко мне. И если когда-нибудь я тебе понадоблюсь, пошли за мной, назови мое имя — Эстарриоль.

Гед поднял свое изувеченное лицо и встретился глазами с другом.

— Эстарриоль, мое имя Гед! — сказал он.

Затем они тихо попрощались, Вик повернулся, прошел по каменному коридору и покинул Рок.

Гед еще целую минуту смотрел ему вслед, стараясь осознать, какой бесценный подарок сделал ему Вик, назвав свое имя.

Никому не положено знать имя человека, кроме него самого и того, кто дал ему это имя. Сам

ты можешь сказать его брату, или жене, или другу, но и эти немногие никогда не должны произносить его вслух, если может услышать кто-то третий. В присутствии других людей они, как и остальные, будут называть его привычным именем, кличкой, такой, как Перепелятник, например, или Вик, или Огион, что означает «еловая шишка». И если обычные люди скрывают свои имена от всех, кроме тех, кого они любят и кому полностью доверяют, естественно, что люди, наделенные волшебным даром, тоже должны держать свое имя в тайне, так как иначе они могут навлечь опасность на себя и на других людей. Тот, кто знает имя человека, держит его жизнь в своих руках. Вик одарил его так, как мог одарить только друг то есть выказал ему полное доверие.

Гед сел на свой матрас и смотрел, как удаляется шарик волшебного света, оставляя за собой слабый запах болотного газа. Он погладил отака, уютно устроившегося у него на коленях так, словно он никогда не спал в другом месте. Главный Дом затих. Гед вдруг вспомнил, что сегодня канун его Посвящения, дня, когда Огион дал ему имя. С тех пор прошло четыре года. Он вспомнил, каким холодным был горный источник, через который он шел обнаженный и не имеющий имени. Были

там в горах и другие запруды и заводи реки Ар, где он часто плавал. Он стал думать о деревне Олынанники, над которой тянутся по горным склонам леса, и об утренних тенях, лежащих на пыльных деревенских улицах, и о пламени, которое прыгало и рвалось, когда зимними вечерами раздували мех в кузне, и о темной, пахнущей травами хижине ведьмы, с воздухом, тяжелым от дыма над курящимся колечками колдовским зельем. Он уже давно об этом не думал. И теперь, в эту ночь его семнадцатилетия, воспоминания вернулись к нему.

Все годы его короткой загубленной жизни, места, где он побывал, всплыли в его памяти и обрели смысл. После стольких лет горького, истраченного зря времени он снова знал, кто он и где его корни. Но что с ним станется в ближайшие годы? Этого он не мог предвидеть, да и, по правде говоря, страшился заглядывать в будущее.

Наутро он отправился в путь через весь остров. Отак, как обычно, сидел у него на плече. На сей раз он не за два, а за три дня добрался до Одинокой Башни над кипящим, брызгающим пеной морем у северного мыса. Внутри Башни было, как он и ожидал, темно и холодно, а Курремкармеррук сидел на высоком стуле и составлял список имен. Он

взглянул на Геда и сказал вместо приветствия:

— Ложись спать! От усталого человека толку все равно мало. С утра пораньше открой «Радения Создателей» и начни учить имена.

В конце зимы Гед вернулся в Главный Дом. Он получил звание волшебника, и Верховный Маг Геншер на этот раз принял у него присягу на верность. Отныне он изучал высшее искусство магии и колдовства, перейдя от иллюзий к настоящей магии, постигал то, что должен знать волшебник, чтобы заработать посох. Теперь, когда он читал руны и больше не боялся произносить вслух имена и заклинания, его способности восстановились, но все же после того, что с ним произошло, он усваивал науки гораздо медленнее, чем прежде.

Все шло своим чередом, без выдающихся событий и нежеланных встреч, даже когда он принялся штудировать Большую Магию Сотворений и Превращений, которая, как считается, содержит самые опасные заклинания. У него даже появилась надежда, что выпущенная им на свободу Тень совсем ослабела или убежала из этого мира, так как она больше не являлась ему во сне. Но в глубине души он понимал, что это пустые мечты.

От Магистров и из древних ученых книг он стремился узнать как можно больше о существах, подобных Тени, но, к сожалению, известно о них было мало. В описаниях о таких тварях не говорилось. Кое-что еще можно было найти в старых книгах, но и там лишь бегло упоминалось о том, что существуют какие-то звероподобные тени. Судя по всему, это не были призраки людей или порождения Древних Сил Земли, но Геду почему-то казалось, что тени имели к ним отношение. В «Сущности драконов», которую Гед читал очень внимательно, он нашел рассказ о древнем Повелителе Драконов, попавшем под власть одной из этих Древних Сил, Говорящего Камня, который лежит в какой-то далекой северной стране. *По приказанию Камня*, говорилось в книге, он *повелел душам мертвых восстать из Царства Мертвых, но поелику его колдовство, по воле Камня; обернулось бедой, то с духом мертвеца пришла тварь незваная, и она сожрала его изнутри, и пошла в его образе, и губила людей.* Но книги умалчивали о том, что это была за тварь и чем кончилась эта история. И Магистры не ведали, откуда взялась Тень — от нежити, как сказал Верховный Маг, или же с изнанки мира, как думал Магистр Превращения. Магистр Закли-

наний честно признался, что не знает. Угрюмый и серьезный, он часто заходил навестить Геда во время его болезни, но теперь Гед понимал, сколько сострадания к людям в этом человеке, и полюбил его всем сердцем. В одном он убежден, говорил Магистр, тварь эту мог накликать только человек, обладающий огромной и, очевидно, вполне определенной силой и определенным голосом, а именно — твоим голосом. Но что это в конечном итоге означает, я не знаю. Ты призван раскрыть, разгадать эту тайну или умереть, даже хуже чем умереть. Он говорил тихо, мрачно глядя на Геда. В детстве думаешь, что маг может все, но истина заключается в том, что, по мере того как ширится данная человеку сила и углубляются его знания, путь, которым он следует, сужается, и в итоге человек не властен выбирать сам и все время делает только то, что должен…

Когда Геду исполнилось восемнадцать лет, Верховный Маг послал его завершить курс к Магистру Этикета. Обычно не принято распространяться о том, чему учат в Волшебной Роще. Говорят, что там не занимаются магией, но что место это само по себе заколдованное. Бывает, что деревья этой Рощи можно разглядеть, но они не всегда оказываются в одном и том же месте. Ходят

слухи, что эти деревья наделены мудростью.

Магистр Этикета, говорят, обучается высшей магии прямо в Роще, и, если вдруг погибнут деревья, он утратит свою мудрость. И тогда поднимутся воды и затопят острова Земноморья, которые Сегой поднял из глубины в домифические времена, а также все земли, где живут люди и драконы.

Но все это лишь досужие слухи, и волшебники никогда об этом не рассказывают.

Прошло несколько месяцев, и теперь погожим весенним днем Гед возвращался в Главный Дом, не имея ни малейшего представления о том, что ему велено будет делать дальше.

У двери, которая открывалась прямо на тропинку, ведущую мимо полей к Рокскому Холму, его ждал какой-то человек. Сначала Гед его не узнал, а потом, напрягши память, вспомнил — это он впустил его в школу, когда Гед впервые пришел сюда пять лет назад.

Старик улыбнулся и приветствовал его, назвав по имени. Он спросил:

— Ты знаешь, кто я?

Геда и раньше удивляло то, что Рокских Магистров, как считалось, было девять, а он знал лишь восьмерых — Магистра Стихий, Магистра

Ловких Рук, Магистра Травоцеления, Магистра Песнопений, Магистра Превращений, Магистра Заклинаний, Магистра Именований, Магистра Этикета. Гед думал, что девятым был Верховный Маг, но, когда выбирали нового Верховного Мага, голосовать за него собрались девять Магистров.

— Вы, наверное, Магистр — Хранитель Входа? — спросил Гед.

— Ты прав, Гед. Однажды, назвав свое имя, ты заслужил право войти в этот Дом. Теперь назови мое, и ты снова войдешь сюда.

Старик стоял, улыбаясь, и ждал. Гед ничего не мог сказать. Он знал сотни способов, уловок, приемов, используемых для того, чтобы отыскать название какого-нибудь предмета или имени человека, поскольку все это входило в те знания, которые молодые волшебники приобретали на Роке. Без этого невозможна никакая полезная магия. Но найти имя мага или магистра — это особое искусство. Имя мага сокрыто надежнее, чем сельди в море, и охраняется лучше, чем логово дракона. Попытка что-то выведать при помощи колдовства натолкнется на более сильное колдовство, хитроумные уловки провалятся, а старание выведать что-то обходным путем будет пресечено таким же обходным способом и в

конце концов обернется против тебя же самого.

— Дверь, что ты охраняешь, очень узкая, Магистр, — сказал Гед. — Боюсь, мне придется долго сидеть в поле и поститься до тех пор, пока не похудею настолько, чтобы протиснуться в нее.

— Можешь сидеть сколько душе твоей угодно, — ответил Привратник, улыбаясь.

Гед отошел подальше и сел под ольхой на берегу Твилберна — отака он пустил поплавать, побегать и поохотиться за речными крабами в глинистой почве.

Солнце село поздно, так как весна была в разгаре. Свет фонарей и шаров мерцал в окнах Главного Дома, а ниже по склону улицы Твила были погружены во мрак. Над крышами ухали совы, летучие мыши мелькали в сумеречном воздухе над ручьем, а Гед все сидел и размышлял, каким образом, с помощью какой силы — хитрости или волшебства — может он узнать имя Привратника. И чем больше он думал, тем меньше находил возможности выудить секрет из этого упрямого мага.

Он улегся прямо на земле и заснул под звездами, а отак в это время спал у него в кармане. Когда солнце встало, он поднялся и без маковой росинки во рту снова подошел к двери Главного

Дома и постучался. Дверь открыл Привратник.

— Магистр, — обратился к нему Гед, — я не могу узнать твое имя, будучи недостаточно силен в магии, и я не могу узнать его хитростью, будучи недостаточно мудрым. Поэтому я согласен остаться здесь и учиться или служить тебе, как ты пожелаешь, пока ты в конце концов не ответишь на мой вопрос.

— Задай его.

— Как тебя зовут?

Привратник улыбнулся и сказал свое имя. Гед повторил его и в последний раз вошел в Дом.

Когда он снова покинул его, на нем был темно-синий плащ, дар горожан Нижнего Торнинга, куда он и направлялся, так как там в данный момент требовался волшебник. В руках он нес посох, доходивший ему до макушки, вырезанный из тиса и оправленный бронзой. Привратник пожелал ему счастливого пути и открыл перед ним две двери — из рога и слоновой кости. Гед спустился по улицам Твила к морю, где его ждало судно, покачивающееся на освещенной утренним солнцем воде.

5. Пендорский дракон

К западу от Рока, между двумя огромными землями Хоск и Энсмер, лежат так называемые Девяносто Островов, ближайший к Року — Серд, а самый дальний — Сэпиш, который фактически находится уже в Пелнишском море.

Вопрос о том, точно ли островов девяносто, так и остается спорным. Если учитывать только те острова, на которых есть пресноводные источники, то их семьдесят, но если каждую скалу считать за остров, то тогда число их доходит до ста. Кроме того, приливы и отливы сильно преображают картину: когда вторгаются сравнительно мягкие приливные волны Внутреннего Моря, каналы между островами, обычно узкие, меняют течение и вода поднимается высоко, а потом резко падает. Там, где стоит высокая вода, появляются три острова в одном месте, а там, где малая, — остается один. Но несмотря на опасность приливов, все дети, едва начав ходить, способны управиться с веслом и имеют свои маленькие гребные шлюпки; хозяйки переправляются в лодках через канал, чтобы выпить чашку мятного

чая с соседкой, а уличные торговцы под аккомпанемент весельных ударов громко расхваливают свой товар. Все дороги — сплошная соленая вода, перекрытая сетями, протянутыми от дома к дому через проливы для лова мелкой рыбешки под названием турбис, жир которой и составляет все богатство этих островов. Там есть несколько мостов и нет ни одного большого города. На всех островах множество ферм и рыбачьих домов, и каждые десять — двадцать островков объединены в городскую общину. Центром одного из таких островов был Нижний Торнинг, самый крайний городок на западе. Лежит он за пределами Внутреннего Моря в открытом океане, в отдаленном конце Архипелага, где известен всего лишь один, недоступный для людей остров Пендор, репутация которого сильно подмочена драконами, а за Пендором — пустынный Западный Предел.

Уже был готов дом к приему нового городского волшебника. Он стоял на холме посреди зеленых ячменных полей, укрытый от западного ветра рощей, усыпанной красными цветами. Если выглянуть из двери, то открывался вид на крытые соломой крыши, рощи и сады и на соседние острова с такими же крышами, полями и холмами, разделенными причудливыми морскими кана-

лами. Это был бедный дом, без окон, с земляным полом, но он все же был лучше того, где родился Гед. Островитяне Нижнего Торнинга, с благоговением ожидавшие волшебника с Рока, извинялись за неприглядность этого жилища.

«У нас нет строительного камня», — сказал один. «Мы все небогаты, хотя и не голодаем», — сказал другой, а третий добавил: «Тут, по крайней мере, будет сухо, я сам крыл дом соломой».

Геду дом показался дворцом. Он искренне поблагодарил управителей города — все восемнадцать сели в лодки и отправились на свои островки рассказать женам, что новый волшебник — странный малый, угрюмый, неразговорчивый, но когда говорит, то говорит по справедливости и ничуть не важничает.

Важничать, прямо скажем, причин у Геда не было. Волшебники, получившие образование на Роке, как правило, уходили в большие города или замки служить знати, осыпавшей их почестями. Рыбакам Нижнего Торнинга в обычных обстоятельствах хватило бы и ведьмы или простого колдуна для того, чтобы заколдовать сети, освящать пением новые лодки, лечить животных и людей от всех болезней. Но за последние годы расплодились Пендорские драконы, и прошел

слух, что в разрушенных башнях дворца прежних властителей Пендора появились на свет девять драконят и теперь они ползают под разбитыми аркадами, подметая брюхом мраморные ступени парадных покоев.

На мертвом острове не было еды, и поэтому можно было легко предположить, что через год-другой, как только молодые драконы подрастут и почувствуют голод, они будут повсюду летать в поисках пищи. Четверых уже видели над юго-западными берегами Хоска. Не спускаясь на землю, они летели и высматривали добычу в овчарнях, амбарах и мелких деревушках. Голод у дракона пробуждается не сразу, но, если уж он проснулся, его почти невозможно унять. Поэтому островитяне Нижнего Торнинга отправили посланцев на Рок, умоляя прислать им волшебника, который бы защитил народ от беды, нависшей над Западным Пределом. И Верховный Маг счел их страх вполне обоснованным.

— Благ это тебе никаких не сулит, — сказал он Геду в тот день, когда сделал его волшебником. — Работа не принесет тебе ни славы, ни богатства, а может даже оказаться, что и рисковать не придется. Подумай, согласен ты туда поехать?

— Согласен, — ответил Гед не только из послу-

шания.

С той ночи на Рокском Холме его сердце отвратилось от славы и пустой суеты настолько, насколько оно жаждало этого прежде. Теперь он вечно подвергал сомнению свои способности и боялся испытывать свою силу. Однако упоминание о драконах вызвало у него большое любопытство. На Гонте драконов не было много сотен лет, а к Року ни один из них не решился бы приблизиться из страха, что его могут выследить по запаху или заколдуют, и потому драконы там оставались героями мифов и легенд, существами, о которых поется в песнях, но которых никто не видел. Гед изучил все, что можно, про драконов еще в школе, но одно дело читать о них, а другое — увидеть собственными глазами. Теперь ему открывалась такая возможность, и он поспешил сказать, что согласен.

Верховный Маг Геншер кивнул головой, но взгляд его по-прежнему оставался серьезным.

— Скажи мне откровенно, — обратился он к Ге-ду, — ты не боишься покинуть Рок? Или тебе не терпится поскорее уехать отсюда?

— И то и другое, Владыка!

Геншер снова кивнул.

— Не знаю, правильно ли я поступаю, отпуская

тебя из безопасного места, — сказал он очень тихо. — Не вижу твоего пути. Все во тьме. Какая-то сила на севере, нечто, что может тебя уничтожить. Но что это и где точно — в твоем прошлом или грядущем, сказать не могу: все в тени. Когда сюда пришли люди из Нижнего Торнинга, я сразу же подумал о тебе. Мне это место показалось безопасным и достаточно удаленным — там у тебя будет время восстановить свои силы. Но не знаю, есть ли вообще место, безопасное для тебя? Что ждет тебя? Очень мне не хочется посылать тебя в неизвестность…

Поначалу новое место показалось Геду довольно привлекательным, особенно дом под сенью цветущих деревьев. Поселившись там, он постоянно поглядывал на запад и прислушивался чутким ухом волшебника, не слышно ли в небе шелеста чешуйчатых крыл. Но драконы не появлялись. Ед ловил рыбу прямо со своего пирса и ухаживал за крохотным садом. Дни он проводил в чтении, часами размышляя над какой-нибудь страницей, строчкой или словом в священных книгах, которые он привез с Рока. В летнюю пору он сидел в саду, а отак в это время спал подле него или охотился за мышами в зарослях травы и маргариток. Когда к нему обращались жители

Нижнего Торнинга, он лечил их травами и менял погоду по их желанию. Ему не приходило в голову, что волшебник должен стыдиться того, что растрачивает себя на такие повседневные мелочи, не приходило потому, что ребенком он занимался мелким колдовством среди еще более бедного люда. Но надо отдать должное жителям Торнинга, они редко тревожили его и относились к нему с большим почтением, отчасти потому, что он был волшебником с Острова Мудрых, а отчасти из-за его молчаливости и изувеченного шрамами лица. Несмотря на молодость, в Геде было нечто такое, что заставляло людей испытывать неловкость в его присутствии.

Но вскоре у него отыскался и друг — это был плотник, мастеривший лодки. Он жил на соседнем восточном островке. Звали его Печварри. Они впервые встретились на пирсе у дома Геда — Гед стоял и смотрел, как Печварри ставит мачту на маленьком суденышке. Печварри с улыбкой поглядел на волшебника.

— Почти совсем готова. Целый месяц трудился. А тебе, наверное, достаточно было бы одно слово сказать, и все само сделалось бы за минуту.

— Я бы, конечно, мог, — ответил Гед. — Но в следующую минуту лодка бы затонула, если бы

я не поддерживал ее волшебством. Правда, если ты хочешь…

Он вдруг умолк.

— Ты о чем, господин волшебник? — спросил Печварри.

— Существует такой маленький фокус в нашем деле. Мне его сделать ничего не стоит. Если ты хочешь, я могу навести колдовство, чтобы судно не разбилось. Или же произнести заклинание, чтобы помочь ему благополучно возвратиться домой с моря.

Он сказал это смущенно и торопливо, боясь обидеть умельца, но Печварри просиял от радости.

Эта лодка для моего сына. Вы сделаете доброе дело, если скажете волшебное заклинание.

Он поднялся на пирс, чтобы пожать руку Геду и поблагодарить его.

После этого случая они часто работали вместе. Гед наводил магию, помогая Печварри, когда тот тесал или ремонтировал свои суда, а плотник, в свою очередь, учил Геда, как строить лодки и управлять ими без помощи магии, так как на Роке умение плавать под парусом без колдовства было почти забыто. Нередко Гед, Печварри и его сынишка Йос отправлялись в путешествия по каналам и лагунам то под парусом, то на веслах,

то на одной лодке, то на другой, и в итоге из Геда вышел добрый моряк, а дружба между ним и Печварри окрепла.

Как-то поздней осенью заболел сынишка плотника. Мать послала за ведьмой с острова Теск, которая славилась своим знахарством. На день или два ей удалось приостановить течение болезни, но уже на третьи сутки, в середине штормовой ночи, Печварри барабанил в дверь Геда, умоляя его как можно скорее поехать к нему и спасти ребенка. Гед спустился к лодке, и они, гребя изо всех сил в кромешной тьме под проливным дождем, пробились к дому плотника. Когда Гед вошел в комнату, мальчик лежал на соломенном матрасе, возле него сидела мать, а ведьма с острова Теск курила дым из норлийского корня и пела наджанскую песню — лучшее из доступных ей средств лечения. Она прошептала на ухо Гед у:

— Господин волшебник, мне кажется, это красная лихорадка и ребенок умрет от нее сегодня ночью.

Когда Гед опустился на колени и дотронулся до лба ребенка, он подумал, что ведьма права, и испуганно отшатнулся от мальчика.

В последние месяцы долгой болезни Геда Магистр Травоцеления учил его лечить травами.

Первое и последнее правило этой науки гласит: лечи раны и исцеляй болезни, но дай спокойно отойти духу умирающего.

Мать заметила его движение. Она все поняла и в отчаянии зарыдала. Печварри опустился рядом с ней на колени и сказал:

— Не надо, жена: господин Ястреб спасет его. Он уже здесь. Он спасет его.

Услышав плач матери и видя, с какой надеждой смотрит на него Печварри, Гед с ужасом думал, что ему придется разочаровать их. Но он все же не доверял своему чутью и решил, что ребенка удастся спасти, если остановить лихорадку.

— Я сделаю все, что могу, Печварри, — пообещал он.

Он принялся обливать мальчика холодной светлой дождевой водой, которую приносили прямо с улицы, и произнес заклинание, останавливающее лихорадку, но магия не возымела действия. И он вдруг с ужасом понял, что ребенок умрет у него на руках.

Забыв обо всем на свете, Гед призвал на помощь всю свою волшебную силу и послал своего духа за духом ребенка, с тем чтобы вернуть его домой. Он назвал имя мальчика — Йос. Считая, что его внутренний слух уловил слабый ответ, он еще

раз назвал имя мальчика. Он увидел, что ребенок быстро бежит где-то далеко впереди вниз по темному склону огромной горы. Не было слышно ни звука. Звезды за горой были какие-то странные, невиданные им ранее. Однако он знал созвездия по именам: Сноп, Дверь, Дерево. Это были звезды, которые не зажигаются и не бледнеют с наступлением дня. Он слишком далеко зашел следом за умирающим ребенком.

Он знал, что он один на темном склоне, но ему трудно было воротиться назад, невыносимо трудно.

Но все же Гед медленно повернулся и так же медленно выставил одну ногу, чтобы начать подъем, за ней с усилием подтянул вторую. Так он делал шаг за шагом, но каждый раз ему приходилось себя заставлять, и каждый новый шаг был тяжелее прежнего. Звезды стояли неподвижно. На сухом крутом склоне не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. И во всем этом огромном царстве тьмы двигался только он, только он один медленно взбирался вверх. Так он дошел до вершины горы и увидел на ней низкую стену из камней, а из-за стены на него смотрела Тень.

Тень не имела никакого обличья, ни челове-

чьего, ни звериного. Она была бесформенная и почти неприметная. Она что-то нашептывала ему, и шепот этот, хотя и без слов, доходил до его сознания. Тень была на стороне живых, а он — на стороне мертвых. Выбор был один — либо спуститься вниз, в пустынные пространства и города мертвых, либо переступить через стену и снова вернуться к живым, где ждала его бестелесная злая нечисть.

Он высоко поднял свой волшебный посох. И это вернуло ему силу. Как только он изготовился перепрыгнуть через низкую стену и броситься на Тень, посох его неожиданно вспыхнул ослепительно белым пламенем, пронзившим надвигающуюся тьму. Он прыгнул, почувствовал, что падает, и больше уже ничего не видел.

Между тем Печварри, его жена и ведьма видели, как молодой волшебник вдруг прервал на полуслове заклинание и замер с ребенком на руках. Затем он, бережно положив на матрас маленького Йоса, поднялся и остался стоять неподвижно с посохом в руке. Он поднял посох, который вдруг загорелся белым пламенем, будто в руке был зажат громоотвод. Все предметы странным образом запрыгали и заплясали в тишине. Когда после вспышки к ним снова вернулось зрение, они уви-

дели упавшего вниз лицом молодого человека, а возле него на матрасе лежал мертвый ребенок.

Печварри показалось, что волшебник тоже мертв. Его жена заплакала, а он растерянно смотрел на нее, не зная, что подумать. Но ведьма понаслышке кое-что знала о магах, знала о том, что может происходить с настоящими волшебниками, и поэтому позаботилась о том, чтобы с Гедом обошлись как с больным или человеком, находящимся в трансе, а не как с покойником. Несмотря на то, что он был холодным и безжизненным, его перенесли домой и оставили старуху присматривать, жив он или же уснул вечным сном.

Крошечный отак прятался в потолочной балке, как всегда, когда в доме был кто-то чужой. Он скрывался наверху, пока по стенам дома колотил дождь, огонь постепенно угасал, и медленно надвигалась ночь, которая вогнала в сон сидящую возле очага старуху. Затем зверек сполз вниз и подобрался к постели, на которой неподвижно лежал Ged. Он начал вылизывать ему руки и запястья сухим коричневым язычком, вылизывал долго и терпеливо.

Примостившись у головы Геда, он стал лизать висок, шрам на щеке, а затем осторожно облизал

глаза. Мягкое прикосновение язычка пробудило Геда. Он проснулся, не понимая, где он находится и что с ним произошло. И откуда этот бледный серый свет? То был свет встающей зари. Отак, как обычно, свернулся у его плеча и заснул.

Позднее, когда Гед вспоминал эту ночь, он понимал, что никто не трогал его, когда он лежал в беспамятстве, и никто не звал его — он просто был в забытьи. Повинуясь какому-то мудрому инстинкту, отак стал вылизывать раны своего друга, чтобы хоть чем-то утешить его, но в мудрости зверька Гед усматривал нечто родственное его собственной магической силе, что-то не менее глубокое, чем волшебство. И с этого времени он уверовал, что мудрость человека и состоит в том, чтобы никогда не отдаляться от живых существ, независимо от того, умеют они говорить или нет. В последующие годы он старался набраться этой мудрости. Не нарушая тишины, он внимательно изучал взгляд зверя, полет птицы или медленное движение дерева. Гед впервые совершил переход в другой мир и вернулся невредимым, что в сознательном состоянии сделать мог только волшебник, хотя такое путешествие было рискованным даже для великого мага. Но он вернулся, чтобы испытать горе и страх. Горе, постигшее

его друга Печварри, и страх, поселившийся в его собственной душе. Теперь он понимал, почему Верховный Маг боялся отпустить его с Рока и что именно затемнило и закрыло тучами картину будущего, которую увидел Маг. Его ждал сам мрак, нечто, не имеющее имени, существо не из этого мира. Тень, которую он либо сам выпустил, либо сотворил в виде духа. Она ждала его все эти долгие годы у стены, отделяющей жизнь от смерти, и наконец нашла. И отныне она будет преследовать его, будет искать способ приблизиться к нему и отнять магическую силу, высосать из него жизнь и облачиться в его плоть.

Вскоре после этого ему приснился какой-то зверь, похожий на медведя, но без морды и головы. Он, казалось, тычется в стены дома в поисках двери. Такие сновидения не являлись ему с тех пор, как зажили раны, нанесенные ему нечистью. Он проснулся в холодном поту, шрамы у него на лице и на плече опухли и болели.

Потом настало тяжелое время. Стоило Геду увидеть Тень во сне или подумать о ней, как снова его охватывал леденящий ужас: здравый смысл и сила куда-то испарялись, и он становился растерянным и беспомощным. Он злился на себя за свою трусость, но от этого было не лег-

че. Он искал какую-нибудь защиту, но взять ее было негде. Нечисть, безымянная и бесплотная, не была живым существом, но не была и духом — она не имела ничего, кроме того, чем он сам ее наделил, а темные силы неподвластны законам солнечного мира. Он твердо знал только одно: она была ниспослана ему судьбой и теперь, будучи его неотъемлемым спутником, непременно попытается навязать ему свою волю. Но поскольку у нее пока еще не было собственного обличья, он не знал, как, когда и в каком из воплощений она явится.

Использовав все свое умение, он возвел колдовские барьеры вокруг дома и вокруг острова, где жил. Крепость этих заколдованных стен приходилось все время поддерживать магией, и вскоре ему стало ясно, что он истратит на защитные стены все свои силы и не сможет быть полезным островитянам. И если вдруг с Пендора прилетит дракон, то он окажется между двумя врагами.

И снова ему приснился сон, но на этот раз во сне Тень была внутри дома, у двери, — она тянулась к нему сквозь мрак и шептала слова, которые он не мог разобрать. Он проснулся в страхе, навел волшебный свет и обшарил все углы в своем маленьком доме, но Тени нигде не было. Потом

он подкинул немного дров на угли и просидел у очага остаток ночи, слушая, как перебирает осенний ветер солому на крыше и завывает в верхушках больших деревьев. Он сидел и думал. Былой гнев вспыхнул в его душе. Неужели он будет вот так сидеть сложа руки, загнанный в ловушку на этом островке, и бормотать какие-то охранительные заклинания. Но убежать из ловушки не так-то просто — это означает подорвать доверие жителей острова и оставить их без защиты на произвол дракона. Был только один путь.

Наутро Гед спустился на берег к месту швартовки рыбачьих судов и отыскал старосту городской общины.

— Я должен отсюда уехать, — сказал он. — Мне грозит опасность, и я навлеку опасность на вас. Я непременно должен уехать. Поэтому я прошу разрешить мне покинуть остров, чтобы покончить с драконами. Это мой долг. Только тогда я могу уехать со спокойной совестью. Если я не справлюсь с ними сейчас, это означает, что провал ждет меня и позднее, когда они сюда явятся. И чем скорее мы это поймем, тем лучше.

У старосты от изумления отвисла челюсть.

— Господин Ястреб, но там ведь девять драконов, — только и мог сказать он.

— Да, но восемь, судя по слухам, совсем еще молодые.

— Зато старый дракон…

— Я повторяю, мне необходимо уехать. Я прошу отпустить меня, чтобы я мог избавить народ от грозящей ему опасности, если мне повезет, конечно.

— Поступай как знаешь, господин волшебник, мрачно ответил староста.

Все, кто слышал этот разговор, подумали, что молодой волшебник сошел с ума или же безрассудно рвется к своей погибели, и поэтому провожали Геда с угрюмыми лицами, так как не надеялись снова его увидеть. Находились и такие, кто говорил, что он просто решил пройти мимо Хоска во Внутреннее Море, бросив их в беде, но большинство, и среди них Печварри, придерживались мнения, что он потерял разум и ищет смерти.

На протяжении четырех поколений все суда старались держаться как можно дальше от берегов острова Пендор. Ни один маг так и не отважился посетить этот остров и сразиться с драконом, поскольку Пендор лежит в стороне от морских путей, а его властители только и делали, что пиратствовали, захватывали рабов,

затевали войны, заслужив ненависть всех жителей юго-западной части Земноморья. Именно по этой причине никто не захотел отомстить за властителя Пендора, после того как на него и его свиту, когда они пировали в башне, с запада неожиданно напал дракон и, выпустив из пасти пламя, испепелил их, после чего загнал стенающих в отчаянии горожан в море и утопил. Так и не отомщенный Пендор, со всеми башнями и сокровищами, украденными у давно умерших правителей соседних Пална и Хоска, стал добычей дракона.

Все это Геду было хорошо известно. Более того, с тех пор как он поселился в Нижнем Торнинге, его не оставляла мысль о драконах, и он часто задумывался над тем, что успел о них узнать. Он поплыл на своем суденышке на запад — на этот раз он не греб и не управлял лодкой, как научил его Печварри, а с помощью волшебства напустил в паруса ветер и заколдовал нос и киль, чтобы не сбиться с курса, — и теперь видел, как на горизонте из моря встает мертвый остров. Судно двигалось недостаточно быстро, и Гед вызвал ветер, поскольку его гораздо меньше страшило то, что ждало его впереди, чем тот темный ужас, который следовал за ним. Но на исходе дня страх

и нетерпение сменились отчаянной веселой яростью. Наконец-то он шел навстречу опасности по своей воле и, по мере того как она приближалась, все увереннее себя чувствовал, так как в этот последний час перед смертью он был свободен. Он знал, что Тень не осмелится полезть за ним в пасть дракона. Белые барашки покрыли серое море, и серые тучи текли у него над головой, подгоняемые северным ветром. Он шел на запад под парусом, наполненным быстрым волшебным ветром, и вскоре впереди показались скалы Пендора, безмолвные улицы города и разграбленные накренившиеся башни.

При входе в гавань, мелкий серповидный залив, он ослабил ветер и остановил лодку, и теперь она покачивалась на волнах. Затем он бросил вызов дракону:

— Ты, узурпатор Пендора, выйди и защищай свои сокровища!

Рокот волн, разбивающихся о засыпанные пеплом берега, заглушил его голос. Но у драконов чуткий слух. Один из них, как гигантская черная летучая мышь с тонкими крыльями и костлявой спиной, тут же вылетел из каких-то развалин, покрутился на северном ветру и направился к Геду. При виде этого мифического существа

сердце Геда затрепетало от волнения. Он весело рассмеялся и закричал:

— Эй ты, ветряной червь! Скажи, пусть явится старик!

Это был один из молодых драконов, которых наплодила здесь драконесса из Западных Пределов. Оставив в залитом солнцем разоренном доме одной из башен кладку огромных кожистых яиц, какие, по рассказам, кладут драконессы, она улетела, поручив Старому Пендорскому Дракону следить за малышами, когда они вылупятся из яйца, как ядовитые ящерицы из скорлупы.

Молодой дракон ничего не ответил. Для дракона он был сравнительно небольших размеров, примерно с сорокавесельную галеру, тонкий, как червяк, несмотря на широкий разворот черных перепончатых крыльев. Он еще был далеко не взрослый, этот дракон, — голос у него ломался, и пока он не успел поднабраться драконьего коварства. Обнажив длинные зубастые челюсти, он стрелой налетел на маленькую лодку.

Гед с помощью сильной магии без труда остановил его на лету — в мгновение ока лапы и крылья дракона одеревенели, и он камнем шлепнулся в море, сомкнувшее над ним серые волны.

Вслед за первым еще два дракона вспорхнули с

подножия самой высокой башни. Подобно своему незадачливому предшественнику, они спикировали прямо на Геда, но, как и в первый раз, он заклинанием остановил их в середине полета — они попадали в море и утонули, и для этого ему даже не понадобился посох.

Ждать пришлось недолго — скоро с острова поднялись сразу три дракона. Самый крупный из них изрыгал из пасти колечки пламени. Те, что поменьше, атаковали Геда спереди, а большой, в надежде спалить его своим огненным дыханием вместе с лодкой, сделав ловкий вираж, зашел сзади. Никакое колдовство не могло остановить эту троицу одновременно, тем более что два дракона прилетели с северной стороны, а третий с южной. Гед попробовал прибегнуть к Магии Превращения и в перерыве между двумя залпами огня поднялся из лодки в обличье дракона.

Широко расправив крылья и выпустив когти, он ринулся на двух драконят и испепелил их огнем, а затем повернулся к третьему, тоже огнедышащему, который был много крупнее его. На ветру, над серыми волнами, они петляли, изрыгая дым и пламя и пытаясь схватить друг друга.

Гед неожиданно резко взмыл вверх, и его противник ринулся за ним. Тогда Гед поднял крылья,

остановился и стремительно, как ястреб, упал вниз. Нацелив когти, он бил и рвал шею и бока дракона. Черные крылья трепетали, и черная драконья кровь большими каплями стекала в море. Дракон наконец вырвался и, дергаясь, как в конвульсиях, полетел низко над водой к острову; там он заполз в развалины и спрятался в какой-то пещере или колодце.

Гед тут же снова принял свое обличье и вернулся в лодку, так как нет ничего опаснее, чем находиться в облике дракона дольше, чем того требуют обстоятельства. Руки у него были черные от горячей крови чудовища, на голове горели ожоги, но это теперь не имело значения. Он подождал, пока успокоится дыхание, а затем крикнул:

— Молва говорит, вас девять. Шестерых я видел, пятеро убиты. Эй вы, жалкие черви, выходите!

Долго на острове не было слышно ни звука, и никто не появился. Затем Гед заметил, как стали меняться очертания самой высокой башни и из нее высунулся рукав. Он боялся драконьей магии, так как известно, что старые драконы очень коварны и искусны в колдовстве, похожем и непохожем на колдовство людей. Но, пригля-

девшись, он понял, что это вовсе не драконий трюк, а просто обман зрения. То, что он принял за верхнюю часть башни, было плечом Пендорского Дракона, который, пытаясь подняться, медленно расправлял свои застывшие члены. Когда он наконец встал на ноги, его чешуйчатая голова с тремя языками, увенчанная острым шипом, вознеслась над самой высокой из башен, а когтистые передние лапы покоились на булыжной мостовой лежащего перед ним города. Весь он был покрыт темно-серой чешуей, поблескивающей тускло, как камень в изломе. Он был тощий, как пес, и огромный, как гора. Гед смотрел на него с ужасом и изумлением: никакие песни, никакие сказки не могли подготовить человека к такому зрелищу. Еще минута, и он бы взглянул дракону в глаза и на этом бы попался, так как ни под каким видом нельзя смотреть в драконьи очи. Он отвел взор от масляно-зеленых глаз, настороженно следивших за ним, и вытянул перед собой посох, который казался не более чем щепкой или веточкой.

— У меня было восемь сыновей, юный волшебник, — сказал дракон по-драконьи. — Пять из них погибли, один при смерти. Может быть, хватит? Ты не получишь моих сокровищ, если

даже убьешь всех.

— Мне не нужны твои сокровища.

Желтый дым с шипением вырвался из ноздрей дракона — это означало, что он смеется.

— Не хочешь ли сойти на берег взглянуть на них, юный волшебник? Не пожалеешь.

— Нет, не хочу.

Стихия драконов — ветер и огонь, и поэтому они неохотно сражаются над морем. До сих пор Гед находился в выгодном положении, и он воспользовался своим преимуществом, но узкая полоска морской воды между ним и огромными серыми когтями сводила это преимущество на нет.

Он с трудом удерживался от соблазна заглянуть в зеленые настороженные глаза.

— Ты очень молодой волшебник, — сказал дракон. — Никогда не слыхал, чтобы люди так рано обретали магическую силу.

Он, как и Гед, говорил на Древнем Языке, так как Тай-норечье по-прежнему было языком драконов; человека Старый Язык вынуждал говорить правду, но у драконов все обстояло иначе: это был их единственный язык, и они могли на нем спокойно врать, переиначивая смысл сказанного в конце разговора, заводя таким образом

неосмотрительного слушателя в лабиринт, где зеркально отражались все правдивые слова, которые в итоге никуда не вели. Гед не раз слышал предостережения, и поэтому уши его не доверяли речам дракона и он готов был оспорить их, но слова между тем были ясные и простые.

— Ты пришел просить у меня помощи, юный волшебник?

— Нет, дракон.

— А я мог бы между тем помочь тебе. Тебе скоро нужна будет помощь, чтобы защититься от того, кто охотится за тобой в темноте.

Гед онемел от удивления.

— Кто же за тобой охотится? Назови мне его имя…

— Если бы я знал его… — Гед оборвал себя на полуслове.

Желтый дым колечками вился над длинной драконьей головой, выходя из ноздрей, похожих на круглые огненные ямы.

— Если бы ты мог назвать его по имени, ты мог бы справиться с ним, юный волшебник. Может, я и сказал бы тебе его имя, если бы рассмотрел поближе. Он наверняка появится, если ты подождешь его где-нибудь возле моего острова. Он придет к тебе, где бы ты ни был. А если ты не

хочешь, чтобы он приблизился к тебе, ты должен бежать, и только бежать, чтобы уйти от него. Но он все равно будет преследовать тебя. Хотел бы ты узнать его имя?

Гед снова промолчал. Он был полон недоумения. Откуда мог дракон вызнать про выпущенную им Тень? И как он найдет ее имя? Верховный Маг сказал, что у Тени нет имени. Но у драконов своя мудрость: их племя гораздо древнее, чем племя людей. Немногие люди могут угадать, что знает дракон и откуда он это узнал. Эти люди — Повелители Драконов. В одном Гед был уверен: устами дракона часто говорит истина, и дракон, может быть, даже откроет Геду природу и имя этой нечисти — Тени и, таким образом, поможет одолеть ее. Но если даже все это так и дракон говорит правду, все равно он будет стараться для его же погибели.

— Не в правилах драконов оказывать людям любезность, — произнес наконец Гед.

— Но ведь для кошки вполне нормально поиграть с мышкой перед тем, как убить ее.

— Я здесь не для того, чтобы в игры играть. И запомни, со мной играть не надо. Я сюда пришел заключить с тобой сделку.

Острый как меч кончик драконьего хвоста

поднялся над бронированной спиной и по-скорпионьи изогнулся назад (у дракона один только кончик хвоста раз в пять больше любого меча).

Из драконьей глотки вырвался скребущий звук, будто с гор сорвалась снежная лавина, увлекая за собой груду камней. Огонь плясал над трезубым языком. Дракон поднимался все выше и теперь маячил над руинами.

— Ты обещаешь пощадить меня? Угрожаешь? Интересно чем?

— Твоим именем, Йевод.

Гед с опаской произнес имя, но прозвучало оно звонко и громко. При звуке его старый дракон стих и замер без движения. Прошла минута, за ней другая — Гед улыбнулся. Он сделал ставку на свою догадку и одновременно на свою жизнь, назвав наобум это имя, взятое из старинных легенд о драконах, которые он изучал на Роке. Он догадался, что этот Пендорский Дракон был тот самый, что опустошил Западный Осскил во времена Эльфарран и Морреда, а затем был изгнан оттуда волшебником Элтом, великим знатоком имен. И догадка его подтвердилась.

— Мы квиты, Йевод. У тебя есть сила, а у меня имя. Ну как, договорились?

Дракон по-прежнему молчал.

Много лет этот дракон прохлаждался на острове, где золотые нагрудники кирасир и изумруды валялись среди кирпичей, праха, человечьих костей. Он смотрел, как его черное ящероподобное потомство играет среди осыпающихся домов и пробует крылья на скалах. Он подолгу спал на солнце, и его не могли потревожить ни голоса людей, ни проплывающие мимо корабли. Он состарился и теперь с трудом заставил себя пошевелиться и поглядеть на этого юного мага, этого хлипкого врага с посохом, при виде которого Йевод, старый дракон, дернулся как от боли.

— Ты можешь выбрать девять камней из моих сокровищ. Самых лучших, — наконец прошипел он, но в голосе его появились жалобные нотки. — Выбери по своему вкусу, а потом уходи!

— Мне не нужны твои камни, Йевод.

— Куда подевалась людская жадность? Как любили в старину люди на севере драгоценные камни… Я знаю, что тебе надо, волшебник. Я могу гарантировать твою безопасность, могу спасти тебя. Ведь за тобой по пятам ходит страх. Я назову тебе его имя.

Сердце Геда учащенно билось, он сдавил рукой посох и застыл неподвижно, как и дракон. У него вдруг вспыхнула надежда, и какое-то мгновение

он боролся с собой.

Но ведь не для себя он собирался заключить сделку. Только уверенность могла дать ему власть над драконом. Он отбросил надежду и сделал то, что повелел ему долг.

— Я не об этом прошу тебя, Йевод. — Когда он произносил имя дракона, ему казалось, что он держит это гигантское существо на тонком крепком поводке и затягивает поводок у него на горле. В глазах дракона, устремленных на Геда, отражалась вся мудрость и одновременно вся злоба, накопленная человечеством за много веков. Он смотрел на стальные когти длиной с человеческую руку, на крепкую, как камень, шкуру, на испепеляющий огонь, который клокотал в драконьей глотке, чувствуя, как все туже и туже затягивается поводок.

— Йевод, поклянись своим именем, что ни ты, ни твои сыновья никогда не появятся на Архипелаге.

Яркое пламя с шумом сорвалось с челюстей дракона.

— Клянусь моим именем! — сказал он.

Над островом вдруг стало очень тихо, и Йевод низко склонил огромную голову.

Когда он снова поднял ее, волшебника уже не

было, и только светлое пятнышко — белый парус его лодки — скакало по волнам куда-то на восток, навстречу полным несметных сокровищ островам внутренних морей. И тогда в ярости Старый Пендорский Дракон поднялся, извиваясь всем телом и хлопая крыльями, закрывавшими все небо над руинами города, навалился на башню и раздавил ее до основания. Но клятва есть клятва, и, скованный ею, он никогда больше не летал в сторону Архипелага.

6. Жертва

Как только Пендор погрузился за кромку горизонта, Гед взглянул на восток и почувствовал, что им снова овладевает страх — вместо опасной и дерзкой охоты на дракона его ждала борьба с каким-то бесформенным, немыслимым чудищем. Он остановил магический ветер и поплыл, подгоняемый легким бризом. Желание торопиться отпало. У него не было четкого плана. Он должен бежать, как сказал дракон. Но куда? На Рок, решил он, там, по крайней мере, он будет под защитой мудрейших и может получить у них совет.

Но сначала ему предстояло отправиться в Нижний Торнинг и сообщить старейшинам про свою сделку с драконом. Когда же разнесся слух о том, что Гед воротился по прошествии пяти дней, старейшины и добрая половина всей общины тут же собрались вокруг него и ждали, что он им скажет. Он рассказал им, что с ним произошло.

— А кто-нибудь видел эти чудеса? — спросил один из присутствующих. — Кто-нибудь видел, как ты убивал драконов и расстроил их планы? А что, если?..

— Замолчи! — грубо прервал его староста, который, как и большинство жителей острова, знал, что волшебник может иногда сокрыть истину за витиеватой речью или не высказать ее вслух, но если уж он что-то утверждал, это означало, что все так и есть. Люди стояли и дивились, чувствуя, как уходит страх и тяжесть спадает с их плеч. Сгрудившись вокруг своего молодого волшебника, они просили рассказать им всю историю сначала. Подошли другие островитяне, и пришлось и для них повторить рассказ. К ночи Геду уже не надо было ничего рассказывать — народ рассказывал все сам, притом даже лучше, чем он. Деревенские сказители уже успели подобрать к его рассказу старинную музыку и теперь пели «Песнь Ястреба». Костры горели не только на островах Нижнего Торнинга, но и по всей округе, в городках, лежащих к югу и востоку от него. Рыбаки в лодках громко перекликались, сообщая друг другу радостную весть, которая полетела от лодки к лодке, от острова к острову: зло отвращено, и драконы никогда больше не прилетят с Пендора.

И эту ночь, только одну эту ночь, Гед провел спокойно: никакая тень не могла пробраться сквозь свет Костров Благодарения, которые горели на всех холмах и прибрежных песках, не

могла прорваться сквозь хороводы смеющихся танцоров, окруживших волшебника и поющих хвалу в его честь, — они раскачивали факелы, от которых крупные яркие искры разлетались по ветру и тут же на лету гасли.

На другой день Гед встретился с Печварри, который сказал:

— А я и не знал, господин волшебник, что ты такой могущественный.

В голосе у него был страх, так как он посмел претендовать на дружбу с великим волшебником, но помимо страха был и упрек: Гед не спас его ребенка, хотя и убил драконов. После этой встречи Геду снова стало не по себе, а нетерпение, заставившее его поехать на Пендор, теперь гнало его прочь из Нижнего Торнинга. Несмотря на то что жители с радостью оставили бы его на острове для того, чтобы петь ему хвалу и хвастаться им, он покинул дом на поляне и ушел, ничего не взяв с собой, кроме книг, посоха и отака, который путешествовал, как всегда, у него на плече.

Он отплыл в весельной лодке с двумя молодыми рыбаками из Нижнего Торнинга, которые добились чести быть его гребцами. И каждый раз, когда они, ловко лавируя под окнами и нависающими над водой балконами домов, об-

ходили суденышки, которыми буквально забиты все восточные каналы, и шли мимо причалов, мокрых от дождя пастбищ Дромгана, зловонных хранилищ масел, они начинали громко петь о его подвигах и насвистывать «Песнь Ястреба». Они уговорили Геда провести с ними ночь и рассказать им историю о драконах. И когда он наконец добрался до Серда и попросил капитана провезти его до Рока, ^от, поклонившись, сказал:

— Это большая честь для меня и для моего судна, господин Волшебник.

Так Гед распрощался с Девяноста Островами, но даже когда корабль вышел из Внутреннего Порта на Серде, повернул и поднял паруса, восточный ветер почти не давал ему двигаться. Все это было странно, так как зимнее небо выглядело чистым и казалось, что уже с утра установилась мягкая погода. Расстояние от Серда до Рока составляло всего тридцать миль, и они продолжали идти, невзирая на ветер. И даже когда ветер усилился, судно все равно продолжало двигаться вперед. Маленькое судно, как почти все торговые суда Внутреннего Моря, имело высокий косой парус, который можно было повернуть так, чтобы он подхватывал встречный ветер, а капитан был исправный моряк, гордый своим умением вести

корабль. Маневрируя и поворачивая то на юг, то на север, они все же продвигались в восточном направлении. Ветер принес тучи, а затем дождь; он все время менял направление и обрушивался шквалом, и теперь они опасались, что судно перевернется.

— Господин Ястреб, — обратился капитан к молодому волшебнику, который во время всего плавания находился на самом почетном месте, возле него на корме, хотя, по правде говоря, трудно сохранить достоинство, когда рвет ветер и хлещет дождь и ты, в облепившем тебя, набухшем от воды плаще, являешь собой жалкое зрелище.

— Господин Ястреб, не можешь ли ты заговорить этот ветер?

— Сколько нам до Рока?

— Немногим больше чем полпути. За последний час мы почти не продвинулись.

Гед произнес какое-то заклинание, и ветер немного стих. Некоторое время корабль двигался довольно быстро. Но с юга вдруг со свистом налетели один за другим сильные порывы ветра, и судно снова отбросило на запад. Облака на небе съежились и стали дробиться. А капитан в бешенстве заорал:

— Чертов ураган дует сразу со всех сторон!

Только волшебный ветер может провести нас через этот шторм, господин Ястреб.

Судно и его команда подвергались опасности из-за Геда, и он вдохнул магический ветер в паруса. В ту же минуту судно взяло курс на восток, и капитан сразу повеселел. Но постепенно порывы магического ветра замедлились, хотя Гед все еще пытался удерживать его силой. С угрюмым видом Гед слушал капитана. Вдруг корабль с опавшими парусами на мгновение как бы неподвижно застыл на волнах среди неистовства дождя и бешеного ветра. Затем со страшным грохотом судно накренилось и, как перепуганный кот, сделало прыжок в сторону севера.

Гед схватился за пиллерс, так как судно уже почти лежало на боку.

— Поворачивай к Серду, капитан! — крикнул он.

Капитан выругался и заорал, что он никуда не пойдет.

— Идти назад? И это когда на борту волшебник и капитан, лучший на всем торговом флоте? И судно самое надежное из всех судов в Земноморье?!

Корабль снова закрутило, будто втянуло в водоворот. Чтобы не вылететь за борт, капитан

схватился за ахтерштевень.

Гед сказал ему:

— Высади меня на Серде и плыви, куда тебе надо. Этот ветер против меня, а не против твоего судна.

— Против тебя? Рокского Волшебника?!

— Хозяин, а ты слышал когда-нибудь о Рокском ветре?

— Да, он отгоняет злые силы от Острова Мудрых. Но какое это все имеет к тебе отношение, Укротитель Драконов?

— Это останется между мной и моей тенью, — ответил Гед загадочно, как и подобает волшебнику. Он больше ничего не добавил, пока они шли назад к Серду под спокойным ветром и прояснившимися небесами.

Когда Гед ступил на берег Серда, на душе его скребли кошки, а сердце теснил страх.

В преддверии зимы дни становились все короче, сумерки теперь наступали рано, а с сумерками росло у Геда какое-то неуютное чувство, ему казалось, что за каждым поворотом улицы таится угроза, и он вынужден был взывать к своему мужеству, чтобы не оглядываться и не видеть того, что было за его спиной. Он пошел в Дом Моря, где путешественники и купцы вкушали обильную

пищу, которую бесплатно предоставляли им городские власти, и могли переночевать в большой длинной зале — таким было гостеприимство островов Внутреннего Моря.

Он припрятал немного мяса от обеда и, сев возле очага, выгреб отака из складок капюшона, где он, забившись, провел весь день, и попытался накормить его. Гед гладил его и шептал:

— Хег, маленький мой, молчальник ты мой…

Но отак отказался от пищи и заполз к нему в карман, чтобы спрятаться. Поведение зверька, состояние неопределенности, не покидавшее Геда, тьма, сгустившаяся в углах большой комнаты, — все указывало на то, что Тень где-то близко.

Никто в доме не знал волшебника: здесь были путешественники с других островов, которые никогда не слышали «Песни Ястреба». Никто к нему не обращался. Он наконец выбрал себе матрас и лег. Всю ночь он пролежал, так и не сомкнув глаз, среди спящих незнакомых людей. Всю ночь он пытался наметить себе путь, но он предчувствовал, что все его решения и планы были обречены на провал — куда бы он ни пошел, на его пути непременно встанет Тень. Только на Роке он был бы свободен от нее, но он не мог попасть на Рок — его не пускали туда силы высшей магии, которая

охраняла этот древний остров. И то, что Рокский ветер поднялся против него, свидетельствовало о том, что нечто, охотящееся за ним, было где-то совсем близко.

Это нечто было бестелесно и даже при солнечном свете оставалось слепым, тварь из царства вне света, места и времени. Оно будет ощупью пробираться за ним сквозь дни, через моря залитого солнцем мира, и только в снах, во мраке оно обретет видимую форму. У этого нечто не было ни субстанции, ни телесного облика, который могло бы осветить солнце. Как поется в «Деянии Геда»: «Рассвет сотворяет море и землю, обретает форму и тащит сон в темное царство». Но если Тень овладеет Гедом, она вытянет из него волшебную силу и лишит его тело веса, тепла и жизни и отнимет у него волю. И это был его жребий, его роковая судьба, подстерегающая его на всех путях. И он знал, что его могут хитростью столкнуть с его судьбой, так как у Тени, которая всякий раз, приближаясь, набиралась от него энергии, и сейчас хватило бы сил использовать в своих целях злую волю или злых людей для того, чтобы делать фальшивые предсказания или разговаривать незнакомым голосом. Он знал только, что сегодня ночью темная нечисть укрылась в

одном из людей, стоящих в углу зала Дома Моря, найдя пристанище в какой-то темной душе, и теперь выжидала и следила за Гедом, злорадно наслаждаясь его слабостью, неуверенностью и страхом.

Терпение его кончилось. Он должен довериться случаю и бежать, как только этот случай представится. Он пробудился с первым проблеском зари и под меркнувшими звездами стал торопливо спускаться к причалам, решив сесть на первый же корабль, который согласится взять его на борт. На рассвете галера должна была идти в Большой Хавнор. Гед спросил у капитана, не возьмет ли он его. Посох волшебника всегда служит пропуском и одновременно платой на большинстве судов. Его охотно взяли на борт, и примерно через час судно отчалило. Настроение у Геда поднялось с первым взмахом сорока длинных весел, а барабанная дробь для поддержания ритмичности ударов показалась ему бодрящей музыкой.

Но при этом он не знал, что будет делать в Хавноре и куда ему бежать дальше. Север был не хуже других частей света. Он сам был с Севера и надеялся, что найдется судно, которое довезет его из Хавнора до Гонта, и он снова увидит Огиона. Или же какой-нибудь корабль, может быть,

пойдет куда-нибудь на край Архипелага — Тень потеряет его и перестанет преследовать.

Дальше этих туманных мечтаний мысль его не шла — впереди он не видел пути. Знал только, что должен бежать.

С помощью сорока весел судно успело пройти по штормовому морю сто пятьдесят миль до заката следующего дня. Они вошли в порт у Оррими на восточном берегу большой земли Хоск, так как торговые галеры Внутреннего Моря стараются держаться ближе к побережью и на ночь, если удастся, заходят в гавань. Гед сошел на берег, так как до ночи было далеко, и в бесцельной задумчивости бродил по улицам порта.

Оррими — старинный город, почти весь из камня и кирпича, окруженный стенами, которые защищают его от беззаконий владельцев земель внутри острова. Склады в доках напоминают крепости, а купеческие дома построены в виде башен, притом хорошо укрепленных. Геду, однако, все эти тяжеловесные особняки казались просто завесой, за которой ничего нет, кроме тьмы, а прохожие — призрачными безголосыми тенями реальных людей. Когда солнце стало садиться, он вернулся на набережную, но даже при ярком закатном свете продуваемые свежим предвечер-

ним ветром море и суша все равно сливались в единую массу, тусклую и безмолвную.

— Куда ты держишь путь, господин Волшебник? — раздался за его спиной голос.

Обернувшись, он увидел человека в сером плаще, с тяжелым деревянным посохом в руках, но это не был посох волшебника. Лицо незнакомца скрывал капюшон, но Гед почувствовал направленный на него взгляд. Слегка отпрянув, он поднял свой тисовый посох так, чтобы отделить себя от незнакомца.

— Чего ты боишься? — спросил тихим голосом незнакомец.

— Того, что следует за мной.

— Странно, но я ведь не твоя тень.

Гед не нашелся что ответить. Он знал, что человек этот, кем бы он ни был, не должен вызывать у него страх — он ведь не тень, не призрак, не гебет. И в этом безмолвии и смутном тумане, окутавшем мир, он сохранял голос и плоть. Незнакомец откинул капюшон. У него оказалась странной формы голова, лысая, со следами шрамов, и лицо в морщинках. Он выглядел стариком, хотя по голосу этого сказать было нельзя.

— Я не знаю, кто вы, — сказал он. — Но, может быть, наша встреча не случайна. Я однажды

слышал историю об одном молодом человеке, израненном жизнью, который, пройдя сквозь тьму, добился власти и даже царского сана. Я не знаю, про вас ли эта легенда. Но скажу я вам так: отправляйтесь в Замок Терре-нон, если вам нужен меч, чтобы сразиться с Тенью. Тисовый посох не совсем подходящее оружие в данном случае.

Надежда и недоверие боролись в душе Геда, когда он слушал незнакомца. Человек, решивший посвятить себя занятиям магией, непременно узнает, что редко встречи бывают случайными, независимо от того, добрые они или дурные.

— А где находится этот Замок Терренон?

— В Осскиле.

Когда Гед услышал это название, в его памяти на мгновение возник черный ворон на зеленой траве, который искоса поглядел на него черным, как гладкий камешек, глазом и что-то ему сказал, но что именно, он забыл.

— Есть что-то темное в самом названии этой страны, _ промолвил Гед, глядя на стоящего перед ним незнакомца в сером плаще и пытаясь разгадать, что это за человек. Было в нем что-то от колдуна и даже от волшебника, но все же, несмотря на его как будто бодрую речь, в его взгляде чувствовалась какая-то — забитость _

это был взгляд нездорового человека, пленника или раба.

— Ты из Рока, — сказал он. — Рокские волшебники дают неясные названия волшебству, несхожему с их собственным.

— А чем ты занимаешься? — спросил Гед.

— Я путешественник, торговый агент из Осскила. Я здесь по делам, — сказал незнакомец. И когда Гед ничего на это не ответил, тот пожелал ему доброй ночи и пошел по тянущейся высоко над морем набережной.

Гед колебался, так как не мог решить, была ли эта встреча отмечена особым знаком и стоит ли обращать на нее внимание. Затем он обернулся и посмотрел на север. Красный свет быстро угасал за горами и ветреным морем. Ему на смену пришли серые сумерки, а за ними по пятам шагала ночь.

Гед, приняв неожиданно решение, в спешке бросился к рыбаку, который в плоскодонке укладывал сети. Поздоровавшись, Гед спросил:

— Ты случайно не знаешь, не идет ли какое-нибудь судно из порта на север — в Семел или на Энлады?

— Вон там стоит торговый парусник. Похоже, у него стоянка на Энладах.

Не теряя времени, Гед поспешил к большому судну, на которое ему указал рыбак, шестидесятивесельному паруснику, вытянутому в длину, как змея. Высокий, изогнутый резной нос был инкрустирован раковинами, как лепестками лотоса, а вокруг отверстий для уключин были нарисованы красные круги с черными рунами. Быстроходное судно, хотя и несколько зловещее на вид, было в полной готовности. Гед нашел капитана и попросил взять его до Осскила.

— А у тебя есть чем заплатить?

— Я умею управляться с ветром.

— Я сам могу управлять погодой. У тебя ничего нет? Денег нет?

В Нижнем Торнинге островитяне щедро расплатились с Гедом монетками из слоновой кости, имевшими хождение среди торговцев Архипелага. Гед, однако, взял самую малость — всего десять монет, хотя ему хотели дать больше. Он предложил их теперь осскильцу, но тот отрицательно покачал головой.

— Такие деньги нам ни к чему. Если тебе нечем платить, места на судне тебе нет.

— Вам нужны руки? Я греб на галере.

— Это уже разговор. Нам не хватает двух человек. Найди там себе весла, — сказал капитан и

тут же потерял всякий интерес к Геду.

Засунув под скамью посох и мешок с книгами, Гед на целых десять зимних тяжелых дней стал гребцом на этом северном судне. Они покинули Оррими на рассвете, и в первый день Гед думал, что не справится с работой. Левая рука у него не совсем восстановилась после старых ран на плече, а его опыт гребли на каналах вокруг Нижнего Торнинга был недостаточен, чтобы снова и снова, под барабанную дробь, вытягивать из воды безжалостное длинное весло. Они гребли два-три часа подряд, а потом уступали скамьи второй смене. Недолгого отдыха не хватало для того, чтобы расслабились мышцы, — он пролетал в одно мгновение, приходилось снова браться за весла. Второй день оказался тяжелее первого, а потом Гед привык и неплохо справлялся с работой.

Эта команда не отличалась тем духом товарищества, который он встретил на борту «Тени», когда впервые ехал на Рок. Команды ондрадских и гонтских судов — обычно торговые партнеры, работающие вместе и получающие общую прибыль, тогда как торговцы из Осскила пользуются трудом рабов и крепостных или же нанимают гребцов и расплачиваются с ними мелкой золотой монетой.

Золото очень высоко ценится в Осскиле, но оно не способствует добрым товарищеским отношениям ни среди осскильцев, ни среди драконов, которые весьма неравнодушны к этому металлу.

Так как половину гребцов составляли крепостные, вынужденные заниматься подневольным трудом, моряки исполняли роль надсмотрщиков, притом жестоких. Они бы не осмелились опустить бич на спину наемного гребца, работавшего ради денег или за проезд, но вряд ли команда, где одних хлещут бичом, а других нет, будет дружной. Напарники Геда почти не разговаривали друг с другом, а с ним и подавно. Большинство из них были уроженцами Осскила — они не знали хардского языка, который в ходу на Архипелаге, а говорили на своем наречии. Это были угрюмые люди, с бледной кожей, черными обвислыми усами, прямыми волосами. Между собой они называли Геда Келуб, что значит «краснолицый». Они знали, что он волшебник, но особого почтения это у них не вызывало, скорее какую-то скрытую недоброжелательность. Да и у него не то было настроение, чтобы домогаться их дружбы. Даже на скамье, подчиняясь монотонному ритму весел, один среди шестидесяти на судне, бороздящем густые серые волны, он чувствовал

себя незащищенным и брошенным на произвол судьбы.

Когда судно заходило по ночам в незнакомый порт и он, завернувшись в плащ, ненадолго засыпал, несмотря на усталость, он видел сны, потом снова просыпался и снова видел сны, обычно дурные, которые, проснувшись, не мог вспомнить, хотя ему казалось, что сны таятся где-то здесь, на судне, среди людей, и поэтому он никому из них не доверял.

Все свободные осскильцы носили сбоку на бедре нож, и однажды, когда его перерыв совпал с их полуденной трапезой, один из них спросил его:

— Ты что, раб или клятвопреступник?

— Ни тот и ни другой.

— Тогда где твой нож? Драться боишься?

Парень, задавший вопрос, рассмеялся, довольный собой, звали его Скйорх.

— А за тебя что, собачка дерется?

— Отак, — сказал кто-то из стоящих рядом. — Это не собака. Это отак. — И добавил что-то по-осскиль-ски, отчего Скйорх помрачнел и отвернулся. Когда он посмотрел на Геда — Гед не узнал его: черты лица исказились и смазались, будто какая-то сила, внезапно овладев им, изменила его облик и сейчас взирала на Геда из глаз

гребца. Когда Гед снова взглянул в его лицо, все стало на свои прежние места, и он решил, что в глазах Скйорха, как в зеркале, отразился его собственный страх.

Ночью в Эсенском Порту, где судно легло на якорь, Скйорх явился ему во сне. Отныне Гед старался, когда мог, избегать его, и Скйорх, как ему показалось, тоже держался от него подальше, они больше не обмолвились ни словом.

Увенчанные снежными шапками горы Хавнора остались позади на юге, размытые туманами ранней зимы. Они прошли мимо моря Эа, где в незапамятные времена утопили Эльфарран, а потом мимо Энлад. Двое суток они стояли в порту в Берилах, городе слоновой кости с белокаменными башнями, на западе легендарной Эн-лады. Во всех портах, куда они заходили, команда всегда оставалась на борту судна и ни разу никто не сходил на берег. Как только красное солнце встало, они на веслах вошли в Осскильское море навстречу ветрам из Северных Пределов, которые беспрепятственно гуляют по пустынным морским просторам, где нет никаких островов. Им удалось благополучно провезти свой груз через бурное море, когда на следующий день, покинув Бери-лы, они направились в Нешем — торговый

порт в Западном Осскиле.

Гед смотрел, как сечет ветер с дождем низкий берег, на котором за длинным каменным волнорезом, служившим гаванью, притаился серый город, а за ним безлесые холмы под темным снежным небом. Сколько миль отделяло их теперь от солнечного Внутреннего Моря?

Грузчики Морской Нешемской Гильдии поднялись на борт за грузом — золотом, серебром, драгоценностями, тончайшими шелками и гобеленами с южных островов, сокровищами, от которых ломились сундуки ос-скильской знати. Свободных гребцов и матросов уволили на берег. Гед остановил одного из них, спросил, как ему найти Замок Терренона; недоверие, которое он испытывал ко всей команде, заставляло его держать язык за зубами, и он никому не сказал, куда направляется. Теперь, однако, очутившись в чужой стране, он вынужден был спросить дорогу. Парень, к которому он обратился, даже не остановившись, буркнул, что не знает, но зато Скйорх, услышав вопрос Геда, переспросил его:

— Замок Терренона? Это Кексемтская Пустошь. Нам по дороге.

Гед никогда не выбрал бы Скйорха себе в спутники, но он не знал ни языка, ни пути — и выхода

у него не было. Да и вообще это не имело никакого значения — он не по своей воле выбрал это место, обстоятельства вынудили его бежать, и бег этот продолжался. Он набросил на голову капюшон, взял посох и сумку и пошел вслед за осскильцем по улицам города и затем вверх к снежным холмам. Маленький отак не захотел на сей раз сидеть у него на плече и забился под плащ в карман куртки из овчины, как он всегда делал в холодную погоду. Повсюду, насколько мог видеть глаз, холмы переходили в вересковую пустошь. И в этом зимнем безмолвии они шли, не проронив ни слова.

— Далеко нам идти? — нарушил молчание Гед, которого беспокоило, что они не взяли с собой никакой еды. Они прошли несколько миль, но нигде в округе не было ни деревни, ни фермы. Скйорх обернулся к нему, натянул на голову капюшон и сказал только:

— Недалеко.

Какое уродливое было у него лицо — иссиня-блед-ное, грубое, жестокое, но Гед обычно не ждал ничего дурного от людей, хотя, глядя на такое лицо, невольно могла прийти мысль о том, что неизвестно, куда этот человек может тебя завести. Он кивнул, и они двинулись дальше.

Дорога их, как пером, прочерчивала путь сквозь тонкий снежный покров и голые кусты. Временами от нее отходили тропки или же пересекали ее. Сейчас, в наступающих сумерках, когда дым из труб Нешема спрятался за холмами, стало совсем непонятно, по какой дороге, куда и откуда они идут. Ветер, правда, все время дул с востока. После того как они прошли несколько часов, Геду показалось, что далеко над полянами, на северо-востоке, примерно там, куда они держали путь, появилась крошечная царапина в небе, белая, похожая на зуб. Но короткий день угасал, и на следующем повороте дороги очертания башни, или дерева, или чего-то похожего на башню казались по-прежнему неясными.

— Нам туда? — спросил Гед, указывая вперед.

Скйорх ничего не ответил и продолжал идти, кутаясь в грубый осскильский плащ с островерхим капюшоном, отороченным мехом. Они прошли большое расстояние. Гед шагал рядом с ним, убаюканный размеренным темпом своих шагов и усталостью после тяжелых дней и ночных бдений на корабле. Ему начало мерещиться, что он так и будет всегда шагать рядом с этой молчаливой фигурой по этой молчаливой земле в надвигающейся темноте. Дремали, убаюкан-

ные, его обычные настороженность и чувство опасности, притупились все мысли. Он шел будто в бесконечном сне, сам не зная, куда и зачем он идет.

Отак зашевелился у него в кармане, а в душе проснулся и зашевелился страх. Гед с трудом сквозь дремоту выдавил из себя слова:

— Становится темно, и снег идет. Сколько осталось, Скйорх?

После долгой паузы Скйорх сказал, не оборачиваясь:

— Немного.

Голос показался Геду каким-то нечеловечьим, будто прохрипел странный беззубый зверь.

Гед остановился. Вокруг в гаснущих сумерках простирались голые холмы. Редкие снежинки кружились в воздухе и падали на землю.

— Скйорх! — еще раз позвал его Гед.

Скйорх остановился и обернулся, но под островерхим капюшоном не было лица.

Не успел Гед проговорить заклинание и вызвать магию, как гебет хриплым голосом произнес его имя.

Теперь Гед уже не мог изменить своего настоящего обличья и перевоплотиться — он был замкнут в круге, и ему предстояло незащищенным встретить гебета. В этой чужой стране он не мог никого призвать на помощь — здесь никто его не знал и никто бы не откликнулся на его зов. Теперь он стоял в полном одиночестве, и только

тисовый посох, который он держал в правой руке, отделял его от врага.

Тварь, сожравшая душу Скйорха и овладевшая его телом, заставила его сделать шаг навстречу Геду — руки, как щупальца, потянулись к нему. Геда охватил ужас — он повернулся и обрушил посох на капюшон, закрывавший темную расплывчатую маску лица. Капюшон вместе с плащом обмякли и едва не свалились на землю, будто внутри не было ничего, кроме ветра, а затем, сделав вираж, поднялись. Из тела гебета вытекла плоть — сейчас это была лишь оболочка, пар, принявший форму человека, нереальный материал, в которую была облечена реальная Тень. Дергаясь, как в судорогах, гебет с завываниями стал приближаться к Геду, пытаясь схватить его, как было уже однажды на Рокском Холме. И если бы ему это удалось, он отбросил бы оболочку Скйорха и вошел в Геда. Он сожрал бы его изнутри и полностью овладел его волей, чего он и добивался. Гед ударил его тяжелым дымящимся посохом и сбил с ног, но гебет снова встал, и тогда Гед нанес еще один удар, но, обжегшись, бросил посох, который горел и дымился. Он отступил назад, а потом вдруг бросился бежать, гебет — за ним. Их разделяли какие-нибудь несколько ша-

гов, но гебет никак не мог догнать его, хотя и не отставал. Гед ни разу не оглянулся. Он бежал и бежал по пустынной сумеречной земле, на которой негде было укрыться. Гебет еще раз окликнул его по имени своим хриплым свистом — это хотя и лишало Геда магической силы, но не властно было над его телом и не могло его остановить. И он продолжал бежать.

Ночь спустилась над охотником и жертвой, поземка задувала на тропе, которую Гед больше не различал. Жилка билась в глазу, спирало дыхание, и он уже не бежал, как следовало бы, а только спотыкался и оступался на каждом шагу, но, даже несмотря на это, его неутомимый преследователь не мог нагнать его и все время слегка отставал. Он принялся что-то бормотать, что-то нашептывал и непрерывно звал его, и Геду казалось, что всю свою жизнь он слышал этот шепот каким-то вторым слухом. Однако теперь он слышал его явственно и понимал, что придется уступить, сдаться и перестать бежать. Но все же он собрал последние силы и продолжал подниматься вверх по длинному темному склону. Ему почудилось, что где-то впереди блеснул свет и что он слышит голос, зовущий его откуда-то сверху: «Сюда! Иди сюда!»

Он попытался ответить, но голос пропал. Бледный свет стал отчетливей — он пробивался сквозь ворота, внезапно вставшие перед ним. Он не видел стены, но ясно видел ворота. Он остановился перед ними, и в это время гебет успел ухватить его за плащ и стал ощупывать бока, готовясь наброситься сзади. С огромным усилием Гед толкнул едва светящуюся дверь. Он сделал попытку захлопнуть ее за собой, но ноги уже не держали его. Он пошатнулся, ища опоры. Свет запрыгал и заплясал у него перед глазами. Он почувствовал, что падает и что кто-то подхватил его вконец измученное тело, а затем сознание погрузилось в темноту.

7. Полет ястреба

Гед проснулся и долго лежал, ощущая радость пробуждения. Он не надеялся проснуться, и теперь ему было приятно видеть свет, простой и щедрый дневной свет. Ему казалось, что свет несет его и что он в лодке движется по спокойной глади моря. Потом он увидел, что лежит в постели, но в такой, в какой он никогда в жизни не спал. Она была вставлена в раму на четырех деревянных резных ножках. Толстые шелковые матрасы были набиты пухом, и, очевидно, поэтому у Геда создалось впечатление, что он плывет. Натянутый над кроватью алый полог защищал его от сквозняков. Занавес был раздвинут и завязан с двух сторон. Гед оглядел комнату с каменными стенами и полом. Из всех трех высоких окон виднелась вересковая пустошь, голая, бурая, кое-где с пятнами снега в хилых лучах зимнего солнца. Комната, видимо, находилась где-то наверху, так как из окон открывался широкий обзор.

Пуховое атласное одеяло соскользнуло, когда Гед сел на постели. Он обнаружил, что на нем короткая шелковая туника, поверх которой надета

шитая серебром рубашка, как у знатного господина. Возле кровати лежали приготовленные для него мягкие замшевые сапоги и плащ, подбитый оленьим мехом. Он немного посидел на постели, заторможенный, как после колдовства. Затем он встал и потянулся за посохом.

Но посоха не было.

На пальцах и ладони старательно забинтованной правой руки ныли ожоги. Теперь он чувствовал боль, тело тоже ныло. Какое-то время он постоял у постели.

_ Хег,_позвал он шепотом, понимая всю тщетность своей надежды. — Хег…

Исчез и свирепый крошечный зверек. Молчаливая душа, его верный маленький друг, который однажды вывел его из владений Смерти. А был ли он с ним в прошлую ночь, когда он бежал? И было ли это прошлой ночью? А может быть, все это случилось уже давно, много ночей назад? Он не помнил. В голове был сплошной мрак и туман — гебет, горящий посох, бегство, шепот, ворота… все было смутно тогда. Да и сейчас тоже. Гед еще раз шепотом позвал зверька, уже не надеясь, что тот отзовется, и слезы навернулись ему на глаза.

В отдалении прозвенел колокольчик, за ним второй — и нежный звон раздался где-то совсем

близко. За его спиной открылась дверь, и в комнату вошла женщина.

— Здравствуй, Ястреб, — сказала она, улыбаясь.

Женщина была молодая и высокая, в каком-то серебристо-белом одеянии, с серебряной сеткой в смоляных волосах, падающих каскадом ей на спину.

Гед неловко поклонился.

— Ты меня, наверное, не помнишь…

— Тебя, госпожа?!

Он никогда в жизни не видел такой красивой женщины в таком красивом одеянии, кроме, может быть, госпожи с Оу, которая приезжала на Рок с мужем на Праздник Солнцеворота. Та была яркой и стройной, как пламя свечи, а эта женщина была как белая новая луна.

— Я так и думала, что ты не вспомнишь, — снова улыбнулась она. — Память у тебя короткая. Я рада приветствовать тебя здесь как старого друга.

— Что это за место? — спросил Гед. Он все еще был скован, язык не слушался. Ему было трудно с ней разговаривать и трудно не глядеть на нее. В своих роскошных одеждах он чувствовал себя непривычно, каменный пол тоже казался

странным, и даже воздух был незнакомый, будто все это происходило не с ним, и все вокруг тоже было чужое.

— Это Замок Терренон, — сказала женщина. — Принадлежит он моему мужу и повелителю Бендере-ску. Он владеет землями от северных границ вересковых пустошей Кексемпта до Горного хребта Ос. Меня здесь, на Осскиле, зовут Серрет, что означает «серебро». А тебя, насколько я знаю, зовут Ястреб-Перепелятник, и ты получил звание волшебника на Острове Мудрых.

Гед взглянул на свою обожженную руку и, помолчав, сказал:

_ Я не знаю, кто я теперь. Когда-то у меня была магическая сила, но, по-моему, я ее утратил.

— Нет, не утратил. Она восстановится и станет в десять раз больше. Здесь ты можешь не опасаться того что привело тебя сюда, друг мой. Башня окружена мощными стенами, и все они каменные. Ты здесь отдохнешь и обретешь прежнюю силу. А может найдешь какую-то совсем новую и посох новьи, кото рый не превратится в пепел у тебя в руке. А сейчас пойдем со мной, я покажу тебе замок.

Речь ее была так мелодична, что Гед перестал вс у шиваться в слова, поддавшись обаянию ее

голоса, и затем пошел за ней.

Его комната, как он и думал, находилась высоко в башне, которая, как острый зуб, торчала на вершине холма. По винтовой мраморной лестнице он спустило вслед за Серрет через богато украшенные покои и залы, мимо высоких узких окон, выходящих на север> запад, юг и восток, из которых открывался вид на низкие бурые холмы, сиротские, голые, похожие дру друга, простиравшиеся до умытого солнцем зимнего неба. И только далеко па севере снежные маленькие пики прорезали голубизну, а внизу на юге угадывалось сверкающее море.

Слуги распахивали двери перед Гедом и Серрет и ходили в сторону, чтобы пропустить их. Все они были бледнолицые, угрюмые осскильды. У нее тоже была светлая кожа, но, в отличие от них, она хорошо говорила по-хардски и даже, как показалось Геду, с гонтским акцентом. Позднее, в тот же день, она представила Геда своему мужу Бендереску, Владельцу Терренона. Он был раза в три ее старше, седой как лунь и худой как щепка. Устремив на Геда мутные глаза, он приветствовал его с суховатой учтивостью и просил быть их гостем столько, сколько он пожелает. Видно было, что ему не о чем говорить с Гедом, он не

расспрашивал его ни о путешествиях, ни о враге, загнавшем его к ним, но, правда, и Серрет тоже не задавала ему никаких вопросов.

Естественно, все это могло показаться Геду странным, но это была малая толика тех странностей, которые окружали его в этом доме. Он до конца не мог себе уяснить, почему он здесь. Все было непонятно. Он попал в этот укрепленный замок случайно, но выглядело все так, будто это было специально подстроено, или, быть может, все было подстроено, а чистая случайность помогла осуществить замысел? Он отправился на север, незнакомец в Орриме сказал ему, что он должен искать защиты именно здесь, на Осскиле, и в порту его ждал осскильский корабль. А Скйорх взялся проводить его до места. Как велико во всем этом было участие Тени, которая за ним охотится? Или же она тут ни при чем? Могло случиться, что какая-то совсем другая сила привела сюда Геда вместе с его врагом — он пошел на приманку, Тень же следовала за ним и, как орудие, использовала Скйорха в нужный момент? Несомненно, что Тени, как сказала Серрет, вход сюда заказан. С момента своего пробуждения в башне Гед не ощущал ее присутствия, и у него не было страха, что она маячит где-то поблизости.

Но что же все-таки привело его сюда? Это ведь не то место, куда можно забрести случайно. И, даже несмотря на полный упадок сил, он стал об этом думать. Никакие чужеземцы не подходили к этим воротам. Башня стояла уединенно, в стороне от дороги, спиной к Нэшему, ближайшему к ней городу. Никто не заходил в эту крепость, и никто не выходил отсюда. Из окон ее виднелась одна лишь пустошь.

Гед смотрел в эти окна, когда сидел один на своей верхотуре. Шел день за днем, все одинаково скучные, унылые и холодные. В башне всегда было холодно, несмотря на ковры и гобелены, богатую одежду на меху и огромный мраморный камин. Холод проникал в самую сердцевину костей, и от него невозможно было укрыться. В душе Геда жил еще и ледяной стыд, от которого тоже некуда было спрятаться, — он без конца думал о своей встрече с врагом, о своем поражении и бегстве. Ему представлялось, что на Роке собрались все магистры и в центре — хмурый Геншер, Верховный Маг, там же был и Огион, даже ведьма, которая учила его начаткам колдовства. Все они укоризненно смотрели на него, он понимал, что обманул их доверие, и ему хотелось обратиться к ним и сказать в оправдание хотя бы такие слова:

— Если бы я не убежал, Тень завладела бы мной. Она уже вобрала в себя силу Скйорха и часть моей, и я не мог с ней совладать. Она знает мое имя, я вынужден был бежать от нее.

Но в этом воображаемом разговоре никто из тех, кто слышал его доводы, не отвечал ему. Он смотрел, как падает и падает редкий снег на пустынную землю под окном, и чувствовал, как холод сковывает его и притупляет сознание до того, что кажется, будто внутри ничего нет, кроме слабости и усталости.

Он чувствовал себя глубоко несчастным, а потому несколько первых дней провел в одиночестве. А если даже он спускался вниз, то молчал или односложно отвечал на вопросы. Красота хозяйки смущала его душу, и в этом богатом, красивом, ухоженном замке он, как никогда, ощущал себя козопасом.

Геду никто не мешал, когда он хотел побыть один, а когда ему становилось совсем невмоготу от собственных мыслей и вида падающего снега, он встречался с Серрет внизу в одном из круглых залов с гобеленами на стенах и горящим камином, и они тихо разговаривали. В ней не было веселости, в этой хозяйке замка, хотя она часто улыбалась, но одной ее улыбки было достаточно,

чтобы снять напряжение с души Геда. В ее присутствии проходила скованность, и он забывал о своем позоре. Вскоре они начали видеться ежедневно и подолгу беседовали, сидя у камина или у окна просторной комнаты, спокойно, неторопливо, чуть поодаль от служанки, которая всегда следовала за Серрет.

Старый хозяин замка большую часть времени оставался в своих покоях и только по утрам мерил шагами внутренний двор своей укрепленной крепости, будто волшебник, колдующий по ночам. Когда Бендереск за ужином присоединялся к Геду и Серрет, он, как правило, молчал, время от времени бросая на свою молодую жену скупые недобрые взгляды. Геду стало ее жаль. Она напоминала белого оленя в загоне, птицу с подрезанными крыльями или серебряное кольцо на пальце ее старого мужа. Она была вещью из сокровищ Бендереска. И когда старик уходил и оставлял их вдвоем, Гед старался скрасить Серрет одиночество, как она, в свою очередь, скрашивала его унылые дни.

_ Что это за драгоценный камень, чьим именем назван замок? — как-то спросил он ее, когда они сидели при свечах за столом над пустыми позолоченными тарелками и золотыми кубками

в столовой, украшенной резными панелями на стенах.

_ А ты не слыхал о нем? Это очень известный камень.

— Нет, я только знаю, что осскильская знать владеет огромными сокровищами.

_ Да, но этот камень затмевает все остальные сокровища. А ты не хочешь взглянуть на него? ^

Она улыбнулась лукавой, озорной улыбкой, будто сама немного страшилась того, что затеяла, и повела Геда через зал по узким коридорам и винтовым лестницам вниз, в основание башни, а потом еще ниже, куда-то в подвалы. Она остановилась перед закрытой дверью, которую Гед никогда до этого не видел, и отомкнула ее серебряным ключом, глядя на него все с той же озорной улыбкой, как бы приглашая рискнуть и разделить с ней задуманную шалость.

За дверью оказался короткий коридор, а за ним вторая дверь, которую она отомкнула с помощью золотого ключа. За второй дверью их ждала еще и третья. Чтобы ее открыть, Серрет произнесла Распечатывающее Заклинание. Пламя свечи, которую она все время несла в руке, осветило маленькую комнату, пустую, без мебели, — типичную темницу, где все: пол, потолок, стены

— сложено из нетесаного камня.

— Видишь, где он? — спросила его Серрет.

Гед оглядел комнату — острый взгляд волшебника сразу заметил в мощеном полу камень, который чем-то отличался от остальных, — грубый, влажный булыжник, как и все камни, тяжелый и бесформенный, но от него исходила сила, и, казалось, он что-то говорит. Это был краеугольный камень башни, самый ее центр. Камень выглядел очень древним — старый, злобный дух был заключен внутри булыжника. Гед застыл на месте, так и не ответив на вопрос Серрет, не сказав ей ни да, ни нет. Она как-то странно на него посмотрела и указала на камень.

— Это Терренон, — сказала она. — Тебя не удивляет, что мы так глубоко запрятали это сокровище?

Гед снова ничего не ответил — его насторожили ее вопросы. Он не был уверен, что она не испытывает его. Он подумал, что Серрет, наверное, не очень хорошо разбирается в природе камня, раз говорит о нем так легко. Она не знает всех его свойств и поэтому не боится.

— Расскажи мне о его волшебных свойствах, — попросил он наконец.

_ Камень был сотворен еще до того, как Сегой

поднял мировые острова со дна Открытого Моря, сотворен в те времена, когда создавался мир, и он доживет до конца мира. Время не властно над ним. И если ты положишь на него руку и задашь ему вопрос, он тебе ответит соответственно той магической силе, что заключена в тебе. Он скажет тебе о том, что было, что есть сейчас и что будет потом. Он сообщил нам о твоем приходе задолго до того, как ты появился в этих владениях. Хочешь задать ему вопрос?

— Нет.

— Он тебе ответит.

— У меня нет к нему вопросов.

— Он может сказать, — начала своим вкрадчивым голосом Серрет, — как тебе одолеть врага.

Гед по-прежнему молчал.

_ Ты боишься камня? — спросила она, как бы все еще не желая в это поверить.

— Боюсь, — ответил Гед.

В этой леденящей тишине комнаты, опоясанной множеством магических и каменных стен, при свете свечи Серрет снова пристально посмотрела на него — глаза ее ярко блестели.

— Ястреб, неправда, ты его не боишься, — сказала она.

Я не стану разговаривать с этим духом, ответил

он и, поглядев ей прямо в глаза, добавил серьезно: — Госпожа, дух этот запечатан в камне, а камень заколдован приворотным слепым колдованием, крепко запечатан и охраняется магией и тройными крепостными стенами в этой пустынной земле не потому, что он драгоценный, а потому, что он может причинить зло. Не знаю, что тебе о нем сказали, когда ты приехала сюда. Но ты еще так молода, и у тебя доброе сердце, ты не должна дотрагиваться до камня, не должна на него смотреть. Ни к чему хорошему это не приведет.

Серрет отвернулась, и они двинулись обратно через все двери и коридоры; дойдя до широкой освещенной лестницы, она задула свечу, и, едва попрощавшись, они расстались.

В ту ночь Гед почти не спал. На этот раз не мысль о Тени мешала его сну, ее заслонил настойчиво возвращающийся образ камня, на котором стояла эта башня, и лицо Серрет, поднятое к нему, освещенное наполовину пламенем свечи. Он все время видел ее глаза и гадал, что означает взгляд, который она кинула на него, когда он отказался дотронуться до камня, — презрение или боль? И когда наконец он лег в постель и попытался заснуть, шелковые простыни были холодны как лед, а Гед продолжал лежать без сна, думая о

камне и о глазах Серрет.

На следующий день он встретился с ней в круглой зале из серого камня, освещенной предзакатным западным солнцем, где она обычно проводила вторую половину дня за рукоделием или играми с девушками-служанками. Он сказал:

— Госпожа Серрет, прости меня. Я вчера тебя обидел.

_ Нет, — произнесла она, задумавшись, и потом повторила: — Нет.

Она отослала служанку, которая была при ней, и, когда они остались вдвоем, повернулась к Геду.

_ Мой любезный гость, мой дорогой друг, сказала она. — Ты очень проницателен, но, может быть, ты не видишь того, что следовало бы видеть. На Гонте и на Роке учат Высокой Магии. Но там учат не всякой магии. А это Осскил, страна Воронов. Это тебе не хардская земля, маги здесь не правят, да и мало что знают о ней. Здесь случаются события, которые не подвластны ученым магистрам с юга, и здешние названия не входят в Списки Наименований. Человеку свойственно страшиться именно того, чего он не знает. Но здесь, при дворе Терренона, тебе страшиться

нечего. Человеку слабому, быть может, и следовало бы опасаться. Но не тебе. Ты рожден, наделенный особой силой, способной управлять тем, что сокрыто в запечатанной комнате. Я это твердо знаю. И именно поэтому ты сейчас здесь.

— Не понимаю.

_ $0_{ТО}$ из-за того, что мой повелитель Бендереск не был с тобой до конца откровенен. А я тебе скажу все начистоту. Иди, сядь возле меня.

Он сел рядом с ней на широкий подоконник, устланный мягкими подушками. Уходящее солнце заливало окна светом, но в его сиянии не было теплоты. Внизу, на вересковой пустоши, уже почти погруженной в тень, снег, выпавший накануне ночью, так и не растаял, тусклый белый покров лежал на всей земле.

Она заговорила очень тихо:

— Бендереск — владелец и наследник Террено-на, но он не умеет обращаться с ним, не может полностью подчинить его своей воле. И я не могу, ни вместе с ним, ни одна. Ни у него, ни у меня нет умения, нет силы. А у тебя есть и то, и другое.

— Откуда ты знаешь об этом?

— От самого камня. Я тебе говорила, что это он сказал мне о твоем приходе. Он знает своего хозяина. Он ждал тебя еще до твоего рождения,

так как ты единственный, кто может справиться с ним. И тот, кто сумеет заставить Терренон отвечать на заданные ему вопросы и делать для него все то, что он пожелает, может стать полновластным хозяином собственной судьбы — у него достанет силы поразить любого врага — будь то простой смертный или пришелец из другого мира, — достанет провидения, знаний, богатств, земель и волшебного дара, который посрамит самого Верховного Мага. Только попроси — и у тебя будет все.

Снова она подняла на него свои странные блестящие глаза, и взгляд их был таким пронизывающим, что его забила дрожь, как от холода. Но в лице ее был страх, будто она ищет помощи, а гордость не позволяет ей высказать это вслух. Гед растерялся. Она положила ладонь на его руку, пока говорила, — ладошка ее была легкая, узенькая. Он произнес с мольбой в голосе:

— Серрет, ты напрасно думаешь, что у меня есть сила, — то, что я имел, я растерял. Я не могу помочь тебе, от меня нет никакой пользы. Но я знаю, что Древние Силы Земли людям не подвластны. Они никогда им не принадлежали. И окажись они в руках у людей, они наделали бы много бед. Дурными средствами ничего хорошего

не сделать. И вовсе не мой жребий привел меня сюда. Я был насильственно завлечен, и силы, завлекшие меня, делают все, чтобы меня погубить. Поэтому я не могу тебе помочь.

— Но утраченные силы можно обрести заново, иногда их даже становится больше, — заверила она его с улыбкой, словно все его опасения и сомнения были ребячьей выдумкой. — Я знаю, что привело тебя сюда. С тобой говорил человек на улице в Оррими? Это был посредник, слуга Терренона. Он сам когда-то был волшебником, но потом отбросил посох, с тем чтобы служить силам, которые выше силы магов. А ты приехал в Осскил и на пустоши своим деревянным посохом пытался изничтожить Тень. Мы едва спасли тебя, потому что нечисть, преследующая тебя, оказалась хитрее, чем мы рассчитывали, и уже успела забрать у тебя большую часть твоих способностей… С Тенью может сражаться только Тень. И только тьма может победить мрак. Скажи, Ястреб, что тебе нужно, чтобы одолеть Тень, которая ждет тебя снаружи за этими стенами?

— Мне нужно то, чего узнать я все равно не могу; — ее подлинное имя.

— Имя тебе назовет Терренон, которому ведомо все о рождении и жизни всего живого до и после

смерти, о тех, кто грядет, и о тех, кому уготовано бессмертие, о царстве света и царстве тьмы.

— А какова цена?

— Никакой платы не требуется. Я тебе говорила, он подчинится тебе и будет служить тебе как раб.

Потрясенный, раздираемый противоречивыми чувствами, Гед молчал. Серрет держала его руку в своих ладонях и, не отрываясь, смотрела ему в лицо. Солнце скрылось в тумане, сделавшем тусклым горизонт. На этом фоне ее лицо казалось особенно ярким, оно светилось торжеством, так как она видела по его глазам, что воля его дрогнула. Она прошептала едва слышно:

— Ты станешь самым могущественным из людей, ты станешь королем и будешь править людьми, а я буду править вместе с тобой.

Гед неожиданно соскочил с подоконника — там, где закруглялась длинная стена комнаты, возле двери стоял и, слегка улыбаясь, слушал их Владелец Терренона.

Пелена спала с глаз и с души Геда. Он поглядел на Серрет.

— Только свет побеждает тьму, — проговорил он, заикаясь. — Только свет, и ничто другое.

Он вдруг ясно понял, как его заманили сю-

да, завлекли и, воспользовавшись его страхом, обманули и что, раз уж он им попался, они постараются удержать его. Они спасли его от Тени, надо отдать им должное, потому что не хотели, чтобы она захватила его до того, как он станет рабом Камня. Но как только воля его подчинится Камню, они впустят Тень в эти стены, ведь из гебета легче сделать раба, чем из человека. И если бы он хоть раз дотронулся до Камня или заговорил с ним, все было бы кончено. Но Тень все же не могла догнать и схватить его, а теперь и Камню не удалось подчинить его себе — хорошо, что он в последнюю минуту одумался и не поддался на уговоры. Оказывается, злу не так-то легко захватить неуступчивую душу.

Сейчас Гед стоял между теми двумя, которые не выдержали и сдались. Он переводил взгляд с одного лица на другое — Владелец Терренона уже вышел из своего укрытия.

— Я же говорил тебе, Серрет, что он выскользнет у тебя из рук, — сказал он скрипучим голосом. — Они хоть и дураки, но дураки умные, твои гонтские колдуны. Ну а ты тоже дура, женщина с Гонта, думала провести нас обоих, пользуясь своей красотой, а потом вертеть нами как вздумается, заодно и Камень приспособить к своей

выгоде. Но ты забыла, что Владелец Терренона я, и я накажу неверную жену. Экавро ат ольвантар… — произнес он. Это было Заклинание Превращения. Бендереск уже поднял свои длинные худые руки, чтобы обратить скорчившуюся от ужаса женщину в какое-нибудь уродливое существо — свинью, шелудивую собаку или выжившую из ума старую каргу, но Гед, бросившись вперед, ударил его наотмашь по рукам и произнес одно лишь короткое слово. И хотя у него не было посоха и стоял он на чужой и враждебной земле, во владениях темной силы, воля его одержала победу. Бендереск застыл, устремив мутные, невидящие, но полные ненависти глаза на Серрет.

— Бежим! — крикнула она. — Бежим скорее, Ястреб, пока он не призвал слуг Камня. — Голос ее дрожал.

В ответ, словно эхо, шелест пробежал по башне, и сквозь каменные стены и снизу, из-под пола, донеслось до них сухое прерывистое бормотание, словно говорила сама земля.

Схватив Геда за руку, Серрет бросилась бежать с ним по коридорам, залам, бесконечным витым лестницам и выскочила наконец во двор, где последние серебристые лучи солнца догорали

над грязным утоптанным снегом. Трое слуг из замка с мрачными недоумевающими лицами преградили им путь, будто заподозрили, что эти двое что-то замышляют против их господина.

— Уже темно, госпожа, — сказал один, а второй добавил:

— Поздно выезжать со двора.

— С дороги, мразь! — крикнула Серрет и заговорила вдруг на шипящем осскильском наречии. Слуги отскочили от нее и в корчах попадали на землю, при этом один из них громко кричал от боли.

— Нам придется пройти через ворота, другого пути нет. Ты видишь, где они, Ястреб?

Она потянула его за руку, но он колебался.

— Что это была за магия? — спросил он.

— Я влила им в кости расплавленный свинец. Они скоро умрут. Пойдем же скорей, прошу тебя. Он спустит на нас слуг Камня, а я не могу найти ворота — они заколдованы. Быстрее!

Гед не понимал, о чем она говорит, так как ворота были видны не менее отчетливо, чем ведущая к ним каменная арка. Пройдя под аркой, они попали в первый двор, где лежал чистый, нетронутый снег, а затем, проговорив Отворяющее Заклинание, он вывел Серрет наружу за

ворота к заколдованной стене.

Внешность Серрет странным образом изменилась сразу после того, как они вышли через ворота из серебристых сумерек Замка Терренона. В мрачном отсвете пустоши она была не менее красивой, чем раньше, но в ее красоте появилось что-то ведьминское. И Гед неожиданно вспомнил: дочь Правителя Ре-Альби, дочь колдуньи с Осскила, которая насмехалась над ним в зеленых лугах над домом Огиона много лет назад и заставила читать магические заклинания, высвободившие Тень. Но ему некогда было думать об этом, теперь все его чувства были обострены и он оглядывался кругом, ища глазами врага — Тень, которая ждала его, затаившись где-то под заколдованной стеной. Это мог быть тот же гебет в обличье погубленного им Скйорха или же сокрытое в сгущающейся тьме нечто, которое готовилось схватить его и заполнить свою бесформенную оболочку его живой плотью. Он чувствовал, что она где-то близко, но не видел ее. Приглядевшись, он заметил в нескольких шагах от ворот какой-то небольшой темный предмет, наполовину зарытый в снег. Это был отак: его красивая шкурка с коротким мехом была вся в запекшейся крови, а маленькое холодное затвер-

девшее тельце почти ничего не весило.

— Меняй облик! Меняй! Они идут! — опять закричала Серрет, схватив его за руку и указывая на башню, торчащую за ними в сумерках, словно большой зуб. Сквозь узкие щелевидные окна в основании башни выползали наружу какие-то существа. Хлопая длинными крыльями, они медленно взлетели и, описав круг над стенами замка, направились к склону холма, где стояли беззащитные Гед и Серрет. Стрекочущий тихий звук, который они слышали в замке, теперь усилился, у них под ногами дрожала и стонала земля.

Злость душила Геда, яростная ненависть ко всей этой жестокой, смертоносной нечисти, которая без конца его обманывала, заманивала в ловушки и охотилась за ним.

— Меняй облик! — снова закричала Серрет. Выкрикнув заклинание, она превратилась в серую чайку и улетела.

Гед наклонился и выдернул травинку какого-то дикорастущего растения, сухую и тонкую, торчавшую из-под снега там, где лежал мертвый отак. Держа в руке травинку, он заговорил с ней громко на Истинном Наречии, и она начала расти и утолщаться. И как только он замолк, в руках у него оказался волшебный посох. Он не засветил-

ся красным светом, когда с громким хлопаньем крыльев на Геда налетело черное воинство из Замка Терренон. Волшебник стал посохом бить их по крыльям, и тогда посох загорелся белым магическим пламенем, которое не жжет, но разгоняет мрак.

Черная рать продолжала атаку. Нелепые твари из далеких веков, когда не было еще ни птиц, ни драконов, ни людей, ни на минуту не оставляли Геда в покое. Их возвратила из небытия древняя, злая, ничего не забывающая сила Камня. Они налетели сверху, и Гед чувствовал взмахи их когтистых лап, его мутило от их трупного зловония. Он со всей силой отражал их удары и бил их огненным посохом, сотворенным из дикой травинки и его гнева. Неожиданно они все поднялись в воздух, словно вспугнутые вороны над падалью, и, хлопая крыльями, молча полетели в том же направлении, куда до них полетела Серрет в облике чайки. Казалось, что их огромные крылья работают медленно, но на самом деле они летели быстро, и с каждым взмахом они одолевали большое расстояние — никакая чайка не могла состязаться с ними в скорости.

В одно мгновение, как когда-то на Роке, Гед обернулся соколом-сапсаном, налетающим как

мысль, как стрела. На острых сильных крыльях он бросился преследовать своих врагов.

Совсем стемнело, и меж облаков ярко светили звезды. Впереди он увидел черную беспорядочную стаю, нацелившуюся на одну точку высоко в небе. За этим черным сгустком лежало море, неяркое, в последних белесых отсветах солнца. Вихрем налетел сокол-Гед на слуг Терренона, и они тут же рассеялись кругами, как вода от брошенного камня. Но они уже успели схватить добычу. Клюв одного из них был в крови, белые перья налипли на когти второго, а позади них, над бледным морем, не видно было ни одной чайки.

Теперь они снова ринулись на Геда — они быстро приближались, уродливо разинув железные клювы. Взмыв над ними, он издал боевой соколиный клич ярости, а затем полетел над осскильскими пляжами и дальше над бурунами открытого моря.

Воины Камня с громким карканьем еще некоторое время носились кругами, а затем, как бы нехотя, один за другим повернули в глубь острова и полетели над пустошью. Твари, порожденные Древними Магическими Силами, не могут перелететь через море, так как каждая из них

привязана к своему острову, к определенному месту, будь то родник, пещера, камень или ключ. Исчадия мрака возвращались обратно в крепостную башню, где Владетель ее Бендереск, узнав новость, неизвестно, заплакал или рассмеялся. А Гед все продолжал свой путь на соколиных крыльях, обезумевший от ярости, как стрела, еще не долетевшая до цели, как мстительная неотвязная мысль. Он летел над Осскиль-ским морем на запад, навстречу зимнему ветру и ночи.

Огион Молчаливый поздно вернулся к себе домой в Ре-Альби после осенних странствий. С годами он стал еще более молчаливым и еще более одиноким. Новый Правитель Гонта, живущий в городе, никогда не мог добиться от него ни слова, хотя не раз поднимался в Соколиное Гнездо, с тем чтобы заручиться помощью мага на время пиратских набегов на Андрады.

Огион, который разговаривал с пауками, плетущими паутину, и, как видели многие, церемонно здоровался с деревьями, ни слова не сказал Правителю Острова, который каждый раз уходил крайне недовольный магом. На душе у Огиона, очевидно, было неспокойно, он был явно чем-то встревожен, так как все лето и осень провел в одиночестве в горах и только перед Солнцеворо-

том вернулся к родному очагу.

Наутро после своего возвращения он поднялся поздно и для того, чтобы приготовить чашку камышового чая, отправился за водой к ручью, текущему под горой недалеко от дома. Края живых весенних лужиц затянул лед, и седой мох среди скал был повсюду окантован ледяными цветочками.

Была почти середина дня, но солнце не раньше чем через час должно было осветить мощный склон горы. Сейчас, этим зеленым утром, весь западный Гонт, от морских пляжей до вершины холма, был погружен в безмолвие. Маг стоял у ручья и смотрел на пашни, сбегающие вниз по склонам, на гавань и серые морские дали, когда вдруг услышал хлопанье крыльев над головой. Он запрокинул голову и при этом слегка приподнял руку. Огромный сокол, громко хлопая крыльями, сел ему на запястье. Как хорошо тренированная охотничья птица, он обхватил лапой руку Огиона, но на шее у него не было оборванной веревки, не было и колокольчика, а на лапе кольца. Когти цепко впились в запястье Огиона, крылья трепетали, круглый золотистый глаз смотрел с одичалой тоской.

— Ты кто? Посланник или весть? — спросил Огион. — Пойдем со мной.

Когда он заговорил, сокол вперил в него кристально чистый взгляд, и Огион вдруг замолк.

— Мне кажется, когда-то я дал тебе имя, — пробормотал он и направился к дому. Когда он вошел в комнату, птица по-прежнему сидела у него на

запястье. Он опустил ее на пол у камина, чтобы отогреть теплом очага, и дал ей воды. Она не стала пить. Потом Огион начал колдовать — он спокойно плел магическую паутину, больше руками, чем словами. Закончив плести волшебную вязь, он, не глядя на сокола, сидящего на камине, тихо произнес: «Гед». Затем, подождав немного, повернулся и подошел к молодому человеку, который, стоя перед очагом, весь дрожал и глядел на мага тоскующим взглядом.

Гед был богато одет — заморский плащ, подбитый мехом, шитая серебром шелковая рубашка, но все рваное и задубевшее от морской соли. Худой, изможденный, он стоял ссутулившись, прямые пряди волос падали ему на лицо.

Огион снял с него перепачканный грязью плащ и отвел в комнату с альковом, где Гед спал, будучи учеником. Там он уложил его на матрас и, усыпив каким-то убаюкивающим словом, сразу же ушел, так как знал, что сейчас Гед не понимает человечьего языка.

В детстве Огион думал, как думают все мальчишки, что нет игры лучше, чем перевоплощение, когда можно принять какой угодно образ — человека или животного, дерева или облака, словом, бесконечно менять свой облик. Но, толь-

ко став волшебником, он начал понимать, что за игру надо платить либо потерей себя, либо отказом от правды. И в этом таится ее опасность. И чем дольше человек пребывает в чужом обличье, тем сильнее эта опасность. Каждый, кто обучается магии, знает историю волшебника Борджера с острова Уэй, который любил принимать образ медведя и стал все чаще и чаще менять облик, пока зверь не вытеснил в нем человека и он не стал настоящим медведем. Он задрал в лесу своего маленького сына, и в конце концов его выследили и убили. И никто не ведает, сколько дельфинов, резвящихся в водах Внутреннего Моря, когда-то были людьми, но потом позабыли свою мудрость и имена, предавшись веселой радостной жизни в беспокойном море.

Гед принял образ сокола в состоянии глубокого отчаяния и ярости, и, когда он летел из Осскила, в его сознании была лишь мысль о том, как уйти подальше от Камня и Тени, поскорее покинуть холодную предательскую землю и добраться до дому. Соколиные ярость и остервенение были сродни его собственным и потому стали как бы его чувствами, а его желание улететь подальше совпало с желанием сокола. Так он пролетел над Энладом, спустившись лишь раз испить воды

из уединенного лесного озерца, а потом снова взмыл в воздух, гонимый страхом перед Тенью, которая неотступно следовала за ним. Он пересек узкий пролив под названием Челюсти Энлада и продолжал полет к югу, а потом на восток. Слева он различал неясные очертания холмов Оранеи, а справа еще более далекие холмы Андрад. Впереди он все время видел только море, пока наконец среди волн не встала неподвижная горбатая волна, которая всегда возвышается над остальными, — белая вершина Гонта. Весь этот долгий путь при свете дня и в ночной темноте он летел на соколиных крыльях и видел мир глазами сокола, забыв все свои человечьи мысли. И знал он только то, что знает сокол, — голод, ветер и дорогу, которой он летит.

Он правильно выбрал гавань: всего несколько человек на Роке и один на Гонте могли снова превратить его в человека.

Гед оставался молчаливым и после пробуждения. Огион с ним не разговаривал — он кормил его мясом, поил водой и позволял днем сидеть, по-птичьи нахохлившись, у очага. С наступлением ночи Гед засыпал. На третий день утром он подошел к очагу, где маг сидел, глядя в огонь. И вдруг произнес:

— Учитель!

— Добро пожаловать, мой мальчик, — сказал Огион.

— Я вернулся таким, каким ушел, то есть глупцом, — сказал молодой человек хриплым, надтреснутым голосом.

Маг слегка улыбнулся и жестом пригласил его сесть напротив, по другую сторону очага, а сам стал заваривать чай.

Пошел снег, первый раз за зиму здесь, на нижних склонах Гонта. Окна в доме Огиона были крепко зашторены. Но они все равно слышали, как мокрый снег мягко падает на крышу и какая кругом от этого стоит тишина. Они долго сидели у очага, и Гед рассказывал своему старому учителю все, что произошло за много лет с той поры, как он отправился с Гонта на корабле под названием «Тень». Огион не задавал вопросов, и, когда Гед закончил, он еще долго молчал, спокойно размышляя о чем-то. Затем он поднялся и поставил на стол хлеб, сыр, вино, и они вместе поели. После трапезы, когда все было убрано со стола, Огион сказал:

— Жизнь нанесла тебе глубокие раны, мой мальчик.

— У меня нет сил бороться с этой нечистью.

Огион покачал головой и снова замолк.

— Странно, — произнес он наконец, — у тебя достало сил одержать верх над волшебником в его собственных владениях, на Осскиле. И хватило сил вступить в противоборство с драконом.

— На Осскиле мне просто повезло, сила здесь ни при чем, — сказал Гед. Он поежился при воспоминании о нечеловеческом, смертельном холоде Замка Терренон. — Что касается дракона, то я знал его имя. А эта нечисть, Тень, которая меня преследует, не имеет имени.

— Все сущее имеет имя, — сказал Огион так твердо, что Гед не решился пересказать ему то, что говорил Верховный Маг Геншер, а именно, что злые силы наподобие той, что он высвободил, безымянны. Правда, Пендорский Дракон предлагал раскрыть ему имя Тени, но он не очень доверял ему, как не доверял обещанию Серрет, что Камень скажет ему то, что он хотел узнать.

— Если у Тени и есть имя, — добавил он, — я не думаю, что она остановится и скажет мне его.

— Нет, конечно, — ответил Огион. — Но ты ведь тоже не остановился и не открыл ей своего имени, но она его, тем не менее, узнала. На пустоши в Осски-ле она назвала тебя по имени, по имени, которое я тебе дал. Это все странно, очень

странно…

Он снова погрузился в размышления. Наконец Гед сказал:

— Я пришел сюда просить совета, а не убежища, учитель. Я не хочу навлекать на тебя Тень. Боюсь, она явится, если я останусь. Когда-то ты прогнал ее из этой самой комнаты.

— Нет, это было лишь преддверие Тени, как бы тень тени. Сейчас я не мог бы ее изжить, сделать это можешь только ты сам.

— Но я бессилен перед ней. И есть ли такое место… — Голос оборвался прежде, чем он задал вопрос.

— Безопасного места нет, — тихо ответил Огион. — Не надо больше менять свой облик, Гед. Тень только и ждет момента, чтобы разрушить твою сущность. Она почти добилась своего, заставив тебя перевоплотиться в сокола. Я не знаю, куда тебе идти. Но у меня появилась мысль о том, что тебе надо делать. Жестоко с моей стороны говорить об этом.

Молчание Геда яснее слов показало, что он ждет правдивого ответа, и тогда Огион сказал:

— Ты должен повернуться к своей Тени лицом.

— Повернуться лицом?

— Если ты будешь продолжать вести себя как и

раньше, будешь бежать от нее, то, куда бы ты ни убежал, повсюду ты столкнешься с опасностью и со злом. Ты у нее на поводу, она выбирает путь, которым ты следуешь. А выбирать должен ты. Ты должен искать то, что ищет тебя. Ты должен охотиться за охотником.

Гед молчал.

— Я дал тебе имя у источника на берегу реки Ар, — сказал маг. — У ручья, текущего с гор к морю. Человек должен знать, куда он в конечном итоге идет, но он вряд ли это узнает, если не оглянется и не вернется к истокам и не удержит в памяти эти истоки. Если он не хочет стать щепкой, которую будет кружить, а потом утопит поток, он должен сам стать этим потоком, потоком на всем его протяжении, от источника до места его впадения в море. Ты вернулся на Гонт, ты вернулся ко мне, Гед. А теперь заверши круг и найди источник и его исток. Там твоя надежда и там твоя сила.

— Там? — переспросил Гед, и в голосе его был ужас. — Где это «там»?

Огион не ответил.

После долгой паузы Гед сказал:

— Если я, как ты говоришь, начну охотиться за охотником, я уверен, что охота не будет долгой.

Она жаждет встретиться со мной лицом к лицу. Так уже было дважды, и дважды я потерпел поражение.

— На третий может произойти чудо, — воскликнул Огион.

Гед взволнованно ходил по комнате, от очага к двери и обратно от двери к очагу.

— Но если я потерплю еще одно поражение, она овладеет моими знаниями и способностями и будет ими пользоваться, — возразил Гед не столько Огиону, сколько себе самому. — Сейчас она угрожает только мне. Но если она войдет в меня и завладеет мной, то через меня она наделает много бед.

— Это правда, но это случится, если она нанесет тебе поражение.

— Но если я снова убегу, она снова меня найдет… Бегство истощило все мои силы.

Гед продолжал еще некоторое время мерить шагами комнату. Потом неожиданно повернулся и, опустившись перед магом на колени, торжественно заявил:

— Я встречался с великими волшебниками и жил на Острове Мудрых, но настоящий мой учитель ты, Огион.

— Вот и хорошо, — сказал Огион. — Наконец ты

это понял. Лучше поздно, чем никогда. Но в итоге ты станешь моим учителем.

Он встал, разжег огонь, а когда тот разгорелся, повесил над ним котелок с водой. Накинув овчину, он сказал:

— Пойду-ка я проведаю своих коз, а ты пока присмотри за котелком, мой мальчик.

Когда он вернулся, весь запорошенный снегом, и стряхнул снег с сапог из овчины, Гед увидел в руках у него большую толстую ветку тиса.

Всю вторую половину короткого дня и остаток вечера после ужина Огион при свете светильника обстругивал ветку, обрабатывая ее с помощью точильного камня и колдовства. Он без конца проводил рукой по поверхности, проверяя, не осталось ли где шероховатости. Иногда во время работы он тихо что-то напевал. Гед, все еще усталый, слушал эти песни и, задремывая, грезил — он вновь видел себя ребенком в снежную ночь в хижине ведьмы, освещенной лишь светом от очага. Воздух в хижине был спертый и тяжелый от густого запаха трав и дыма, и мысли его уносились в мечтах, пока он слушал бесконечное тихое пение о волшебниках и героях, которые сражались с темными силами и побеждали или же проигрывали битвы на далеких островах в

какие-то незапамятные времена.

И когда Гед, который так и не нашел слов, чтобы поблагодарить Огиона, ушел в свою комнату с альковом, Огион поглядел ему вслед и произнес так тихо, чтобы Гед его не мог услышать:

— Счастливого полета, мой молодой сокол!

А когда пришел холодный рассвет и Огион открыл глаза, Геда уже не было. Как это принято у магов, он оставил весточку: нацарапанные на каменном очаге серебристые руны выцветали на глазах, пока Огион разбирал надпись, гласившую: «Учитель, я ушел на охоту».

8. Охота

Затемно, зимним предрассветным утром, Гед начал спускаться по дороге из Ре-Альби и к полудню пришел в Гонтский Порт. Огион снабдил его парой крепких штанов, какие носят на Гонте, дал ему рубаху, кожаный жилет и простое белье взамен тончайшего ос-скильского. Гед, однако, оставил себе для зимних путешествий свой красивый плащ на оленьем меху. Он все надел на себя и в руках нес только посох, который доставал ему до макушки. Когда он подошел к городским воротам, солдаты, которые стояли облокотившись на гигантские фигуры резных драконов, с первого взгляда распознали в нем волшебника. Они развели копья и пропустили его, не задав ни одного вопроса, а затем смотрели, как он шел по улице.

На набережных и в доме Морской Гильдии он принялся расспрашивать, нет ли в порту судов, направляющихся на север или же на запад к Энладу, Андраду или Оранее. Ему отвечали, что в ближайшее время, накануне Солнцеворота, ни один корабль не покинет порт, а в Морской

Гильдии он узнал, что в такую ненадежную погоду даже рыбачьи суда не решатся пройти через Грозные Утесы.

В Морской Гильдии ему предложили пообедать в складском помещении, где хранили масло и вино: волшебнику обычно не приходится выпрашивать себе обед. Он посидел немного в компании грузчиков, корабельных плотников, предсказателей погоды, с удовольствием слушая их неторопливую беседу, рокочущую гонтскую речь. У него росло желание остаться здесь, на Гонте, отказаться от всякой магии и опасных авантюр, попросту забыть о них и жить как все люди на этой знакомой, любимой и родной земле. Это было желание, но долг повелевал иначе. Он ненадолго задержался в Морской Гильдии и недолго пробыл в городе после того, как узнал, что корабля не будет. Он направился вдоль берега залива и в первой же деревне, к северу от центрального района города Гонта, стал искать рыбака, который продал бы ему лодку.

Такой рыбак в конце концов нашелся. Это оказался суровый на вид старик. Его лодка, примерно двадцати футов длиной, обшитая внахлест, была вся в трещинах и пробоинах и вряд ли годилась для морских путешествий. Однако старик запро-

сил за нее непомерно высокую цену: заколдовать его собственную лодку и гарантировать ее безопасность на целый год, а заодно безопасность его самого и сына. Гонтские рыбаки, как правило, кроме моря, не боятся ничего, даже волшебников.

В северной части Архипелага, где заговорам от опасности в море придают большое значение, они еще никого не спасали от штормового ветра или штормовой волны, но все лее магия, умело наведенная волшебником, знающим местные моря, особенности судов и морское дело, дает рыбаку уверенность. Гед старательно и честно творил колдовство всю ночь и весь следующий день, он трудился терпеливо, не пропуская ни одной мелочи, ни одной детали, хотя душу его не покидал страх и он силился представить себе, в каком виде, как и где в следующий раз появится Тень.

Закончив работу, он вдруг почувствовал, что смертельно устал. Ночь он проспал в хижине рыбака, в гамаке из китовых жил, и наутро проснулся насквозь пропахший рыбой, как вяленая сельдь. Он сразу же спустился в небольшую бухточку под Катнорским Утесом, где хранилась его лодка.

Гед столкнул лодку с причала, и она тихо погрузилась в воду. Легко, как кошка, спрыгнув в лодку, Гед выпрямил покосившиеся доски и погнутые гвозди с помощью инструментов и магических заклинаний, как он обычно делал, когда работал с Печварри в Нижнем Торнинге. Жители деревни собрались поодаль и молча следили за движениями его ловких рук и слушали его спокойный голос. И на этот раз он делал все старательно и добросовестно, а когда окончил мастерить, лодка была хорошо заклепана и зачинена. Затем вместо мачты он поставил посох, который сделал для него Огион, заколдовал его и приладил рею из крепкого дерева, на которую насадил вытканный на ветровом станке волшебный парус, квадратный и белый, как снег на вершине Гонта. Женщины, наблюдавшие за его работой, не без зависти вздохнули. Встав у мачты, Гед наполнил парус легким волшебным ветром. Лодка двинулась и пошла через залив к Грозным Утесам. И когда рыбаки, молча следившие за происходящим, увидели, как быстро и четко скользит под парусом этот дырявый шлюп, словно кулак в небе, они разразились громкими приветственными криками. Гед слышал, как эти приветственные крики в его честь разносятся

под темной рваной громадой Катнорского Утеса, над которым скрывались в тучах белоснежные горные ледники.

Он пересек залив, мимо Грозных Утесов вышел в Гонтийское море и поплыл в северо-западном направлении, как и прежде обогнув Оранею с севера. У него не было определенного маршрута, не было ясного плана, но он хотел снова пройти тем путем, каким добрался до Огиона. Тень была непредсказуема; она могла еще долго блуждать по морю, а могла объявиться в любую минуту. И пока она вновь не ускользнула в царство сновидений, она неизбежно должна была встретиться с Гедом, который с поднятым забралом вышел в Открытое Море, чтобы бросить ей вызов. И если ему было суждено с ней встретиться, он мечтал о том, чтобы встреча эта произошла на море. Он и сам толком не знал, почему именно на море, но его охватывал ужас при мысли о том, что они могут столкнуться с ней на суше. В море рождаются бури и чудовища, но там нет злых сил. Злые силы приходят из земли.

И в той стране тьмы, куда Ged попал, нет моря, там не текут реки и ручьи. Во владениях смерти всегда сухо. И хотя море в ненастную погоду таит в себе опасность, опасность эта, изменчивость и

коварство морской стихии, казалась ему защитой, дающей шанс выжить. И когда он встретится с Тенью в последней безумной схватке, он сдавит ее, как она сдавила его, и, навалившись на нее всем своим весом, он ценой жизни стащит ее в морскую пучину, из которой, он надеялся, она уже не поднимется. Смерть его хотя бы положит конец злу, которое он принес людям при жизни.

Он плыл по бурному с барашками морю, над которым, как траурный балдахин, повисли тучи. Он шел без магического ветра, так как задувал норд-вест и парус сам поворачивался и подхватывал свежак, пока Гед шептал какие-то слова, чтобы не разорвалась сотканная волшебством ткань. Не будь этой магии, он едва ли смог бы уберечь свою утлую лодчонку в разгулявшемся море. Так он плыл вперед, непрерывно оглядываясь по сторонам. Жена рыбака дала ему две буханки хлеба и кувшин с водой, и через несколько часов, когда перед ним возникла Кемберская Скала, единственный остров между Гонтом и Оранеей, он поел хлеба и запил его водой, с благодарностью вспоминая молчаливую гонтскую женщину. Вот уже позади остались неясные контуры острова. Теперь он держал курс западнее — изморось, пронизывающая насквозь, на суше оседала в

виде мокрого снега. Тишину нарушало лишь поскрипывание лодки и негромкие удары волн. Мимо него не прошло ни одно судно, не пролетела даже птица. Все, казалось, застыло, кроме воды в ее вечном движении и бегущих облаков, которые, как ему смутно помнилось, обтекали его со всех сторон, когда он, обернувшись соколом, летел этим же маршрутом на восток, как сейчас на запад, и смотрел он тогда на серое море, как сейчас смотрел на серое небо.

Он огляделся — впереди ничто не маячило. Он поднялся на ноги и вдруг почувствовал, как он замерз и устал бесконечно вглядываться и вглядываться в пустое марево.

— Ну, иди лее, иди скорей, — прошептал он. — Что же ты медлишь, Тень? — Но ответа не было, и нигде, сколько он ни смотрел, ни в темном тумане, ни в темном море, он не мог разглядеть черного сгустка. Но он все равно знал — и с каждой минутой уверенность эта крепла, — что она где-то рядом, вслепую ищет его след. Внезапно он громко крикнул:

— Я — Гед, Ястреб-Перепелятник, вызываю свою Тень!

Лодка скрипнула, волны что-то прошелестели, а ветер что-то прошипел в белом парусе. Время

шло, но Гед все ждал, опершись на мачту из тисового дерева и пытаясь хоть что-нибудь разглядеть за стеной ледяной мороси, которая двигалась с севера, исчерчивая рваными линиями море. А время шло. И неожиданно вдалеке, за пеленой дождя, он увидел, как над водой движется Тень.

Она рассталась с бренной оболочкой осскильского Скйорха, как и с обличьем гебета. Сейчас это уже не был зверь, каким она явилась к нему на Рокском Холме, а позже возвращалась в снах. Теперь Тень приобрела очертания, которые сохраняла даже при дневном свете. Пока она охотилась за Гедом и сражалась с ним на вересковой пустоши, она успела вобрать в себя часть его энергии, всосав ее, как кровь. А могло случиться, что она, услышав его вызов, брошенный громко среди бела дня, откликнулась на него и приняла облик, чем-то с ним схожий. Теперь она даже напоминала человека, хотя, будучи тенью, не отбрасывала тень. Она вынырнула откуда-то из Челюстей Энлада и понеслась по морю в сторону Гонта — смутная фигура, неуклюже ступающая по волнам, что-то высматривающая на ветру под хлещущим дождем.

Хотя Гед вызвал ее, Тень толком не понимала, где его искать, к тому же яркий свет слепил ей

глаза, а потому Гед заметил ее раньше, чем она его. Ему казалось, он легко бы узнал ее среди тысячи других теней.

В этом леденящем безлюдье зимнего моря Гед наконец встретился с существом, которого он так страшился. Ветер, как нарочно, гнал Тень от лодки, а бегущие под ней волны обманывали зрение, и ему начинало казаться, что Тень больше, чем это было на самом деле. Он даже не мог точно сказать, движется она или стоит на месте. И хотя сейчас в душе его не было ничего, кроме страха и ужаса оттого, что она может до него дотронуться, обдав холодом и причинив боль, может выкачать из него жизнь, Гед, замерев, с нетерпением ждал ее в лодке. Затем он громко вызвал волшебный ветер, который мощным порывом привел в движение его белый парус, и лодка, подпрыгивая, понеслась по серым волнам.

Тень, не издав ни единого звука, задергалась, повернулась и побежала прочь.

Она двигалась против ветра на север, и Гед в своей лодке шел за ней следом тоже против ветра. Скорость, с которой неслась Тень, вступила в единоборство с искусством волшебника, а штормовой ветер безжалостно хлестал обоих. Молодой человек громко кричал, подгонял лод-

ку, парус, ветер и волны впереди, как кричит охотник, подгоняя собак, когда волк выбегает впереди на дорогу. Он вдохнул в этот сотканный волшебством парус ветер, который мог бы разорвать любой парус из полотна, ветер, который гнал лодку, словно клок разбитой пены, вслед за убегающей Тенью.

Она обернулась и, описав полукруг, вдруг разом обмякла, потускнела и теперь уже не напоминала человека, а просто казалась столбиком дыма на ветру. Она отступила назад, а затем, подхлестываемая штормовым ветром, помчалась, видимо, куда-то к Гонту.

Пустив в ход ловкость рук и магию, Гед повернул лодку, и та, подпрыгивая, как выскакивающий из воды дельфин, завертелась от стремительности поворота. Он шел быстрее, чем прежде, но Тень была уже почти неразличима. Дождь, вперемежку с градом и снегом, больно жалил ему спину и левую щеку, и он ничего не видел впереди на расстоянии ста ярдов. Вскоре, когда шторм разыгрался сильнее, Тень совсем скрылась из виду. Но Гед не сомневался, что идет правильно по следу, словно это были звериные следы на снегу, а не колечки дыма над водой. И хотя ветер сейчас дул в его сторону, он продолжал

нагнетать воющий волшебный ветер, и хлопья пены отлетали от острого носа лодки, о который громко шлепала вода.

Долгое время охотник и жертва продолжали свой призрачный полет. День быстро клонился к концу, Гед знал по скорости продвижения, что они находятся недалеко от Спиви или Торхавена, к югу от Гонта, хотя, впрочем, быть может, они уже оставили позади эти острова и вышли в открытый Предел. Точно он не мог сказать. Но сейчас все это не имело значения. Главное — он охотился, он преследовал жертву, и страх бежал впереди него.

И вдруг он увидел Тень совсем близко. Ветер стих, и мокрая каша сменилась холодным клочковатым туманом, который сгущался все сильнее. Гед увидел Тень сквозь туман — она бежала справа от лодки. Гед заговорил ветер и парус, а затем повернул лодку и снова начал преследовать Тень, но, как и в прошлый раз, он действовал вслепую — туман быстро густел, клубился и рвался там, где на него налетал волшебный ветер. Он обволакивал все пространство вокруг лодки — безликая бледная пелена, убивающая свет и обзор впереди. Но не успел Гед произнести первое слово заклинания, чтобы очистить небо, как снова увидел

Тень — она все еще двигалась справа по ходу лодки, почти рядом, но двигалась очень медленно. Туман пробивался сквозь пустоту ее головы — она еще сохраняла какое-то подобие человеческого обличья, но уже деформированное, зыбкое, как человеческая тень. Гед еще раз переменил курс, считая, что враг повержен. И в эту минуту Тень исчезла, а лодка с размаху ударилась о скалы на мелководье, которые скрывал от глаз густой туман. Гед едва не вылетел из лодки, но удержался, схватившись за мачту перед следующим ударом волны. Волна была огромная — она выбросила маленькую лодку из воды, метнув ее на скалы, словно человек, которому ничего не стоит швырнуть и разбить раковину улитки.

Но волшебный посох, сделанный для Геда Огионом, остался целым и невредимым — на нем не было ни трещинки. Плавучий, как сухое бревно, он держался на поверхности воды. Гед не выпустил посох из рук, когда откатившаяся с мели волна потащила его за собой в море. Он снова был в глубокой воде, и до прихода следующей большой волны ему хотя бы не грозила опасность быть расплющенным о скалы. Соль разъедала ему глаза, вода не давала дышать, но он изо всех сил старался удержаться и проти-

востоять бешеному натиску моря. Неподалеку от скал был песчаный берег. Собрав последние силы, Гед с помощью волшебного посоха вступил в отчаянную борьбу с волнами и поплыл туда. Но ему никак не удавалось подойти к берегу: прибойные волны отбрасывали его, как тряпку, а холодная вода, поднимающаяся из глубины, лишила его тело последних остатков тепла, ослабив настолько, что он едва двигал руками. Теперь он уже не видел ни скал, ни берега и не знал, куда он плывет. Он видел только бурлящие потоки воды вокруг себя, под собой и над собой: они слепили, душили, топили его.

Волна, поднявшаяся из клочков тумана, подхватила и покатила его, а потом швырнула, как щепку, на песок.

Там он и остался лежать, крепко сжимая обеими руками посох. Мелкие волны били его и, отходя, пытались столкнуть обратно в море, затем его окутал туман, а вскоре начался дождь.

Прошло немало времени, прежде чем он наконец смог пошевелиться. С трудом приподнявшись, он на четвереньках пополз по берегу, подальше от кромки воды. Черная ночь опустилась на землю, но Гед что-то нашептал посоху, и загорелся кружок слабого света, который освещал

ему путь, когда он медленно передвигался в сторону дюн. Он промерз до костей и был настолько изранен и измучен, что каждое движение ползком по песку в кромешной тьме под свист бури казалось ему едва ли не самым тяжелым испытанием в жизни. Вдруг ему показалось, что стих громкий шум моря и ветра, а песок под его руками превратился в прах, он ощутил на спине немигающий взгляд каких-то незнакомых звезд. Но он не поднял головы и продолжал ползти и вскоре услышал свое неровное дыхание и почувствовал, как в лицо ему больно хлещет ветер с дождем.

Движение вернуло ему немного тепла, и он наконец дополз до дюн, где порывы мокрого ветра были не такими жестокими, и ему даже удалось подняться на ноги. Он заговорил посох, и тот засветился сильнее. Опираясь на посох, спотыкаясь и останавливаясь, он прошел около полумили в глубь острова. На гребне дюны Гед неожиданно услышал рокот моря, притом громкий, и шел этот рокот ему навстречу. Значит, это был не остров, а просто риф, песчаная отмель посреди океана.

Он был слишком изнурен, чтобы отчаиваться, — вконец растерянный, он всхлипнул, а затем долго стоял, опершись на посох. Потом он упрямо повернул влево, теперь ветер хотя бы дул ему в

спину. Кое-как он спустился с высокой дюны и стал искать ямку в припорошенной льдинками полегшей траве, где бы он мог хоть ненадолго укрыться. Когда он поднял голову и огляделся, сквозь круг магического света вдруг тускло мелькнула намокшая стена какого-то деревянного строения.

Это была бревенчатая хижина или, скорее, навес, небольшой, шаткий, будто его построил ребенок. Гед постучал посохом в низкую дверь. Она не отворилась. Тогда он толкнул ее и вошел, согнувшись почти вдвое. Он не мог выпрямиться и внутри хижины. Раскаленные угли потрескивали в очаге, возле которого в их неярком отсвете Гед увидел человека с длинными седыми волосами, в страхе прижавшегося к стене. Из-под кучи тряпья или шкур на полу выглядывал еще какой-то мужчина, а может быть, даже и женщина.

— Я не причиню вам зла, — тихо сказал Гед.

Обитатели хижины ничего не ответили, только переглянулись. В их глазах стоял ужас. Когда он опустил посох, человек под кучей тряпья захныкал и с головой зарылся в лохмотья. Гед сбросил плащ, набухший от воды и льда, потом стянул с себя остальную одежду и присел у очага.

— Дайте мне во что-нибудь завернуться, — ска-

зал он. Гед совсем охрип и едва мог говорить — его так колотило, что зуб на зуб не попадал. Его просьба осталась без ответа. Тогда юноша протянул руку и взял какую-то ветошь с кучи, служившей постелью. Когда-то, много лет назад, это, очевидно, была козья шкура, но она давно уже превратилась в драную грязную тряпку, перепачканную жиром. Человек под тряпьем испуганно застонал, но Гед, не обращая на это внимания, растерся досуха.

— У тебя есть дрова? — спросил он так же тихо. — Подложи немного в огонь, старик. Меня к тебе привела нужда. Я тебе ничего плохого не сделаю.

Старик не двигался и продолжал со страхом смотреть на Геда.

— Ты понимаешь, что я говорю? Ты не говоришь по-хардски?

Гед помолчал, а затем спросил:

— А на каргадском?

Услыхав слово «каргадский», старик сразу же кивнул, как печальная старая марионетка, которую дернули за веревочку, но, поскольку это было единственное слово из языка каргов, которое Гед знал, беседа на том и кончилась. Он нашел у стены вязанку дров, сам растопил очаг и жестами

попросил пить: он наглотался морской воды, и теперь его мутило и мучила жажда. Старик указал ему на гигантскую раковину, в которой хранилась вода, и подвинул к огню еще одну раковину с нарванными полосками вяленой рыбы. Гед, скрестив ноги, уселся у огня и, утолив жажду, немного поел. Когда к нему начали возвращаться силы и память, он задумался над тем, где он находится. Даже с помощью волшебного ветра он не мог бы попасть в Каргадские Земли. Этот островок, очевидно, находился уже в Открытом Море, восточнее Гонта, но западнее Карего-Ат. Казалось невероятным, что люди могут жить в таком заброшенном уголке, на крошечной песчаной отмели. Может, они потерпели кораблекрушение? Но он слишком устал и был не в состоянии ломать голову над ответом.

Он подержал перед огнем свой плащ. Серебристый мех высох быстро, и, как только слегка нагрелся верх из шерстяной ткани, Гед закутался в плащ и растянулся у очага.

— Давайте спать, бедняги, — сказал он молчавшим хозяевам и, не успев преклонить голову на песчаный пол, тут же заснул.

Три ночи он провел на безымянном острове. Проснувшись в первый день, он почувствовал,

что у него болят все мышцы и его лихорадит. Он пластом пролежал в хижине у очага весь первый день и ночь, и только на следующий день ему стало лучше, хотя ноги все еще были деревянные и ныли. Он натянул на себя свою задубевшую от соли одежду, так как воды, чтобы постирать ее, было мало.

Утром, серым и ветреным, он первый раз вышел из хижины и осмотрел место, куда завлекла его Тень.

Это была каменистая гряда, со всех сторон окаймленная скалами и мелями, чуть больше мили в длину и немногим меньше мили в самом широком месте. На ней не было ни деревьев, ни кустов, вообще никакой растительности, кроме полегшей от ветра армерии. Хижина стояла в углублении между дюнами, и старик со старухой жили здесь одни в пустынном море. Хижина была построена или, скорее, кое-как сложена из прибившихся к берегу бревен и веток. Воду они доставали из небольшого колодца. Питались моллюсками, свежими или сушеными, а также морским ершом. Рваные шкуры, которые Гед видел в лачуге и которые он принял за козьи, оказались шкурами пятнистого тюленя. Иглы, рыболовные крючки, лески для удочек и палочки

для добывания огня были сделаны из тюленьих жил. Похоже, что летом тюлени приплывали сюда выводить потомство. Но больше здесь никто не бывал. Старики боялись Геда не потому, что принимали его за духа, и не потому, что он был волшебник. Они боялись его потому, что он был человек. Они забыли, что в мире существуют еще какие-то люди.

Страх и угрюмое выражение так и не сошли с лица старика. И когда он думал, что Гед собирается дотронуться до него, он тут же ковылял прочь, беспокойно оглядываясь и хмуря брови. Сначала стоило Геду сделать хоть одно движение, как старуха начинала кряхтеть и прятаться в своей куче тряпья. Но он видел, как она подходила к нему, когда он лежал в лихорадке, и, сев на корточки, смотрела на него каким-то странным, унылым, тоскующим взглядом. Через некоторое время она принесла ему попить. А когда он сел для того, чтобы взять из ее рук раковину, она выронила ее от испуга и пролила всю воду, а потом плакала, утирая слезы длинными белесыми седыми волосами.

Она внимательно следила за работой Геда, когда он с помощью хозяйского грубого каменного тесла и магии мастерил лодку из бревен и досок

своего старого суденышка, выброшенного волной на берег. Это нельзя было назвать ни ремонтом, ни вытесыванием новой лодки, поскольку Геду не хватало дерева и он должен был без конца призывать на помощь волшебство. Старуху, однако, больше интересовала не его искуснейшая работа, а он сам. Пристроившись поблизости на берегу, она наблюдала за волшебником, не сводя с него тоскующего взгляда. Через некоторое время она ушла и вернулась с подарком — горсточкой устриц, собранных ею на скалах. Старуха протянула их ему, они были соленые и пахли морем. Он все съел и поблагодарил ее. Осмелев, она пошла в хижину и принесла какой-то сверток, обмотанный тряпкой. Не спуская глаз с его лица, она робким движением развернула сверток и протянула его Геду.

Это было детское платьице из шелковой парчи, расшитой жемчугом. Оно все было в пятнах и пожелтело от времени. На маленьком лифе жемчужинками был вышит герб, который Геду был знаком: обоюдоострая стрела Святых Братьев Каргадской Империи, увенчанная королевской короной.

Старая женщина, морщинистая, грязная, одетая в кое-как сшитый мешок из тюленьих шкур, паль-

цем показала на маленькое шелковое платьице, а потом на себя. И улыбнулась трогательной беззащитной улыбкой, как крошечный ребенок. Она извлекла из подола юбки какой-то предмет и протянула его Геду. Это был кусочек темного металла, возможно, деталь украшения или половинка ломаного колечка. Старуха жестами дала Геду понять, что просит взять этот предмет, и, когда он согласился, она радостно закивала и снова заулыбалась. Это был ее подарок. Платье она аккуратно завернула в грязную засаленную тряпку и, с трудом волоча ноги, унесла в хижину, чтобы спрятать драгоценность подальше.

Гед опустил поломанное колечко в карман рубахи почти с такой же бережностью, с какой с ним обращалась старуха; сердце его переполняла жалость. Ему пришла в голову догадка, что эти двое людей могли быть детьми из какого-нибудь царского дома. Тиран или узурпатор, который боялся пролить царскую кровь, отправил их в изгнание, где им оставалось только выжить или умереть вдали от Карего-Ат, на маленьком острове, которого нет на карте. Мальчику, очевидно, было лет восемь или десять, а маленькая пухленькая принцесса в платье из шелка и жемчуга была совсем крошкой. И так они прожили

в полном одиночестве все сорок или даже пятьдесят лет на скале в океане, принц и принцесса Забытого Мира.

Но справедлива ли его догадка, ему суждено было узнать лишь через много лет, когда поиски кольца Эрет-Акбе привели его в Каргадские Земли и к Гробнице Атуана.

На третье утро Геда встретил тихий бледный рассвет. Это был день Солнцеворота — самый короткий день в году. Его лодчонка, сработанная из дерева и магии, остатков досок и волшебства, была готова. Он попытался сказать старикам, что отвезет их на какой-нибудь остров, в Гонт, Спиви или же на Ториклы. Он с радостью высадил бы их даже на каком-нибудь пустынном берегу Карего-Ат, попроси они его об этом, хотя в Каргадские воды жителям Архипелага входить было небезопасно. Но они явно не хотели покидать свой пустынный остров. Старуха, очевидно, не понимала, что Гед пытается сказать своими жестами и тихим голосом, но старик понял и отказался. В его памяти об иных землях и людях, очевидно, остался лишь детский кошмар — кровь, великаны, вопли.

В то утро Гед наполнил колодезной водой бурдюк из тюленьей шкуры, и, поскольку он не мог

отблагодарить стариков за очаг и пищу и у него не было подарка для старой женщины, какой бы он хотел ей подарить, он сделал для них то, что мог, — заколдовал их солоноватый ненадежный источник. Вода поднялась, пройдя через песок, сладкая и чистая, как из горного ключа на вершине Гонта, и больше не ушла из колодца. Благодаря этому крошечный кусочек земли с дюнами и скалами теперь обозначен на карте и получил имя. Моряки зовут его Остров Ключевой Воды. Но хижины там больше нет, а штормы за много зим уничтожили следы тех двоих, которые прожили здесь жизнь и умерли в одиночестве.

Они забились в хижину, будто боялись взглянуть, как Гед выводит лодку из-за южной оконечности острова. Он подождал, пока легкий ветерок с севера надует волшебный парус, а затем быстро двинулся вперед.

Какая странная эта была охота; он, охотник, не знал даже, за кем он охотится и где, в какой части Земномо-рья, находится преследуемая им жертва. Ему предстояло ее выслеживать, пользуясь догадкой, интуицией, удачей, точно так же, как она выслеживала его. Они, как слепые, не видели друг друга. Геда вводила в заблуждение любая тень, а Тень, в свою очередь, вводил в

заблуждение дневной свет и твердые предметы. В одном только Гед не сомневался: сейчас он был охотником, а не жертвой. Тень, хитростью заманив его на скалы, могла бы заполучить его в свою полную власть, когда он, полумертвый, лежал на берегу и блуждал в кромешной тьме по дюнам в бурю, но она не воспользовалась этой возможностью. Она заманила его и тут же убежала, не смея взглянуть ему в лицо. И в этом он усмотрел правоту слов Огиона о том, что Тень не может отнять у него силу, пока он борется с ней. Именно поэтому он должен продолжать охоту и не сдаваться, несмотря на то что след ее затерялся в бескрайнем морском просторе. Не было никого, кто мог бы сказать ему, куда она скрылась. Разве что ему повезет и ветер подует в южном направлении, или же вдруг его осенит смутная догадка о том, где ее следует искать: на юге или на востоке.

Незадолго до полуночи он увидел слева длинную, едва очерченную береговую линию большой земли, это, очевидно, был Карего-Ат, который находится в самом центре морских дорог этих белолицых варваров. Он все время смотрел, не появится ли каргадский корабль или галера. Когда Гед плыл навстречу красному предзакатному

вечеру, он вспомнил свое детство, и деревню Олынанники, и то утро, и воинов в шлемах с перьями, и пожар, и туман. И, думая об этом дне, он вдруг с досадой в сердце понял, что Тень перехитрила его, использовав его же трюк, и напустила туман в море, такой же, как и в его далеком детстве, — и благодаря этому усыпила его бдительность, одурачила его, и лишь по воле случая он остался в живых.

Он продолжал идти на юго-восток, земля скрылась из виду, когда ночь объяла восточный край мира. Волны у основания были заполнены тьмой, тогда как их гребни все еще светились красным отраженным отсветом с запада. Гед громко пел Зимний Праздничный Гимн, а также отрывки, которые он помнил из «Деяний Молодого Царя», так как именно эти песни поют во время Праздника Солнцеворота. Голос у него был ясный, но он пропадал втуне в беспредельном молчании моря. Быстро надвигалась темнота, и одна за другой загорались зимние звезды.

Гед бодрствовал всю эту самую длинную ночь в году, глядя, как слева поднимаются звезды и, проплыв у него над головой, справа погружаются в черную пучину, а тем временем затяжные порывы ветра относили лодку к югу. Он иногда

засыпал на какое-то мгновение, но тут же испуганно пробуждался. Он плыл на лодке, которую и назвать-то лодкой нельзя, так как наполовину она была создана магией и колдовством и только часть ее составляли доски и бревна. Ослабь он чары, сохраняющие их форму и слаженность, они тут же развалились бы, рассыпались и поплыли по волнам, словно обломки кораблекрушения. Если бы он заснул, парус, сотканный волшебством из воздуха, тоже долго не устоял бы против натиска бури и исчез бы, как дуновение ветерка. Магия Геда была сильной и действенной, но слишком уж мал был предмет колдовства, и потому приходилось постоянно возобновлять его и из-за этого не спать всю ночь. Куда быстрее и проще ему было бы двигаться, обернись он соколом или дельфином, но Огион не советовал ему менять облик, а он знал, что Огион зря советов не дает. Итак, он плыл на юг под сенью бегущих на запад звезд. Ночь тянулась бесконечно долго, пока наконец не забрезжил первый день нового года.

Вскоре после восхода солнца он увидел впереди землю, но продвигался он к ней медленно. Природный ветер на рассвете утих. Гед вдохнул в парус легкий магический ветерок для того, чтобы дотянуть лодку до берега. При виде земли к нему

снова вернулся страх, леденящий душу ужас, побуждающий его повернуться и бежать без оглядки. Но он, влекомый страхом, поступил как охотник, который идет по следу, оставленному широкими, загнутыми внутрь когтями медведя — знак, что зверь в любой момент может выскочить на него из чащи. Он был теперь совсем близко, Гед это чувствовал.

Чем ближе он подходил к смутно маячившей за морем земле, тем больше дивился ее виду. То, что издали казалось скалистой стеной гор, вблизи превратилось в несколько длинных крутых хребтов или даже, может быть, отдельных островов, разделенных узкими проливами или каналами. Гед немало корпел над морскими картами и таблицами в Башне Магистра Именований, но в основном это были карты Архипелага и внутренних морей. Сейчас он находился за Архипелагом, в Восточном Пределе, и даже представить себе не мог, что это за остров. Впрочем, это не очень его заботило. Впереди его ждал ужас — он скрывался от него или, напротив, подкарауливал его на склонах и в лесах острова, и Гед без оглядки шел ему навстречу.

Теперь темные, на вершинах поросшие лесами утесы мрачно высились над его лодкой, и брыз-

ги от волн, разбивающихся о скалистый берег, окатывали парус, пока волшебный ветер загонял лодку в пролив между двумя мысами, на морскую дорожку шириной примерно в две галеры, которая вела далеко в глубь острова. Море, попав в шоры, роптало у крутых берегов. Пляжей нигде не было, так как утесы отвесно обрывались в воду, холодную и темную от их отражения. Было безветренно и очень тихо.

Тень хитростью заманила его на пустошь на Осскиле, затем на скалы в тумане. И не был ли это еще один хитрый трюк с ее стороны? И не загнал ли он ее — или она его — в ловушку? Это было ему неведомо. Ведомы ему были только мучительный страх и уверенность, что он должен идти вперед и исполнить то, что ему суждено: выследить зло и дойти до самых истоков своего страха. Он осторожно вел лодку, беспрестанно оглядывая все окрест — воду впереди и сзади, высокие утесы с обеих сторон. Солнце народившегося дня осталось в Открытом Море за его спиной. Здесь было темно. Когда он оглядывался, просвет между мысами казался сверкающими вратами где-то уже далеко позади. Утесы над ним становились все выше, а морская дорожка между тем все сужалась. Он всматривался то в темную расщелину,

то в теснящиеся слева и справа горные склоны с нагромождениями выщербленных валунов и торчащими в воздухе корнями перекореженных деревьев. Ничто вокруг не шевелилось. Теперь он приближался к концу фиорда, к громаде скал в выбоинах и морщинах, у которых в узкой, с небольшой ручей, полосе воды мирно плескались волны. Обрушившиеся валуны, гнилые стволы и корни изглоданных деревьев почти не оставили места для прохода. Ловушка! Темная ловушка у подножия молчащей горы. И он попался в ловушку! Не слышно ни шороха — ни впереди, ни наверху над ним. Повсюду мертвая тишина. Двигаться дальше было некуда.

Гед начал осторожно поворачивать лодку, помогая себе магией и самодельным веслом для того, чтобы она не ударилась о подводные скалы и не запуталась в торчащих корнях и ветвях. Он повернул ее вокруг оси и уже готов был вызвать ветер и плыть обратно, откуда пришел, как вдруг слова заклинания застыли у него на губах и все внутри похолодело от ужаса. Он поглядел через плечо — Тень стояла за ним в лодке.

Замешкайся он хоть на мгновение, все было бы кончено. Но он был готов броситься, схватить, сжать эту нечисть, которая теперь двигалась и

дрожала на расстоянии вытянутой руки от него.

Волшебство сейчас было бесполезно: с нежитью он должен был расквитаться своей плотью или даже жизнью. Он не произнес ни звука и сразу же напал на Тень: лодка то погружалась, то подскакивала вверх, когда он неожиданно поворачивался или делал выпады. Боль, начавшись в ладони, поднялась по руке и пронзила грудь так, что у него перехватило дыхание, его забил озноб и он перестал видеть, а в руке, схватившей Тень, ничего не было, ничего, кроме… мрака и воздуха.

Пошатнувшись, он сделал шаг и ухватился за мачту, чтобы не упасть. Свет вернулся, и он увидел, как Тень дернулась в сторону, сжалась, а потом, растянувшись во всю ширь, на мгновение нависла над ним. А затем, как черный дым на ветру, она отскочила и побежала по воде к сверкающим воротам между утесами.

Гед рухнул на колени. Маленькая, латанная волшебством лодка снова подпрыгнула, покачалась, затем успокоилась и поплыла на растревоженных волнах. Так он сидел, поникший, закоченелый, без единой мысли в голове, борясь с одышкой, пока просочившаяся холодная вода не подобралась к нему и не напомнила о том,

что пора заняться лодкой, так как скрепляющая ее магия слабеет. Он встал и, держась за посох, служивший ему мачтой, стал тщательно ткать волшебную паутину. Он замерз и ослабел, руки болели, и сил не было. Ему хотелось лишь одного: лечь прямо здесь, в этом мраке, где встретились море и горы, и спать, спать на беспокойных качающихся волнах.

Он не мог понять, откуда взялась слабость, — то ли Тень, убегая, наслала на него колдовские чары, то ли это следствие ее ледяного прикосновения, или же просто голод, недостаток сна и перенапряжение. Но он переборол слабость, заставил себя наполнить парус легким волшебным ветром и поплыл по темному морскому проходу, через который бежала Тень.

Страх ушел. Но ушла и радость. Охота кончилась. Теперь не было ни охотника, ни жертвы. Это была их третья встреча. Он по своей воле напал на Тень и попытался схватить ее голыми руками. Он не удержал ее, но зато скрепил их союз, установил связующее звено, которое не имеет точки разрыва. Теперь не нужно было охотиться за Тенью и выслеживать ее. И когда настанет время и будет назначено место их последней встречи, они непременно встретятся.

Но до этого времени Геду нигде не будет покоя ни днем, ни ночью, ни на суше, ни на море. Он теперь знал, и знал твердо, что возложенная на него задача состоит не в том, чтобы исправить когда-то содеянное, а в том, чтобы завершить начатое.

Он вышел из залива, проплыв между темными утесами. На море его встретило солнечное яркое утро и добрый ветер, дующий с севера.

Он допил воду, которая оставалась в бурдюке из тюленьей кожи, и повел лодку вокруг западного мыса. Он плыл, пока не вошел в широкий пролив между мысом и еще одним островом на западной стороне. Он узнал это место, восстановив в памяти морские карты Восточного Предела. Это были Пясти, два уединенных острова, протягивающих свои каменные пальцы к Каргаду. Он прошел между двумя островами, но, когда во второй половине дня небо затянуло штормовыми облаками, он высадился на берег, на южный берег оконечности западного острова. Он еще издали увидел там деревушку прямо над пляжем, в месте, где бурная речка низвергается в море. Ему было все равно, как его встретят, лишь бы дали попить и разрешили погреться у очага и выспаться.

Жители деревушки были люди грубоватые и

боязливые, они с почтительным страхом смотрели на посох волшебника, в то же время не совсем доверяя чужаку. Однако не в их правилах было отказать в гостеприимстве человеку, который в одинокой лодке пересек море и пришел к ним укрыться от шторма. Они дали ему вдоволь еды и питья, и он мог насладиться теплом очага и людских голосов, говоривших на его родном хардском наречии. А главное, они согрели для него воду, и он смыл с себя холод и морскую соль и лег спать в приготовленную для него постель.

9. Иффиш

Гед прожил три дня в деревне на Западной Пясти: он постепенно приходил в себя и готовил для похода лодку, на сей раз сколоченную не из магии и обломков, а из крепкого дерева, хорошо сбитую и заклепанную, с прочной мачтой и настоящим парусом, так что на ней можно было плыть без забот и спать, когда позволяют обстоятельства. Как и большинство лодок на Севере и в Пределах, она была обшита, как шлюп, наложенными одна на другую досками, на случай большой волны. Все части ее для крепости были ладно и тщательно сработаны. Гед для надежности укрепил лодку магией, которая имела длительное действие, так как знал, что ему еще предстоят далекие путешествия. Лодка была рассчитана на двух или даже на трех человек, и старик, ее владелец, сказал, что его братья ходили на ней в ненастную погоду и что она с честью все выдержала.

В отличие от расчетливого гонтского рыбака, старик, из благоговейного страха перед колдовской силой, согласился отдать Геду лодку даром. Но Гед расплатился с ним так, как принято у

волшебников, — он исцелил его от катаракты, грозившей ему полной слепотой. Старик на радостях сказал:

— Мы дали этой лодке имя «Чудная», а ты переименуй ее и назови «Ясновидец». Нарисуй глаза с двух сторон на носу, и моя благодарность будет глядеть на тебя из этого слепого дерева и убережет тебя от скал и рифов. Я забыл, сколько света в мире, пока ты мне его не вернул.

Гед в те дни, что он провел в деревне под крутыми лесистыми склонами Пясти, даром времени не терял, так как к нему снова вернулась его волшебная сила. Здешние люди напоминали ему жителей Северной Долины на Гонте, к которым он привык в детстве, но только были еще беднее. С ними он чувствовал себя легко и свободно, как никогда не мог бы чувствовать при дворах богатой знати. Ему не нужно было их ни о чем расспрашивать, он и так знал все их нужды. Поэтому он наводил волшебство для того, чтобы исцелить и уберечь хромых и слабых здоровьем детишек или же увеличить жалкое поголовье крестьянских овец и коз. Он мерил древней руной Силен веретена и ткацкие станки, лодочные весла, бронзовые и каменные орудия — все, что островитяне приносили ему. На стропильной

балке хижин он рисовал руну Пирр, предохраняющую дома и их обитателей от пожара, ветра и сумасшествия.

Когда судно «Ясновидец» было готово и Гед перенес на него запас воды и сухой рыбы, он еще на день остался в деревне для того, чтобы научить молодого деревенского барда петь «Деяния Морреда» и «Хав-норскую балладу». Суда с Архипелага крайне редко заходят на Пясти: песни, сложенные сто лет назад, были неизвестны жителям деревни, и они жал<дали услышать о подвигах героев. Будь Гед свободен от обязательств, которые тяжким грузом давили на него, он с радостью остался бы здесь еще на неделю или даже на месяц и спел все песни, которые знал, чтобы познакомить с ними еще один остров. Но он не был свободен и поэтому на следующее утро поставил парус и двинулся по широким просторам Предела прямо на юг, так как на юг ушла Тень. Он был уверен, что ему больше не придется искать ее с помощью магии и что она отыщется сама; независимо от того, сколько миль, морей и земель разделяет их, они связаны одной вьющейся веревочкой. Понимая тщетность своих усилий, Гед неторопливо отправился в путь, идти которым было ему суждено, а зимний ветер гнал его к югу.

Он плыл день и ночь по пустынному морю и на второй день подошел к островку, который, насколько ему было известно, звался Вемиш. Жители маленького порта смотрели на него с каким-то недоверием, а вскоре, запыхавшись, прибежал местный колдун. Он пристально поглядел на Геда, затем, поклонившись, произнес голосом, в котором сочетались высокопарность и угодливость:

— Господин Волшебник, прости мне мою смелость, но я хочу просить тебя оказать нам честь и принять от нас все, что тебе может понадобиться во время путешествия: еду, питье, парусное полотно, канат. Моя дочь сейчас понесла тебе в лодку связку только что изжаренных кур. Мне кажется, было бы всего разумнее продолжить путь, как только ты сочтешь это для себя удобным. Люди встревожены. Совсем недавно, не далее как позавчера, они видели, как некая персона пересекла пешим ходом наш ничем не примечательный остров с севера на юг, но никто не видел, как она сошла на берег и как села в лодку. Люди заметили, что она не отбрасывала тени. И те, кто наблюдал эту персону, говорят, что она имела сходство с тобой.

Услышав это известие, Гед низко опустил го-

лову, повернулся и направился прямо на пирс, откуда тут же отплыл, ни разу не оглянувшись. Какой смысл пугать островитян или наживать себе врага в лице колдуна? Лучше уж он будет снова спать на море и сможет спокойно обдумать новость, которую сообщил ему колдун и которая немало его озадачила.

День кончился, и на ночь глядя полил холодный дождь, который шелестел в темноте и все еще продолжался, когда пришел серый рассвет. Однако легкий северный ветер гнал «Ясновидца» вперед. После полудня дождь и туман унесло, небо стало светлеть. Чуть позже Гед увидел на траверзе низкие синие холмы большого острова, освещенные неверным зимним солнцем. Голубой дым от очагов стоял над шиферными крышами лежащих среди гор городков.

Эта картина, возникшая на фоне бесконечного однообразия моря, радовала глаз.

В хвосте небольшой рыболовной флотилии Гед вошел в порт и золотым зимним вечером стал подниматься вверх по улицам городка. Он нашел гостиницу под названием «Харреки», где горящий очаг, пиво и жареные бараньи ребрышки согрели его тело и душу. За столом сидели еще двое путешественников, торговцев из Восточного

Предела, но все же большинство мужчин были местными жителями, они пришли сюда выпить хорошего пива, услышать новости и поговорить с друзьями. Это был настоящий городской народ, сметливый и степенный, не чета забитым, неотесанным рыбакам с Пястей. Они, конечно, сразу же распознали в Геде волшебника, но никто об этом словом не обмолвился, за исключением хозяина, который в разговоре _ а он был человек разговорчивый — упомянул о том, что их городу Исмею повезло, впрочем, как и другим городам острова, так как у них есть бесценное сокровище, искусный волшебник, который прошел обучение в Школе на Роке и посох свой получил от самого Верховного Мага, и живет он — правда, его сейчас нет в городе — в старом фамильном доме своих предков здесь, в Исмее, поэтому у них нет потребности в другом служителе Высокого Искусства. «Есть поговорка: два посоха в одном городе — драки не миновать», добавил хозяин и весело рассмеялся.

Геду было ясно, что в качестве волшебника, добывающего колдовством пропитание, он здесь не нужен. Итак, от ворот поворот на Вемише, а теперь и здесь, в Исмее. Он невольно задумался, справедлива ли молва и так ли уж добры и бла-

гожелательны жители Восточного Предела. Это был остров Иффиш, родина его друга Вика. Однако он не показался Геду таким гостеприимным, как рассказывал о нем Вик.

Но все же он не мог не признать, что лица у людей были совсем не злые. Просто они почувствовали все, как было на самом деле, а именно то, что он отверженный, отринутый, что он носит на себе печать обреченности и ему суждено гоняться за темной нечистью. Он был для них как бы холодным ветром, задувающим в комнате, где ярко горит камин, черной птицей, занесенной бурей из какой-то чужой страны. И чем скорее он со своей дурной судьбой отправится дальше в путь, тем лучше будет для здешних людей.

— Я сейчас занят поисками, — сказал Гед хозяину гостиницы. — Больше чем на два дня я у вас не задержусь. — Голос при этом у него был невеселый.

Хозяин, взглянув на высоченный тисовый посох, ничего не сказал и только долил ему в кружку пива, так что пена потекла через край.

Гед решил, что переночует в Исмее всего одну ночь. Никто и нигде не был ему рад. Волшебнику ничего не оставалось, как следовать предначертанным ему путем. Он говорил себе, что больше

чем на день не задержится в Исмее и утром уедет.

Он долго спал. Когда он проснулся, падал легкий снежок, и он вышел побродить по узким улочкам и пустым проулкам городка, смотрел на людей, на детей в меховых капюшонах, которые играли около снежных замков и лепили снеговиков. Через открытые двери домов до него долетали обрывки разговоров и сплетен; он постоял возле кузни и посмотрел, как работает кузнец и как, обливаясь потом, весь красный, раздувает мехи у плавильни молодой парнишка. Когда стало темнеть и кончился короткий день, он сквозь окна, освещенные изнутри неярким красновато-золотым светом, видел женщин, сидящих за ткацкими станками; улучив минуту, они поворачивались, чтобы что-то сказать или улыбнуться ребенку или мужу в теплой уютной комнате. Гед смотрел на все это, ощущая свою непричастность и свое одиночество. На сердце у него было тяжело, но он ни за что не признался бы себе, что ему грустно.

Надвигалась ночь, а он все ходил по улицам так ему не хотелось возвращаться в гостиницу. Мимо него по направлению к городской площади, о чем-то весело переговариваясь, прошли мужчи-

на и девушка. Он резко обернулся, так как узнал голос мужчины. Он пошел за ними и, поравнявшись, остановился, тусклый свет фонаря падал ему на лицо. Девушка отшатнулась, а мужчина пристально поглядел на Геда, а потом поднял посох и выставил, как барьер, между ними, чтобы отвратить опасность или злой умысел. Это было уже слишком.

— Ты что, не узнал меня? — спросил Гед. Голос его дрожал.

Но и после этого Вик все еще колебался.

— Я тебя узнал, — ответил он, опуская посох. Он схватил Геда за руку, потом обнял за плечи. — Конечно же я тебя узнал. Добро пожаловать, дружище, добро пожаловать. Как недостойно я тебя встретил, будто ты призрак, возникший неизвестно откуда. А я ведь все это время ждал тебя, даже искал.

— Значит, ты и есть тот самый волшебник, которым так хвастаются в Исмее. Я еще удивился…

— Да, я их волшебник. Но послушай, дружище, сперва я хочу рассказать, почему я не узнал тебя. Может быть, я переусердствовал, пока тебя искал… три дня назад… Ты был здесь три дня назад?

— Я приехал вчера.

— Три дня назад на улице в Кворе — это такая деревня в горах — я увидел тебя. Скорее, это был не ты, а нечто, напоминающее тебя, какой-то слепок с тебя или просто человек, похожий на тебя. Он шел впереди меня по дороге из города, а затем на моих глазах круто повернул. Я позвал его, но он не откликнулся. Я пошел за ним, а он исчез, притом не оставив следов. Правда, земля, по которой он ступал, замерзла. Все это было очень странно, и поэтому, завидев тебя, когда ты возник передо мной из тени, я подумал, что это снова обман. Прости меня, Гед. — Он очень тихо произнес настоящее имя друга, так, чтобы его не могла расслышать стоящая за его спиной девушка.

И Гед ответил ему так же тихо:

— Пустяки, Эстарриоль, на сей раз это я, и я рад тебя видеть…

Вик, очевидно, услышал в его голосе, помимо радости, какие-то грустные нотки. По-прежнему не снимая руки с плеч Геда, он сказал, теперь уже на Тайноречье:

— С бедой ли, из тьмы ли ты пришел, не имеет значения. Для меня твой приход большая радость. — Затем он продолжал уже по-хардски, с акцентом жителя Предела: — Пошли с нами. Мы

идем домой. Пора выбраться из этого мрака. А это моя сестра, самая младшенькая, но не самая умная. Ее зовут Арника. А это Ястреб, он лучше всех на свете, и он мой друг.

— Здравствуй, господин Волшебник, — приветствовала его девушка. Она чинно наклонила голову и закрыла руками глаза в знак почтения, как это делают женщины в Восточном Пределе. Когда она отняла руки от лица и застенчиво посмотрела на Геда, взгляд ее был ясный и в нем светилось любопытство. На вид ей было лет четырнадцать. Смуглолицая, как и брат, но очень стройная и тоненькая. На рукаве у нее висел, крепко вцепившись в него, дракон с крыльями, когти его были размером с ее ладошку.

Они все вместе пошли по темной улице. Гед сказал:

— На Гонте считают, что гонтские женщины самые храбрые, но я никогда не встречал девушку, которая вместо браслета носит на руке дракона.

Его слова рассмешили Арнику.

— Это ведь харреки. Разве на Гонте у вас нет хар-реки? — сказала она, но тут же оробела и опустила глаза.

— Нет. И драконов тоже нет. А это существо не дракон?

— Маленький дракончик. Он живет на дубе и ест червяков и воробьиные яйца… Он уже больше не будет расти. Господин, мне брат часто рассказывал о вашем любимце, диком зверьке отаке. Он все еще живет у тебя?

— Его больше нет.

Вик повернулся к Геду, готовый задать вопрос, но осекся и ни о чем его не расспрашивал, пока они, оставшись вдвоем, не устроились у каменного очага в доме Вика.

И хотя Вик был Главным волшебником всего острова Иффиш, поселился он в Исмее, городке, где родился. Он жил там с младшей сестрой и братом. Отец его был купцом, промышлявшим морем, человеком состоятельным, а потому и дом был просторный, сложенный из крепких балок. Семейные реликвии — керамика, бронзовые и медные корабли и лодки — были расставлены на резных полках и сундуках. Большая Таонийская арфа стояла в одном углу гостиной, а станок Арники для вышивания — в другом. Высокая рама станка была богато инкрустирована слоновой костью. Здесь, в своем доме, Вик, всегда такой простой и уравновешенный, был могущественным волшебником и полновластным хозяином. Жили здесь еще двое старых слуг, супружеская

пара, благоденствующая в этом благополучном доме, брат Вика, жизнерадостный паренек, и Арника, проворная и молчаливая, как маленькая рыбка. Она накормила друзей ужином и сама поужинала с ними, внимательно прислушиваясь к их разговору, а потом тихо скользнула к себе.

Все в этом доме было основательным, мирным и надежным, и Гед, оглядев комнату, освещенную пламенем очага, сказал, вздохнув:

— Так и должны жить люди.

— Да, это один из путей. Но есть и другие, — ответил Вик. — Ну, а теперь, дружище, расскажи мне, что происходило с тобой с тех пор, как мы в последний раз разговаривали два года назад. И расскажи мне, что это за путешествие и куда ты спешишь. Я вижу, что на этот раз ты у нас долго не задержишься.

Гед начал свой рассказ, и, когда закончил, Вик еще долго сидел, погрузившись в размышления.

— Я еду с тобой, Гед, — сказал он наконец.

— Нет.

— А я решил, что поеду.

— Нет, Эстарриоль. Это моя судьба и моя погибель. Я сам ступил на этот темный путь. И я один должен его завершить. Я не хочу, чтобы кто-то, а меньше всех ты, страдал из-за меня, ты, который

пытался удержать меня от дурного поступка.

— Гордыня всегда была твоей путеводной звездой, — улыбнувшись, сказал его друг, будто речь шла о каких-то незначительных вещах. — А теперь подумай хорошенько. Искать ее ты, безусловно, должен сам, но, если эти поиски не увенчаются успехом, кто-то ведь должен будет предупредить Архипелаг. Тень в этом случае станет опасной силой. Ну, а если ты одержишь победу, опять же кто-то должен поведать об этом Архипелагу, с тем чтобы о твоем Деянии узнали и оно было воспето. Я понимаю, от меня толку тебе мало, но все же, мне кажется, я должен поехать с тобой.

После таких увещеваний Гед не мог отвергнуть помощь друга. Однако он сказал:

— Надо было мне сразу же уехать. Я это знал, но все-таки остался.

— Волшебники встречаются не случайно, дружище, — ответил Вик. — Помимо всего прочего, как ты сам сказал, я был с тобой в начале этого путешествия и теперь должен дойти до конца.

Он подложил дров в очаг, и они молча сидели, глядя в огонь.

— Есть человек, о котором я ничего не слыхал с той ночи на Рокском Холме, а расспрашивать

кого-нибудь из наших сотоварищей по Школе у меня не хватило духу. Я говорю о Яшме.

— Он так и не получил посоха. Тогда же летом он покинул Рок и уехал на остров Оу служить волшебником при дворе правителя в Оу-Токне. Больше я о нем ничего не знаю.

Они снова погрузились в молчание, глядя, как горят поленья, и наслаждаясь теплом, столь редким такой глубокой ночью. Они сидели на каменной доске у плиты, и ступни их почти касались углей, жар от которых согревал ноги и лицо.

— Одно обстоятельство повергает меня в ужас, — тихо сказал Гед. — И от того, что ты будешь со мной, страх этот только возрастает. Там, на Пястах, когда я дошел до каменного завала в конце пролива, я обернулся и увидел Тень. Она стояла за моей спиной, и я схватил ее, вернее, пытался схватить. Но оказалось, что я держу в руках пустоту. Я не мог сразиться с ней. Она убежала, а я пошел по ее следу. И все это может повториться снова и снова. У меня нет над ней власти. Поиски могут ничем не кончиться, не будет ни победителей, ни побежденных. Воспевать будет нечего. Не будет конца. И может случиться, что я всю жизнь буду бороздить моря и сушу в бесплодных

попытках отыскать Тень.

— Изыди! — сказал Вик и махнул в сторону левой рукой — этот жест должен был не позволить свершиться злу, о котором упоминалось в разговоре.

Гед невольно улыбнулся, несмотря на всю мрачность одолевавших его мыслей. Скорее это было заклинание ребенка, не волшебника, но Вик на всю жизнь сохранил наивность деревенского жителя. Вместе с тем у него был живой, острый ум, способный проникать в самое сердце вещей.

— Ужасно жить с этой мыслью, — сказал он. — Надеюсь все же, что она неверна. Я видел, как все началось, и мне представляется, что я могу предсказать конец. Постепенно ты постигнешь природу и суть этого существа, поймешь, что оно собой представляет, и тогда ты сможешь удержать его, не дать ему уйти. И победишь. Хотя это сложная задача — узнать, что это такое… Одно мне непонятно и беспокоит меня. Тень, очевидно, сейчас приняла твое обличье, по крайней мере, она чем-то напоминает тебя, это заметили на Ве-мише, и это видел я здесь, на Иффише. Как это могло случиться? Ради чего? Почему ничего подобного не происходило на Архипелаге? Говорят-де, что в Пределах правило есть правило,

да не то правило. Это верная поговорка, уж я-то знаю. Я выучил немало прекрасных магических формул на Роке, которые здесь не имеют силы или же действуют вкривь и вкось. И наоборот, есть местное волшебство, о котором на Роке я никогда не слыхал. Каждая страна имеет собственную магию, и чем дальше от Внутренних Земель, тем меньше знаешь, как сработает та или иная сила и как с ней совладать. Но я не думаю, что это единственная причина, заставляющая Тень менять свой облик.

— И я не думаю. Мне кажется, что, когда я перестал бегать от нее и начал наступать, моя воля, направленная на Тень, определила ее форму и облик, хотя, как ни странно, именно это помешало ей отнять у меня магическую силу. Все мои действия эхом отзываются в ней. Это существо неотъемлемо от меня.

— В Осскиле она назвала твое имя и лишила тебя возможности использовать против нее волшебство. Так почему же она не сделала этого на Пясти?

— Не знаю. Быть может, минуты моей слабости дают ей силу говорить. Она разговаривает моим языком. А иначе как бы она узнала мое имя? Я ломал над этим, голову с тех пор, как уехал из

Гонта, но ответа так и не нашел. Может быть, она вообще не умеет разговаривать, когда она в моем обличье, или она вообще не имеет формы. Она может говорить, только заимствуя язык, как гебет. Право, не знаю, что и думать.

— Значит, ты должен остерегаться встречи с ней, когда она второй раз попадется тебе в виде гебета.

— Уверен, теперь она не посмеет. — Гед вытянул руки над догорающими углями, чтобы согреться, так как вдруг почувствовал озноб. — Она теперь как бы связана со мной одной веревочкой. И уже не может освободиться от меня для того, чтобы схватить кого-то другого, лишить его воли и жизни, как Скйорха. Теперь ей нужен только я. Если я снова дам слабину и попытаюсь уклониться от встречи и тем самым нарушу связь, она завладеет мной. И все же, когда я изо всех сил старался удержать ее, она превратилась в туман и ушла от меня… И так будет еще не раз, но при этом она не может совсем уйти, я все равно найду ее. Я связан с гнусной, жестокой тварью, и эта связь будет длиться вечно, если я не узнаю заветное слово, которое заставит ее подчиниться мне, не узнаю ее имени.

Подумав немного, Вик спросил:

— А есть ли вообще имена в темном царстве?

— Геншер, Верховный Маг, сказал, что нет. А мой учитель Огион считает иначе.

— «Споры магов конца не имеют», — процитировал Вик и грустно усмехнулся.

— Та, что служила Старым Силам на Осскиле, клялась, что Камень назовет мне имя Тени, но я не придал значения ее словам. Есть еще дракон — чтобы избавиться от меня, он предлагал выдать мне имя даром. Я тогда подумал, что там, где маги затевают споры, драконы могут оказаться мудрыми.

— Мудрыми, но недобрыми. А что это еще за дракон? Ты мне не рассказывал о том, что беседовал с драконом после того, как мы расстались.

Они еще долго говорили в эту ночь, постоянно возвращаясь к тому, что ждет Геда впереди. Но их переполняла радость встречи, так как их дружба была крепкой и надежной и поколебать ее не могли ни время, ни обстоятельства. Утром Гед проснулся под крышей друга, и, пока он лежал, отходя от сна, на душе у него было хорошо и спокойно, будто он наконец попал туда, где был огражден от зла и опасности. И воспоминание об этих мирных утренних грезах наяву не оставляло его весь день — он воспринял это не только как

добрый знак, но как подарок. И ему казалось, что, покидая этот дом, он покидал последнюю тихую пристань, и, пока длился краткий сон, он был счастлив.

У Вика еще оставались дела, которые надо было закончить до его отъезда с Иффиша, и поэтому он ушел в деревни на острове вместе с парнем, который был у него в обучении. Гед остался с Арникой и ее братом Пингвином, он был на несколько лет старше Арники и почти ровесник Геда. Он выглядел совсем мальчишкой, и, очевидно, у него не было дара или, лучше сказать, наказания в виде магических способностей, и он никогда не плавал дальше Иффиша, Тока и Холма. Жизнь его была легкой и лишенной треволнений. Гед смотрел на него с изумлением и даже с завистью, а Пингвин, в свою очередь, с тем же чувством смотрел на Геда. Геду казалось странным, что человек, столь на него непохожий, которому, как и ему, девятнадцать лет, может быть таким беспечным. Он любовался красивым, веселым юношей, ощущая себя при этом каким-то долговязым сухарем, и не догадывался, что Пингвин завидует даже шрамам у него на лице, принимая их за следы драконьих когтей, а значит, за знаки и приметы героя.

Молодые люди поначалу несколько робели,

встречаясь друг с другом, зато Арника, будучи хозяйкой в доме, вскоре преодолела сковывающий ее почтительный страх перед Гедом. Он был очень внимателен к ней, и она засыпала его вопросами, так как Вик, по ее словам, никогда ничего ей не рассказывал. Два дня не покладая рук она пекла пшеничные лепешки для путешественников, упаковывала сухую рыбу, мясо и прочий провиант им в дорогу. Наконец Гед взмолился и упросил ее остановиться, сказав, что они не собираются плыть до Селидора без стоянки.

— А где Селидор?

— Очень далеко, в Западном Пределе. Там драконы такое же обычное явление, как мыши.

— Тогда, наверное, лучше всего тебе остаться на Востоке, все-таки у нас драконы размером с мышь. Вот мясо. Ты уверен, что этого хватит? Растолкуй мне, Ястреб, почему ты и мой брат, такие могущественные волшебники, которым стоит только махнуть рукой и что-то пробормотать, как все готово, почему вы испытываете голод? Когда приходит время ужина в море, почему бы вам не сказать: «Пирог с мясом» — и тогда же появится мясной пирог и вы его съедите?

— Мы, конечно, можем это сделать. Но нам не больно хочется есть, как говорится, собственные

слова. «Пирог с мясом» всего лишь слово… Мы можем сделать его ароматным, аппетитным и даже сытным, но он так и останется словом. Оно обманет желудок и не прибавит сил голодному человеку.

— Значит, волшебники не повара, — сказал Пингвин. Он сидел напротив Геда у кухонной плиты и инкрустировал крышку для шкатулки из каких-то дорогих пород дерева. По профессии он был резчик по дереву, но, судя по всему, не слишком утруждал себя работой.

— Увы, к сожалению, повара не волшебники, — вздохнула Арника. Она стояла на коленях перед плитой и проверяла, достаточно ли прожарилась на кирпичах последняя порция лепешек. — Но я все-таки не понимаю, Ястреб, я видела, как мой брат и даже его ученик зажигали свет в темноте с помощью одного слова, и это был свет, освещающий дорогу.

— Вполне возможно. Свет — это сила, огромная сила, благодаря которой мы существуем, но она существует сама по себе не только, когда мы нуждаемся в ней. Солнечный и лунный свет — это время, а время — это свет. Солнечный свет, исчисляемый днями и годами, и есть жизнь. Там, где темно, жизнь призывает свет, назвав

его по имени. И когда ты видишь, как волшебник выкликает какое-то имя или колдовством призывает какой-нибудь предмет, это, как правило, совсем не одно и то же. Вызвать того, кого здесь нет, назвав его истинное имя, — большое искусство, и нельзя им пользоваться по пустякам, например для того, чтобы утолить голод. Арника, смотри, твой дракоша украл лепешку.

Арника так заслушалась Геда, глядя на него во все глаза, что не заметила, как харреки удрал со своего теплого насеста на посудной полке над очагом и схватил пшеничную лепешку размером больше, чем он сам. Она положила своего чешуйчатого зверька на колени и стала скармливать ему крошки и кусочки лепешки, не переставая размышлять над тем, что ей говорил Гед.

— Значит, не надо просить, чтобы появился настоящий пирог с мясом, так как можно нарушить… забыла слово, мой брат постоянно его твердит…

— Равновесие, — ответил Гед без улыбки, так как вид у Арники был серьезный.

— Да. Но ведь когда случилось кораблекрушение, ты поплыл дальше в лодке, собранной в основном с помощью магии, и лодка не пропускала воду. Это была иллюзия?

— Отчасти да, но мне мешало, что море просачивается через огромные выбоины в лодке. И я законопатил их красоты ради. Но крепость лодке я придал не иллюзией и не заклинанием, а использовав иной прием — связывающую магию. Все деревянные детали были связаны в нечто целое, нечто единое, а именно в лодку. Что такое лодка? Это предмет, который не дает течи.

— А я вот собрал лодку, а она течет, — заявил Пингвин.

— У меня тоже текла, пока я не начал постоянно поддерживать ее магией. — Гед наклонился вперед, взял с каленых кирпичей лепешку и тут же стал перекидывать ее с руки на руку. — Я тоже стащил лепешку, — сказал он.

— И сжег пальцы. И когда ты будешь голодать в море, где между далекими островами нет никакой живности, ты вспомнишь об этой лепешке и скажешь: «Увы, если бы я не украл ту лепешку, я мог бы ее съесть сейчас...» А я съем лепешку брата, и тогда он будет вынужден голодать вместе с тобой...

— Таким образом равновесие будет сохранено, — заметил Гед, когда Арника взяла в рот горячую, наполовину сырую лепешку. Она рассмеялась и поперхнулась, но затем вдруг снова

стала серьезной.

— Мне бы хотелось до конца понять все, что ты мне говорил. Но я слишком глупая, — сказала она.

— Сестренка, это моя вина. Я просто бездарно объясняю. Будь у нас больше времени…

— У нас еще будет время, — сказала Арника. — Когда брат вернется, ты тоже приезжай к нам, хотя бы ненадолго. Приедешь?

— Если получится, — сказал он.

После небольшой паузы Арника, глядя, как харре-ки взбирается на свой насест, снова задала вопрос:

— Если не секрет, скажи мне, какие еще есть великие силы помимо света?

— Никакого, я полагаю, секрета здесь нет. У всех магических сил один источник и один конец. Годы и расстояния, звезды и свечи, вода, ветер и волшебство, умение человека и мудрость в корнях дерева — все это возникает одновременно. Наши с тобой имена, истинное имя солнца, или же водяного источника, или нерожденного ребенка — все это слоги великого слова, которое медленно выговаривают сияющие звезды. Другой силы нет. И нет другого имени.

Воткнув нож в резную деревяшку, Пингвин

спросил:

— Ну а как же смерть?

Низко опустив голову с черными блестящими волосами, девушка вся превратилась в слух.

— Для того чтобы слово было сказано, требуется молчание. До и после. — Он неожиданно поднялся.

Я не имею права говорить о таких вещах. Все, что я говорил, все это неверно. Для меня лучше помолчать. Я больше не буду говорить. На самом деле, может быть, и нет никакой праведной силы, есть только мрак. Он взял свой плащ и, покинув место у очага в теплой кухне, вышел в холодную зимнюю морось.

— На нем лежит проклятие, — сказал Пингвин, с некоторым страхом поглядев вслед Геду.

— Мне кажется, это путешествие приведет его к гибели, — добавила девушка. — Он этого страшится, но все-таки едет. — Она подняла голову и смотрела на огонь, будто сквозь красное пламя видела путь одинокого судна, которое пришло зимой с моря и снова уйдет туда. Глаза ее наполнились слезами, но она ничего не сказала.

Вик вернулся только на следующий день и пошел попрощаться с отцами города, которые очень неохотно отпускали его в море среди зимы ради

каких-то смертельно опасных поисков, да еще к тому же ради чужого волшебника. Но, несмотря на все осуждающие речи, они так и не могли отговорить Вика. В конце концов ему надоело выслушивать их упреки, и он сказал:

— Я принадлежу вам по рождению, обычаям и возложенному на меня долгу. Я ваш волшебник, но не слуга, хотя и призван служить вам. Помните об этом. Когда я смогу вернуться, я вернусь сюда, а до той поры прощайте.

На рассвете, когда с моря на восток пробились первые тусклые лучи солнца, два молодых человека на судне «Ясновидец» вышли из Исмейской гавани, подняв коричневый, хорошо прилаженный парус навстречу северному ветру. Арника стояла на пирсе и смотрела, как они отчаливали. Так стоят и смотрят на берегах по всему Земноморью жены и сестры моряков, когда мужчины уходят в море; они не машут руками и не кричат, а в своих серых или же коричневых плащах с капюшоном молча стоят на берегу, который для тех, кто покидает его, становится все меньше и меньше по мере того, как ширится полоса воды между ними и судном.

10. Открытое море

Гавань вскоре исчезла из виду, и теперь раскрашенные, промываемые волной глаза «Ясновидца» смотрели на бескрайнее, как никогда, и пустынное море. За два дня и две ночи друзья пересекли расстояние от Иффиша до острова Сондерс, оставив за спиной сотню миль ненастной погоды и переменных ветров. Они ненадолго зашли в порт, только для того, чтобы наполнить бурдюк водой и купить пропитанную дегтем парусину для защиты снастей, лежащих в открытой лодке, от морской воды и дождя. Они не запаслись тканью заранее потому, что волшебники обычно справляются с мелкими незадачами с помощью простой магии. Немного больше колдовства требуется для того, чтобы морскую воду сделать пресной и таким образом избавить себя от необходимости запасаться водой. Но на сей раз Гед был не склонен пользоваться своим умением и не хотел, чтобы это делал Вик. Он только сказал. «Лучше не надо», и его друг не спорил с ним и не задал ни единого вопроса. Как только ветер наполнил парус, у обоих на душе появилось

мрачное предчувствие, леденящее, как зимний шквал. Убежище, тихая гавань, покой, безопасность — все это осталось позади. Отринув мирную жизнь, они ступили на путь, где все события были чреваты опасностью и за всеми действиями таился скрытый смысл. На этой стезе даже самое мелкое колдовство могло отразиться на удаче и нарушить баланс между магической силой и судьбой. Они сейчас шли к самому центру этого равновесия, к месту, где встречаются свет и тьма; тот, кто выбрал эту дорогу, не скажет лишнего слова всуе.

Обогнув второй раз побережье Сондерса, где белые заснеженные поля уходили в туманные холмы, Гед снова повернул к югу, и вскоре они ступили в воды, куда не заходят даже самые знаменитые купцы Архипелага, а именно в дальние окраины Предела.

Вик не спрашивал, куда они плывут, понимая, что Гед не выбирает курса, а идет так, как ему должно идти. Волны шипели и громко чмокали под носом лодки, огромная серая равнина моря крутила и вертела ее, подбрасывая до небес. Когда стал уменьшаться и таять за ними Сондерс, Гед спросил:

— Какие земли впереди?

— Прямо на юг от Сондерса суши нет. Если пройти далеко на юго-запад, то тоже немного: Пелимер, Корнэй, Госк и Аствелл, который еще называют Конечная Земля. А за ним — Открытое Море.

— А что на юго-западе?

— Роламени, один из островов нашего Восточного Предела, вокруг него есть еще несколько островков.

Потом пусто до самого Южного Предела. А там Руд, Тум и еще остров Ухо, куда суда не ходят.

— Но мы-то можем пройти.

— Я предпочел бы этого не делать. Говорят, это малопривлекательная часть света, там полно костей и много дурных примет. Моряки говорят, что у берегов Уха и Дальнего Сорра можно увидеть звезды, которых больше нигде нет, они безымянные.

— Да, это верно. На судне, которое довезло меня до Рока, когда я ехал в Школу, был матрос — он говорил об этом. И еще он рассказывал истории про целый народ, живущий на плотах в дальнем Южном Пределе, — они сходят на берег только раз в год — рубить лес для плотов, а остальное время, дни и месяцы, они плавают по течению в океане, там, где нет никаких островов. Хотел бы

я посмотреть на эти деревни на плотах.

— А я нет, — ухмыльнулся Вик. — Мне подавай сушу и сухопутный народ. Мы расходимся во вкусах — я люблю спать в сухой постели.

— Вот бы поглядеть на все города Архипелага, — мечтательно сказал Гед. Он стоял, держась за трос, и смотрел на лежащую перед ним бескрайнюю серую пустыню. — Например, Хавнор в самом сердце мира, и Эа, родину мифов, и Шелит с фонтанами на острове Уэй. Все города, и все большие земли, и все малые неизведанные земли во Внешних Пределах. Я бы поплыл прямо к Драконьему Тракту на запад или же на север мимо айсбергов к Земле Хогона. Одни говорят, что там земля больше, чем все Архипелаги, вместе взятые, а другие утверждают, что это просто рифы и скалы, а между ними лед, но никто этого толком не знает. Еще мне хотелось бы увидеть китов в северных морях… Но я не волен распоряжаться собой. Я должен плыть туда, куда мне назначено судьбой, и поворачиваться спиной к прекрасным берегам. Я слишком спешил, теперь времени у меня не осталось. Я променял солнечный свет, города, дальние страны на горстку магической силы, на тень, на тьму.

Как всякий настоящий маг, Гед свой страх и

свои печали вложил в песню, короткую грустную песню, которая поется полуречитативом и слагается не только для себя. А друг его ответил ему словами героя из «Деяний Эрет-Акбе»:

Сердце вселенной, отчий очаг,
Мелькнут ли когда-нибудь
Снова в очах
Белые башни Хавнора?

Так и плыли они своей узкой дорожкой по широкой пустынной воде. За целый день видели они лишь косяк серебристых рыб, идущий на юг; нигде не выпрыгнул из воды дельфин, не пролетела чайка и сквозь серый воздух не прорвались ни снежка, ни крачка. Когда стало темнеть на востоке и зардел запад, Вик достал еду и, разделив ее, сказал:

— Здесь осталось еще немного пива. Я предлагаю выпить за ту, что догадалась положить этот бочонок на борт, чтобы страждущие могли утолить жажду в холодную погоду. Я пью за мою сестренку Арнику.

При упоминании этого имени печальные мысли тотчас покинули Геда и, оторвавшись от созерцания моря, он с жаром поддержал Вика. Слова друга вызвали в памяти образ девушки,

такой по-детски прелестной и такой умненькой. Таких девушек он никогда не встречал (правда, ему не пришло в голову и то, что он вообще никогда не имел дела с девушками).

— Она похожа на маленькую рыбку, пескарика, которая плавает в прозрачном ручье, сказал Гед. Такая беззащитная, но попробуй поймай ее.

Тут Вик пристально посмотрел на него и улыбнулся:

_ Что значит прирожденный маг! Ее настоящее имя Кест.

На Истинном Наречии «Кест» означает «пескарь», и Гед это хорошо знал и поэтому обрадовался до глубины души. Однако через некоторое время он спросил:

_ Может быть, тебе не следовало называть мне ее имя?

На это Вик, никогда не отличавшийся легкомыслием, ответил:

_ Ее имя я могу доверить тебе, как свое. А кроме того, ты ведь догадался и без меня…

Красный отсвет заката на западе сменился пеплом сумерек, а потом пепельно-серый цвет перешел в черный. Море и небо теперь были одинаково темными. Закутавшись в своей шерстяной плащ на меху, Гед решил поспать и

растянулся на дне лодки, а Вик, обхватив трос, тихо запел отрывок из «Деянии Энлада», в котором рассказывается о том, как маг Морред Белый покинул Хавнор и отправился в море на своей безвесельной галере и как, подойдя к острову Солеа, он увидел в весеннем саду Эльфарран. Гед уснул, так и не услышав о смерти Морреда и печальном конце их любви, о разрушении Энлада и высоченных морских волнах, обрушившихся на сады Солеа. Около полуночи он проснулся и снова держал вахту, пока спал Вик.

Маленькое суденышко быстро мчалось по беспокойному морю, убегая от порывистого ветра, гнущего его парус, и безрассудно врезаясь в ночь. Вверху сплошной покров тьмы наконец разорвался, и перед рассветом тощая луна, пробивающаяся сквозь окаймленные бурой бахромой облака, пролила слабый свет на море.

— Луна убывает, она входит в темноту, — едва слышно вымолвил Вик. Он проснулся на рассвете, когда холодный ветер немного стих.

Гед взглянул на белое полукольцо над бледнеющей водой на востоке и ничего не ответил. Затмение луны сразу после Солнцеворота зовется Паром. Оно противостоит дням Луны и Долгого Танца летом и находится на противоположном

полюсе. Для путешественников и больных это несчастливое время; в период Пара детям не дают истинных имен, не поют о Деяниях, не затачивают мечей и острых инструментов и не произносят клятв. Это темная ось года, когда, что бы ты ни делал, ничего не ладится.

Через три дня после Сондерса, следуя за полетом птиц и за плывущим по воде мусором с берегов, они подошли к Пелимеру, островку, выгнутому горбом над высокой серой водой. Люди там говорят по-хардски, но на каком-то особом своем диалекте, непривычном даже для уха Вика. Молодые люди сошли на берег, чтобы запастись пресной водой и немного передохнуть. Поначалу их хорошо встретили, хотя, надо признаться, их появление вызвало у жителей изумление и тревогу. В главном городке острова жил колдун, но он был сумасшедший. Говорил он только об огромном змее, который выгрызает основание острова. Он утверждал, что остров, как лодку, сорвавшуюся с причала, унесет в открытое море, а потом, не удержавшись, он соскользнет за край мира. Вначале колдун церемонно приветствовал молодых волшебников. Но, заговорив о змее, стал коситься на Геда, а затем, встретив наших путников на улице, накинулся на них с бранью

и стал кричать, что они шпионы и прислужники Морского Змея. После этого пелимерийцы тоже стали смотреть на них неодобрительно: колдун, хоть и сумасшедший, все же был свой колдун. Поэтому Гед и Вик недолго пробыли на острове и еще до наступления ночи поплыли дальше, держа курс строго на юго-восток.

Ни разу, ни днем ни ночью, во время их путешествия Гед не заговаривал о Тени и о том, что связано с ее поисками. Самое большое, на что решился Вик (поскольку они продолжали двигаться тем же курсом, уходя все дальше и дальше от известных им земель), был вопрос:

— Точно ли ты знаешь путь?

В ответ Гед только сказал:

— Точно ли знает железо, где скрыт магнит?

Вик понимающе кивнул, и они поплыли дальше — больше об этом не было сказано ни слова. Правда, иногда они говорили о тонкостях и уловках, к которым прибегали маги в старину, чтобы найти сокрытые имена нечистой силы и разных тварей, о том, как Нерегер с острова Палн узнал имя Черного Мага, подслушав беседу драконов, и как Морред увидел имя своего врага, написанное дождевыми каплями в пыли на поле битвы на Равнинах Энлада.

Они говорили о колдовстве, помогающем находить разные предметы, о вызове духов, вспомнили они и о Насущных Вопросах, на которые нельзя было не ответить и которые мог задавать только Рокский Магистр Этикета. Но нередко Гед, заканчивая разговор, тихо произносил слова, которые как-то осенью слышал от Огиона на склоне Горы Гонт: «Нужно уметь молчать, чтобы услышать». После этого он замолкал и размышлял, часами глядя на море. Вику иногда казалось, что его друг сквозь волны, расстояния и серые грядущие дни видит то, за чем они охотились, и зловещий конец их пути.

Они прошли между Корнэем и Госком в ненастную погоду и за туманом и дождем не видели ни одного из этих островов — о том, что они проплыли мимо, они узнали только на следующий день, когда перед ними встал остров с зубчатыми утесами, над которыми кружились стаи чаек, их гомон разносился по всему морю. Вик сказал:

— Судя по виду, это Аствелл. Конечная Земля. На восток и на запад от него на картах белые пятна.

— Но те, кто здесь живет, наверное, знают и о более далеких Землях, — предположил Гед.

— Что с тобой? Почему ты так говоришь? — спросил Вик, поскольку Гед с какой-то натугой

произнес последнюю фразу. Ответ его тоже прозвучал отрывисто и странно.

— Не там… — сказал он, глядя на Аствелл, лежащий перед ними остров, а может быть, мимо него или сквозь него. — Не здесь… Не на море… Не на море, а на суше. Но на какой? Перед ключами Открытого Моря… позади истоков, за вратами дневного света…

Затем он погрузился в молчание, и, когда заговорил снова, голос его стал обычным, будто он освободился от чар или видения.

Аствелльский Порт, в устье реки между двумя скалистыми вершинами, находится на северном берегу острова, и все его хижины смотрят на север и запад. Казалось, будто остров повернулся лицом к Земноморью и населяющим его людям. Появление волшебников в ту пору года, когда ни одна лодка не отважится пуститься в плавание вокруг Аствелла, вызвало смятение и тревогу. Женщины выглядывали из-за дверей плетенных из прутьев хижин и прятали за юбки детей. Они испуганно нырнули в темноту хижин, как только на пляже показались чужаки. Мужчины, тощие, плохо одетые для такой холодной погоды, молча окружили Вика и Геда, у всех в руках были каменные топоры или ножи из раковин. Но когда

страх прошел, они оказали путешественникам гостеприимство, и вопросам их не было конца. Суда с Сондерса и Роламени заходили к ним редко, поскольку жителям нечего было предложить в обмен на бронзу и другие редкие товары. У них даже не было дерева, лодки они плели из камыша, и много смелости требовалось от моряков, чтобы на таком утлом суденышке дойти до Госка или Корнэя. Они жили здесь обособленно, на краю обозначенного на картах мира. У них не было ни ведьмы, ни колдуна, и они как будто даже и не понимали, что посохи в руках у молодых людей волшебные, — им просто понравилось дерево, из которого они были вырезаны. Их старейшина, бурмистр Аствелла, был единственным человеком, кто когда-либо видел уроженцев Архипелага. Поэтому Гед и Вик были для них в диковину: обитатели острова приводили детей взглянуть на жителей Архипелага, чтобы в старости тем было что вспомнить. Они никогда не слышали про Гонт, знали только о Хав-норе и Эа. Геда они приняли за правителя Хавнора. Он постарался ответить на их вопросы о белом городе, в котором никогда не был. Но вечером, когда мужчины расселись вокруг очага в Доме Собраний, наслаждаясь теплом от хвороста и

козьего помета, единственного их топлива, Геда вдруг охватило беспокойство, и после некоторых колебаний он спросил:

— А что лежит за вашей землей?

Наступило молчание, на некоторых лицах появилась ухмылка, но большинство хмуро глядело на Геда.

— Море, — ответил за всех старейшина.

— И за ним никакой суши?

— Мы — последняя земля. Дальше ничего нет. Ничего, кроме воды, и так до самого края мира.

— Это мудрые люди, отец, — сказал кто-то из более молодых. — Они мореходы, путешественники. Может, они и знают про землю, о которой мы не знаем.

— На восток от нашей земли суши нет, — повторил старик. Он долгим взглядом посмотрел на Геда и больше не произнес ни слова.

Ночь друзья провели в том же Доме Собраний, в дымном тепле очага. Еще затемно Гед стал будить друга.

— Эстарриоль, проснись. Мы не можем задерживаться, нам пора ехать.

— Но почему так рано? — спросил полусонный Вик.

— Совсем не рано, даже поздно. Я и так слиш-

ком медленно двигаюсь. Она уже нашла способ уйти от меня и тем самым обрекла меня на неудачу. Она не должна уйти из моих рук, я должен следовать за ней, как далеко бы она ни сбежала. И если я ее не найду, я погиб.

— А куда мы должны за ней плыть?

— На восток. Идем, я уже наполнил бурдюки.

Они покинули дом, когда вся деревня еще спала и только где-то в темноте в одной из хижин заплакал ребенок, но тут же снова все стихло. При слабом свете звезд они отыскали дорогу к устью реки, отвязали «Ясновидца», он был крепко привязан к камню среди обломков скал, и столкнули его в черную воду.

До восхода солнца они отплыли из Аствелла в Открытое Море и направились на восток.

Весь день небо было чистое, холодный ветер налетал порывами с северо-востока, но Гед вызвал волшебный ветер. Это было его первое обращение к магии с тех пор, как он покинул Пясти. Теперь они шли быстро, прямо на восток. Лодка вздрагивала от ударов высоких пенящихся волн, ярко освещенных солнцем. Но как и обещал ее хозяин, она доблестно летела вперед, подгоняемая магическим ветром, совсем как на Роке их сколоченные волшебством суда.

За все утро Гед не проронил ни слова, нарушая молчание только для того, чтобы возобновить волшебный ветер или же волшебством надуть парус, в то время как Вик досыпал, растянувшись на корме, и что-то беспокойно бормотал во сне. В полдень они поели. Гед осмотрительно расходовал их скудные запасы, они понимали, что их ждет, но тем не менее с аппетитом сже-вали кусочки соленой рыбы с пшеничной лепешкой, не обменявшись при этом ни словом.

Вторую половину дня они продолжали идти на восток, не оборачиваясь и не снижая скорости.

— Чье мнение ты разделяешь? — спросил Гед. — Тех, кто думает, что мир за Внешними Пределами —. бескрайнее море, или тех, кто считает, что на другом конце мира есть иные архипелаги и до сих пор не открытые страны?

— В данный момент я готов согласиться с теми, кто думает, что у мира всего одна сторона и что тот, кто заплывает слишком далеко, рискует свалиться через край.

Гед даже не улыбнулся — веселость давно покинула его:

— Кто может сказать, что ждет человека там, за чертой? Во всяком случае, не мы, которые вечно держатся берегов.

— Но те, кто пытались узнать, никогда не возвращались. Еще ни один корабль не пришел из неведомых нам стран.

Гед ничего на это не ответил.

Весь день и всю ночь они плыли, гонимые мощным волшебным ветром, все дальше на восток по беспокойным волнам океана. Гед нес вахту с сумерек до рассвета, так как в темноте сила, которая вела и толкала его, возрастала. Он все время смотрел вперед, невзирая на то что в безлунную ночь он видел только раскрашенные глаза на носу лодки. Наутро его темное лицо посерело от усталости, он так окоченел, что с трудом мог распрямить занемевшие ноги.

— Нагоняй магический ветер с запада, Эстарриоль, — прошептал Гед и тут же заснул.

Солнце так и не встало в то утро, и вскоре с северо-запада пришел дождь и громко забарабанил по носу лодки. Это был не шторм, а затяжной холодный зимний ветер с дождем. Все вещи в лодке набухли от воды. Вик чувствовал, что вымок до нитки, а Гед дрожал от холода во сне. Из жалости к другу Вик попытался хотя бы ненадолго отогнать неумолимый ветер, приносящий дождь. Помня просьбу Геда, он старался поддерживать ровный и сильный магический ветер, но здесь, вдали

от суши, ему явно отказывала его способность управлять погодой, ветер из Открытого Моря не слушался его голоса.

Страх закрался в его душу при мысли о том, что скоро ни у него, ни у Геда совсем не останется волшебной силы, — она будет убывать по мере того, как лодка будет удаляться все дальше от обжитых земель.

Гед снова бодрствовал ночью и неуклонно вел судно на восток. Когда пришел день, природный ветер несколько поутих и выглянуло солнце, а потом снова исчезло. Волны вздымались так высоко, что «Ясновидцу» приходилось сражаться с ними и карабкаться на вершину, как на гору. Повиснув на гребне, судно неожиданно обрушивалось вниз, с тем чтобы снова взобраться на следующую волну, а потом еще на следующую и так без конца.

Вечером Вик нарушил долгое молчание.

— Друг мой, — сказал он, — ты как-то говорил мне, будто уверен, что мы в конце концов отыщем сушу. Я не подвергаю сомнению верность твоего чутья, но, подумай, это ведь мог быть и фокус, обманный трюк со стороны того, за кем ты охотишься, с целью заманить тебя подальше в океан, туда, где уже не бывает людей. И наша ма-

гическая сила может изменить нам и ослабнуть в чужих морях. А Тень ведь не устанет, не умрет от голода и не утонет.

Они сидели рядом на скамье, однако Гед смотрел на Вика словно издалека, поверх лежащей между ними пропасти. В глазах его была тревога, и он не сразу ответил.

Наконец он сказал:

— Эстарриоль, мы уже близко…

Вик знал, что его друг не ошибается, и его охватил страх. Но он положил руку на плечо Геда и только сказал:

— Значит, все хорошо, все в порядке.

Ночью снова дежурил Гед, так как он все равно не смог бы заснуть в темноте. Но он не лег поспать, даже когда пришел день, третий день их путешествия. Лодка продолжала свой безумный легкий нескончаемый бег по морю, и Вик удивлялся волшебной силе Геда, с помощью которой он мог час за часом поддерживать такой ровный магический ветер здесь, в Открытом Море, где Вик чувствовал, как его собственная сила слабеет и тает. Так они двигались, пока Вику не стало казаться, что сбываются слова Геда о том, что они уходят за самые истоки моря и далее на восток, за врата дневного света. Гед стоял в лодке, как

всегда глядя вперед. Но он не видел океан, тот, который видел Вик, — огромную массу воды, вздыбленную до самого края неба. В глазах Геда отражалось что-то темное, заслонившее собой и перекрывшее серое море и серое небо, и тьма эта усиливалась, и сгущалась пелена. Но Вик всего этого не замечал, пока не взглянул в лицо друга, — и тогда он тоже увидел тьму, застившую его взор. А они все плыли дальше и дальше. И хотя один и тот же ветер гнал их, казалось, будто Вик плывет по морю на восток, в то время как Гед движется один в царство, где нет ни востока, ни запада, где не встает и не заходит солнце и не зажигаются звезды.

Гед неожиданно встал на носу и что-то громко произнес. Магический ветер прекратился, а с ним и движение вперед. Огромные волны поднимали и бросали лодку, как щепку. И несмотря на то что природный ветер задувал во всю силу с севера, парус поник и обмяк. Лодка повисла на волнах, ее медленно качало, но при этом она оставалась на месте.

— Спусти паруса! — сказал Гед.

Вик быстро исполнил приказание, а Гед достал весла, вставил их в уключины и, пригнувшись, начал грести.

Вик, от которого весь мир вокруг закрыли вздымающиеся волны, не мог понять, почему они теперь идут на веслах, но он терпеливо ждал, не задавая вопросов. Вдруг он почувствовал, что ветер становится все тише и волны уменьшаются. Лодку уже не так высоко подбрасывало, и вскоре ему показалось, что под сильными ударами весел она плывет вперед по спокойной воде, какая бывает в гавани. Вик, когда ему удавалось между взмахами весел заглянуть через плечо Геда, не мог видеть, что творится впереди, не видел он и склонов, чернеющих под неподвижными звездами. Но все же острым зрением волшебника он разглядел что-то темное под водой вокруг лодки и увидел, как спадают и стихают валы, задохнувшись в песке.

И если это была иллюзия, нельзя не признать, она была грандиозна: превратить в сушу Открытое Море! Пытаясь собраться с мыслями и обрести мужество, Вик произнес заклинание, разрушающее чары, медленно выговаривая каждый слог, он следил, не дрогнет ли иллюзорное видение, не изменится ли картина этого странного обмеления океанской бездны и перехода ее в сушу. Но ничего не менялось. А может быть, магия, даже та, которая должна действовать только на его соб-

ственное восприятие, а не на волшебные явления вокруг, здесь не работала. А может быть, это была вовсе не иллюзия, и они пришли к концу мира.

Ничего не замечая кругом, Гед греб, все замедляя темп. Он постоянно оглядывался в поисках прохода среди каналов, мелей и отмелей, которые видел только он один. Лодка задрожала, когда киль проволокло по дну. Под килем лежали морские глубины, однако они стояли на твердой земле. Гед поднял весла, загремели уключины, и этот звук почти оглушил его, поскольку царило полное безмолвие. Не было плеска воды, шума ветра, скрипа дерева, хлопанья паруса все ушло, затерялось в глубокой тишине, которую, казалось, ничто никогда не нарушит. Лодка стояла неподвижно. Не было слышно даже дыхания ветра. Море превратилось в песок, тусклый и невозмутимый. Все было неподвижно в темном небе и на этой сухой прозрачной земле, которая уходила во мрак, все плотнее окутывающий лодку и все вокруг, насколько мог видеть глаз.

Гед встал и, взяв посох, легко переступил через борт лодки. Вик думал, что он упадет и погрузится в море, море, которого не могло не быть за этой сухой мрачной завесой, скрывающей воду, небо и свет. Но моря больше не было. Гед пошел вперед,

и на темном песке, там, где он ступал, оставались следы, и песок слегка шуршал у него под ногами.

Посох вспыхнул и засиял, но это не был наведенный свет, а ровное чистое сияние, вскоре оно стало таким ярким, что заалели даже пальцы, в которых Гед держал сияющее дерево. Он шагал вперед, уходя все дальше от лодки, но непонятно, в каком направлении. Направлений тут не было, не было ни севера, ни юга, ни востока, ни запада, идти можно было только вперед или назад.

Вику, наблюдавшему за Гедом, свет от посоха казался огромной звездой, медленно движущейся сквозь мрак. И мрак вокруг него сгущался, темнел, уплотнялся. Это чувствовал и сам Гед, напряженно вглядывающийся вперед сквозь освещенный круг. Очень скоро он увидел, как у дальнего края круга, где света уже почти не было, по песку ему навстречу движется какая-то тень.

Сначала она не имела формы, но, подойдя ближе, приняла человеческое обличье. Геду показалось, что к нему приближается старик, седой и угрюмый, в котором он признал своего отца, деревенского кузнеца, но тут же обнаружил, что это вовсе не старик, а молодой человек. Это был Яшма. Дерзкое юное лицо Яшмы, серый плащ с серебряной застежкой, чопорная походка. Оста-

новившись поодаль от Геда, он устремил на него полный ненависти взгляд.

Гед продолжал идти, чуть замедлив шаг и выше подняв посох. Посох разгорелся еще ярче, как вдруг идущий ему навстречу Яшма пропал, превратившись в Печварри. Почему-то у

Печварри лицо было одутловатое и синее, как у утопленника, и он как-то странно протянул руку, будто манил Геда. Но Гед не остановился, и теперь между ними оставалось всего несколько ярдов. И тогда существо, явившееся перед ним, полностью изменило свой облик, расползлось в стороны, словно раскрыло огромные тонкие крылья, при этом оно корчилось, разбухало и снова сжималось. На мгновение мелькнуло белое лицо Скйорха, затем на Геда уставились, полузакрытые веками, неподвижные глаза, а потом вдруг их сменило чье-то незнакомое, полное ужаса лицо, не то человека, не то чудовища, с вывороченными губами и пустыми глазницами.

При виде его Гед высоко поднял посох, сияние которого стало нестерпимым — он светился таким ярким белым светом, перед которым, не выдержав, отступил даже древний мрак. В этом свете людское обличье, как шелуха, слетело с фигуры, двигающейся навстречу Геду. Она ужалась, почернела и поползла на четырех коротких когтистых лапах по песку, подняв к Геду бесформенную морду без губ, без ушей и без глаз. Когда они подошли совсем близко друг к другу, она еще больше почернела, вытянулась и теперь резко выделялась в белом сияющем свете. Человек и

Тень молча встретились лицом к лицу и остановились.

Громким чистым голосом, разрывая долгое молчание, Гед произнес имя Тени, и в то же мгновение Тень без губ и языка повторила то же имя — «Гед». И тогда два голоса слились в один.

Гед протянул руку и, выронив посох, схватил свою тень, свое черное «я», которое изо всех сил тянулось к нему. Свет и тьма встретились и соединились воедино.

Вику, который с ужасом следил за тем, что происходит на песке, показалось, что Гед побежден, так как чистое ясное сияние потускнело. Гнев и отчаяние охватили его, и он спрыгнул на песок, чтобы помочь другу или умереть вместе с ним. Вик побежал туда, где еще мерцал угасающий свет. Ноги проваливались, и он с трудом, будто сквозь зыбучие пески или сквозь сильное течение, пробирался вперед, пока рев воды, зимняя стужа и горький привкус соли не вернули его в привычный мир. Он увидел, что барахтается в настоящем, неожиданно появившемся живом море.

Неподалеку на серых волнах качалась их пустая лодка — больше Вик ничего не видел, так как ударившая волна залила ему лицо и ослепила

его. Пловец он был неважный и, борясь с волнами, кое-как доплыл до лодки и, ухватившись за нее, перевалился через орт. дыхаясь от кашля, он утирал с лица воду, струящуюся с волос, и в отчаянии озирался по сторонам, не зная, куда ему смотреть. Наконец он заметил что-то темное среди волн вдали, как раз за тем местом, где был песок, а сейчас бурлила вода. Он бросился к веслам и изо всех сил стал грести. Схватив Геда за руку, он помог ему перебраться в лодку.

Гед был в каком-то оцепенении, и глаза его, широко раскрытые, казалось, ничего не видели, однако ран на нем не было. В правой руке он сжимал уже погасший посох из черного тиса и никак не хотел выпустить его. Он не произнес ни звука. Обессиленный, вымокший, дрожащий, он лежал, съежившись, у мачты, не замечая Вика, который поднял парус и повернул лодку так, чтобы поймать северо-восточный ветер. Он ничего не видел вокруг, пока прямо перед ними в небе, уже темнеющем там, где село солнце, между длинными облаками в клине чистого голубого света, не засиял новый месяц — разорванное колечко из слоновой кости, роговая скобка, — он отражал солнце, вдруг осветившее этот океан мрака.

Гед поднял голову и посмотрел на далекий

яркий серп на западе.

Он долго глядел на него, потом поднялся и распрямил плечи, держа посох двумя руками, как воин дер- жит длинный меч. Он взглянул на небо, затем на море, на коричневый надутый парус над ним и наконец на лицо друга.

— Эстарриоль, — сказал он, — все кончено. Все позади. — Он рассмеялся. — Рана исцелена. Я невре- ДИМ и свободен. — Он закрыл лицо руками и зарыдал, как ребенок.

До этой минуты Вик наблюдал за ним со страхом и беспокойством, так как не знал, что произошло там, на темной земле. Он не был уверен, что с ним в лодке Гед, и вот уже несколько часов готовился к тому, чтобы заякориться, сделать пробоину в досках и утопить лодку посреди моря, но только не везти с собой в Зем-номорье злую нечисть, которая, как он опасался, может принять обличье Геда. Но сейчас, когда он смотрел на друга и слышал его речь, все сомнения исчезли. Он начал постигать истину, понимая, что Гед не проиграл и не выиграл, но, назвав свое имя, он исцелился и снова стал полноценным человеком, который, осознав себя таковым, уже не подвластен никаким недобрым силам, и они не могут ни использовать его, ни овладеть им,

и что отныне он будет жить ради жизни, а не для того, чтобы служить стихии погибели, боли, ненависти и тьмы. В «Сотворении Эа», самой старой песне, сказано:

Только в молчании звук,
Только во мраке свет,
Только в погибели жизнь:
В пустынной синеве
Ясен ястреба след.

И эту песнь Вик громко запел, держа курс на запад, обгоняя холодный зимний ночной ветер, который гулял по просторам Открытого Моря и дул им в спины.

Они плыли восемь дней и потом еще восемь, прежде чем увидели на горизонте землю. Много раз им пришлось наполнять бурдюк опресненной волшебством водой прямо из моря. Они удили рыбу, но, даже призвав на помощь все рыбацкие заклинания, почти ничего не могли поймать, так как рыбы в Открытом Море не знают своих имен и не поддаются магии. Когда, кроме нескольких кусочков вяленого мяса, у них уже не осталось еды, Гед вспомнил слова Арники, когда он стащил лепешку из очага, о том, что он пожалеет о своем поступке, когда ему нечего будет есть в море. Но,

несмотря на голод, это воспоминание обрадовало его, так как, кроме этого, она сказала, что он непременно должен вернуться вместе с братом.

Магический ветер три дня гнал их на восток, а потом шестнадцать дней они плыли на запад к дому. Никто никогда не возвращался из такого далекого путешествия по неизведанному Открытому Морю, до того как зимой, перед Солнцеворотом, дерзнули пуститься в путь в рыбацкой лодке два молодых волшебника — Эстарриоль и Гед. Они, к счастью, ни разу не попали в большой шторм и плыли обратно относительно спокойно, выверяя курс по компасу и звезде Тоберген. Шли они немного севернее, чем раньше. Поэтому миновали Аствелл, но зато прошли вдоль Дальнего Толи и Сэпиша. Однако им не удалось разглядеть эти первые на их пути острова возле Мыса Копиш, самого крайнего на юге. Над волнами они видели каменные утесы, похожие на большую крепость. Морские птицы кружили над бурунами, и колечками поднимался дым от очагов близлежащих деревушек.

Отсюда до Иффиша было уже недалеко. Они пришли в Исмейскую гавань тихим темным вечером еще до начала снегопада. Привязав своего «Ясновидца», лодку, которая вывела их к берегам

Царства Мертвых и привезла обратно, они по узким улицам поднялись к дому волшебника. На душе у них было легко, когда свет очага и тепло встретили их под крышей и Арника, вскрикнув от радости, бросилась им навстречу.

Эпилог

Если даже Эстарриоль с Иффиша сдержал свое обещание и сложил песню о первом Великом Деянии Геда, она все равно не сохранилась. Но в Западном Пределе существует устное предание о лодке, которая натолкнулась на сушу посреди океанской бездны, откуда много ден пути до любого берега. На Иффише рассказывают, что в этой лодке плыл Эстарриоль, а на Токе говорят, что там было двое рыбаков, которых шторм загнал в Открытое Море. Между тем на острове Холп жива легенда о том, что это был местный рыбак, которому так и не удалось сдвинуть лодку, зарывшуюся в песок, и что он и по сей день бродит где-то по морю. От песни о Тени сохранились лишь небольшие отрывки, и вот уже долгие годы молва прибивает их от острова к острову.

В «Деянии Геда», однако, ничего не сказано об этом путешествии и о встрече Геда с Тенью, которая произошла задолго до того, как он невредимым вернулся из драконьих угодий или же привез в Хавнор Кольцо Эрет-Акбе из Гробницы Атуана, задолго до того, как он вновь прибыл на

Рок, на этот раз в качестве Верховного Мага всех островов Архипелага.